Я.Г. Риер

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЕВНИ:

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Могилев 2008

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А.А. КУЛЕШОВА»

Я.Г. РИЕР

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЕВНИ:
ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Курс лекций

Могилев 2008

УДК 904 «653» + 94(4) «04/14»
ББК 63.4 + 63.3(0)4
Р49

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
УО «МГУ им. А.А. Кулешова»*

Рецензенты:
доктор исторических наук доцент
заведующий кафедрой археологии
и специальных исторических дисциплин МГУ им. А.А. Кулешова
И.А. Марзалюк;

кандидат исторических наук доцент МГОИПК и ПРР и СО
В.Л. Морозевич

Риер, Я.Г.
Р49 Археология средневековой европейской деревни: общие черты и региональные особенности: курс лекций / Я.Г. Риер. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2008. – 112 с.: ил.

ISBN 978-985-480-474-3.

Издание представляет собой курс лекций, основанный на монографии автора «*Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века*». (*Могилев. 2000*). Рассмотрены особенности сельского расселения, планировки и застройки поселений, организация крестьянского хозяйства и быта, динамика развития социальных порядков. Поскольку данные сюжеты недостаточно отражены в письменных материалах, автор опирался на археологические исследования, развернувшиеся с середины XX в. Возникшая относительно недавно традиция привлечения археологических данных в изучение европейского средневековья еще не нашла должного отражения в литературе, особенно учебной и научно-популярной, что делает предложенную на суд читателей работу актуальной.

Из предлагаемого текста убраны многочисленные серийные факты и детали, необходимые в монографии для обоснования авторских выводов, но излишние в учебном издании. За счет этого текст сокращен и упрощен, что делает изложение более понятным широкому кругу читателей. По сравнению с монографией расширена география рассматриваемых процессов: наряду с сельским миром Восточной и Центральной Европы рассмотрен западноевропейский, что позволявт проанализировать развитие средневековых аграрных порядков континента в целом. Литература отражена в подстрочных примечаниях, что позволит читателю получить представление об основных исследованиях по аграрной археологии средневековой Европы, на которые опирается автор. Для большей наглядности текст сопровождается картами, иллюстрациями и сводными таблицами.

Издание предназначено, прежде всего, для студентов и магистрантов, специализирующихся в исследованиях по истории Европы, учителей истории, а также для всех, интересующихся историей нашего континента.

УДК 904 «653» + 94(4) «04/14»
ББК 63.4 + 63.3(0)4

ISBN 978-985-480-474-3

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире, при всех его сложностях и противоречиях, Западная Европа остается лидером и в технологиях, и в социальной организации. Иначе чем объяснить наличие общепризнанных высоких стандартов жизни населения этих стран. Северная Америка, составляющая единую с Западной Европой *Атлантическую цивилизацию*, по сути, является продолжением цивилизации западноевропейской, сформировавшейся в средние века.

Присущая западной политической элите презумпция превосходства Запада встречает резкие возражения многих представителей других современных культур и цивилизаций[1]. Но факт превосходства Запада в материальной культуре бесспорен. Ссылки на то, что это превосходство достигнуто за счет эксплуатации остального мира, можно принять лишь отчасти. Ведь иные, не западные цивилизации, имеют куда как более древние корни. Многие тысячелетия именно цивилизации Востока были в лидерах. А Европа за пределами Средиземноморья оставалась дикой, первобытной, варварской. Еще и тысячу лет назад блистательный Ближний Восток, где процветал арабо-мусульманский мир, вызывал у западноевропейских рыцарей и негоциантов приступы зависти. Но уже спустя 500 лет, в середине II тыс., западноевропейские мореплаватели и конкистадоры начали завоевывать оказавшиеся в застое восточные культурные центры и целые государства. В чем причина того, что Западная Европа, относительно поздно вступившая на пути цивилизации, обогнала иные земли?

Поскольку в доиндустриальных обществах жизнь определялась сельским миром, обеспечивавшим основу существования – пропитание, обратимся к анализу аграрной истории Европы, ибо, предваряя последующий анализ и выводы, заметим, что именно в особенностях сельской жизни лежат основные ответы на поставленный вопрос. В анализе аграрной истории континента ограничимся эпохой средневековья, ибо в период с середины I до середины II тыс. складывались основные европейские народы и государства, формировались определяющие параметры европейской истории.

[1] См. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 49-57 (Материалы дискуссии). **Он же.** Столкновение цивилизаций. М. 2006. С. 65, 158-160; **Али Т.** Столкновение цивилизаций. М. 2006.

Изучение аграрных порядков средневековой Европы имеет давнюю традицию, основанную на анализе огромного числа разнообразных письменных данных: хроник, летописей, описей, инвентарей и т.п. Но все эти материалы имеют существенный недостаток: они содержат как бы внешнюю оценку крестьянской жизни, ибо создавались узкой прослойкой средневековых интеллектуалов, если и выходивших из крестьянской среды, то порвавших с ней за годы обучения грамоте и последующего существования в иной среде. И описывали они, прежде всего, то, что интересовало их самих и в большей степени – власть предержащих[2]. Сами же крестьяне, за редким исключением, представляли собой «безмолвное большинство». Их непосредственная жизнь, мало интересовавшая тогдашних книжников, отражалась в бытовых вещах, жилищах и иных постройках, орудиях труда, то есть в предметах материальной культуры, изучение которых началось лишь в середине XX в. По мере накопления вещественных источников среди исследователей возникло понимание необходимости широкого изучения природного окружения крестьян, которые более чем кто-либо «встроены» в природу, зависят от нее. Так появились междисциплинарные исследования аграрной истории, в которых участвуют историки, археологи, природоведы (географы, ботаники, зоологи, геологи).

Однако расширение круга источников по аграрной истории и применение новых методов исследований еще не в должной мере отражено в литературе. Предлагаемая книжка призвана обратить внимание читателей на результаты этих новых подходов в изучении аграрной истории. Основное внимание будет уделено итогам археологических исследований, ибо именно при раскопках добывается материал и для ботаников (остатки зерен), и для зоологов (костный материал), и для географов (геологические срезы, следы дикой растительности и древнего рельефа). Поскольку главные процессы средневековой аграрной истории Европы развивались в лесной зоне континента, на эти территории и будет обращено основное внимание. Именно в указанных землях, заселенных германцами и славянами, в средние века формировались основы будущего облика Европы, его общих черт и различий, региональных и цивилизационных[3].

Надо заметить, что раньше всего, еще в 30 – 40-е гг. прошлого столетия, начали изучать сельские поселения археологи Германии, Польши

[2] См., напр., **Дюби Ж.** Средние века. М. 2000. С. 8.

[3] См.: **Лукин П.В.** «Варварская Европа» и современные проблемы изучения раннесредневековых славянских обществ. О новой книге К. Модзелевского // Славяноведение. 2008. № 2; **Modzelewski K.** Barbarzyńiska Europa. Warszawa, 2004. S. 454.

и СССР, что вызывалось ограниченностью письменных материалов, особенно для эпохи раннего средневековья. В Англии средневековые сельские поселения стали изучаться с 50-х гг., а во Франции, лучше обеспеченной традиционными источниками, лишь с 70-х гг., причем под влиянием работ немецких и польских исследователей. И к настоящему времени основной археологический материал происходит из стран Центральной и Восточной Европы.

Безусловно, археология, как и другие отрасли знаний, имеет границы познавательных возможностей. Исследования поселений позволяют выявить топографию, планировку и размеры селений, их внешний облик, длительность нахождения на одном месте, особенности крестьянских жилищ и построек феодалов, хозяйство деревни. Языческие погребения отражают характер этнического развития крестьянства, состояние ремесел, торговли, идеологических воззрений. Оба указанные круга памятников позволяют решать вопросы заселенности и демографии, социального положения и быта сельских жителей, дают дополнительные материалы по истории сельских общин, путях и темпах феодализации и т.д. Иными словами, археологический материал представляет возможность выяснить, прежде всего, проблемы быта, экономики и материальных условий жизни крестьян, то есть вопросы, наименее отраженные в письменных памятниках. Как отмечал Н.К. Рерих, именно археология позволяет представить прошлое в реальных и исторически точных образах[4]. К тому же археология органично сочетает методы гуманитарных, естественных и природоведческих наук, что показывает взаимосвязи человеческого общества и природной среды. Следует также отметить массовость и практическую неисчерпаемость археологических материалов.

[4] **Рерих Н.К.** Искусство и археология. СПб. 1913. С. 7.

во Франции[9]. Тогда же начинаются целенаправленные региональные исследования сельских поселений IX – XIV вв. в Центральной России, Северо-Восточной Украине и Восточной Беларуси. Эти работы были продолжены в последующее десятилетие с постепенным расширением на Новгородскую и Псковскую земли, Смоленщину и Подмосковье.

В странах Центральной Европы и в Англии 70 – 80-е гг. стали временем пика исследований в области средневековой аграрной археологии. К работам были подключены многочисленные научные коллективы. Раскопкам подвергнуты несколько десятков поселений, причем некоторые обследованы практически полностью. Были составлены карты заселенности многих регионов Англии, Польши, Чехословакии, ГДР и ФРГ. В Чехии и Польше выявлены следы средневековых полей, что существенно расширило представления о земледелии и организации землепользования. Появляются и первые исследования социального развития деревни на археологических материалах[10].

К 90-м гг. общая картина состояния средневековых сельских поселений и жизни на них в странах Центральной Европы и Англии в результате более чем тридцатилетних исследований была выяснена. Интенсивность полевых работ стала спадать. На обширных же пространствах Восточной Европы: в Беларуси, Украине, Северо-Западной и Центральной России исследования, наоборот, расширялись. Выявлялись и обследовались новые земли, поселения. Материалы о них вписывались в общеисторический контекст. Эти работы продолжаются и в настоящее время.

Таким образом, собранные к настоящему времени археологические материалы происходят из всех основных регионов лесной зоны Европы, что позволяет выработать обобщенное представление о средневековой сельской истории указанных земель по археологическим данным. Поскольку этой проблеме посвящено более 2500 публикаций, при дальнейшем изложении будут указываться лишь наиболее значительные, в которых отражена и остальная библиография.

[9] Многочисленность письменных материалов по аграрной истории средневековой Франции замедлила, как отмечвлось, обращение в этой стране к археологии. Произошло это лишь в 60-е гг. под влиянием успехов у соседей и при помощи более опытных к тому времени польских коллег. См.: **Pesez J.-M.** L'archéologie du village mediéval en France // Le village en France et en URSS des origines à nos jours. Toulouse. 1975. P.77-80.

[10] **Steuer H.** Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. 3. Göttingen. 1982. No. 128.

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ

Зависимость человеческого общества от природной среды обратно пропорциональна его возрасту: чем древнее человечество, тем более его жизнь зависела от природного окружения. Климат, рельеф, воды, почвы, растительный и животный мир во многом обуславливали состояние и темпы развития человека, условия его обитания и деятельности людей вплоть до индустриальной эпохи, первые проявления которой в Западной Европе отмечены лишь в XVIII вв. Поэтому изучение истории жизни средневековых европейских крестьян целесообразно начинать с характеристики окружавшей их среды.

Серьезное влияние на формирование аграрного пейзажа оказывал рельеф. В равнинных областях Европы освоение земель началось с приречных долин, заселявшихся еще при переходе к оседлости, то есть с неолита. Таковым, несмотря на многочисленные перемещения отдельных племен и целых древних народностей, оно оставалось и в эпоху бронзы, и в железном веке, сохранилось и в раннем средневековье. Показательно, что при смене среды обитания, древние (и раннесредневековые) племена на новых местах старались селиться в привычной для них среде.

Так, германцы, расселявшиеся в первые века новой эры в тогда еще римской Галлии, предпочитали не возделанные, окультуренные галло-римлянами плодородные водоразделы, а привычные влажные речные долины. Причем тогдашние земледельцы предпочитали не столько плодородные, сколько легкие почвы, формировавшиеся в речных поймах.

Привязанность к водоемам, однако, не всегда играла положительную роль. В начале средневековья, в V – начале VII в., по всей Европе отмечено похолодание, сопровождавшееся уменьшением влажности вплоть до падения уровня рек и грунтовых вод. И поселения «сползали» ближе к воде. Затем начался длительный период потепления, сопровождавшийся ростом влажности, особенно, с IX в.[1] И поселения, а также угодья, оказались в зонах затопления, что способствовало очередному

[1] В районе Берлина, например, в середине I тыс. уровень воды в реках был на 2 м ниже современного, а в IX в. он повысился на 1 м (**Herrmann J.** Wasserstand und Siedlung im Spree-Hafel Gebiet in frühgeschichtlicher Zeit // Ausgrabungen und Funde. 1959. Bd. 4. H. 2. S.90-106; **Lange E.** Grundlagen und Entwicklungstendenzen der frühgeschichtlichen Agrarproduktion aus botanischer Sicht // Zeitschrift für Archäologie. 1976. Jg. 10. H. 1. S.82).

перемещению населения на возвышенности. Наиболее теплый климат отмечен в XI – XII вв., когда стало и немного суше, что способствовало прогрессу сельского хозяйства и росту населения. Но затем начался период погодной неустойчивости с постепенным нарастанием влажности и похолоданием. Несмотря на периодический возврат тепла, тенденция к похолоданию постепенно принимала устойчивый характер, превратившись в так называемый «малый ледниковый период» к XV в. Все эти изменения сильно влияли как на характер растительности, так и на выбор мест для поселений, а также на продолжительность их существования.

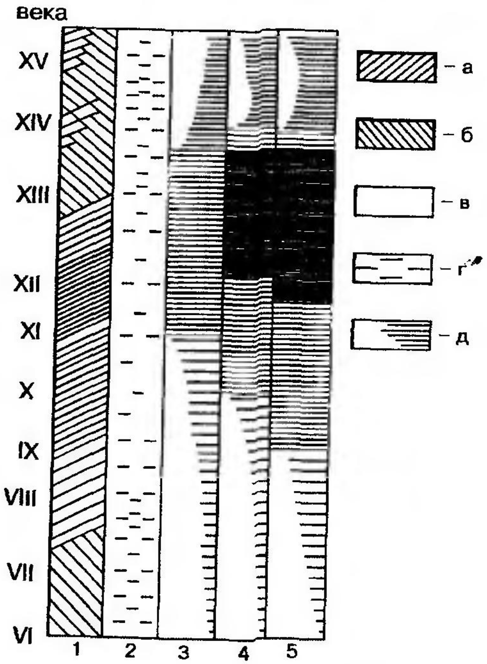

Рис. 1. Климат и расселение в лесной зоне Европы с VI по XV вв.
1 – температура, 2 – уровень влажности,
3 – расселение в восточнославянских землях,
4 – расселение в западнославянских землях,
5 – расселение в древнегерманских землях;
а – тепло, б – холод, в – сухость, г – влажность, д – ход расселения.
Плотность штриховки означает интенсивность процесса

Поскольку речь идет о лесной зоне, то до конца I тыс. население размещалось островками, скапливаясь на свободных от лесов участках речных долин. Именно девственные и не испытавшие массовых порубок леса,

наряду с водоемами, прежде всего – реками, определяли очертания скоплений поселений (агломераций). Приречный тип заселенности на легких почвах в Западной и Центральной Европе сохранялся, в целом, до XI в. В широких долинах крупных рек поселения размещались обычно на пойменных возвышенностях и дюнах. Там же, где коренные берега подходили к самой реке, поселения оказывались на краях обрывов и при изменениях русел перемещались по долинам, спасаясь от подмыва и затопления.

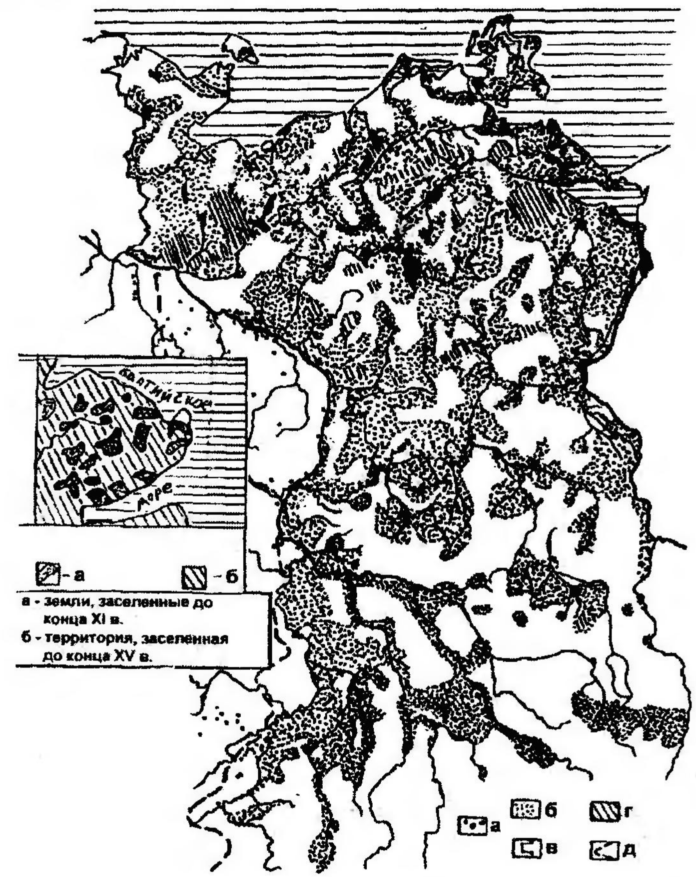

Рис. 2. Славянское расселение западнее Одера в VI – XII вв. (по Й. Херрманну)
а – отдельные памятники западнее Эльбы; б – области, заселенные в VI – X вв.;
в – западная граница славянских топонимов в Гольштейне;
г – области, заселенные в XI – XII вв.; д – западная граница славянских топонимов в левобережье Эльбы и Зале.
На врезке: заселенность первой половины II тыс.н.э. на юго-востоке Ютландии (по В. Янкуну)

Приречный тип расселения диктовался хозяйственными потребностями, ибо занятием основной массы раннесредневекового населения было земледелие и животноводство. Речные и приозерные долины были не только свободны от густой лесной растительности, но и плодородны, что позволяло жителям деревень обеспечивать себя необходимым пропитанием. Но поскольку крупные реки были и торными дорогами для «лихих людей», большинство известных сельских поселений, очевидно из соображений безопасности, располагались по берегам малых рек и ручьев.

Аналогичная система расселения существовала и на равнинных землях Северных Балкан[2]. Наоборот, в гористой Болгарии большинство славянских поселений изначально, с VI в., занимали возвышенные, хорошо защищенные места, обычно – холмы. На равнинах и в долинах поселения встречаются реже. Многие поселки, основанные в VI в., просуществовали до IX – XI вв., то есть были долговременными.

Рост населения приводил, как правило, не к увеличению площади поселений, а к росту их числа, чтобы не отдаляться от полей (подробнее об этом в главе *Хозяйство*). Экстенсивные системы земледелия требовали наличия вокруг деревень обширных угодий, что вело к распыленной системе расселения в виде скоплений малых поселков, отделенных друг от друга или резервной землей, или лесами.

Нередко раннесредневековые поселения существовали на одном месте недолго, в течении жизни одного поколения (несколько десятилетий), затем жители переселялись на небольшое расстояние. Такие перемещения происходили на определенной территории и нередко через некоторое время деревни оказывались на своих прежних местах. Эта нестабильность была связана главным образом, вероятно, с истощением земель и других угодий. Но могли играть роль гигиенические причины, пожары, наводнения, перемещения рек и др. В иных случаях поселки оказывались стабильными, а у отдаленных полей строились сезонные времянки. Указанные перемещения были зафиксированы на всей рассматриваемой территории. Но при перемещениях деревни обычно не выходили за пределы уже освоенных территорий, ограниченных лесами. Известны и сочетания: старая долговременная деревня и по соседству – несколько небольших выселков, существовавших недолго. Такую ситуацию наблюдали немецкие исследователи в плотнозаселенных местах на юго-западе Германии у алеманов в VIII в. и у полабских славян в IX – X вв.[3] У восточных славян на хорошо исследованных территориях в эти же столетия прослежено «гнездовое» расположение поселений, по 3-7, местами и более. Внутри этих скоплений-гнезд деревни находились на расстоянии 0,5–5 км друг от друга, соседние поселки нередко отделялись лишь естественными преградами рельефа (оврагами, балками, ручьями).

[2] **Petresku-Dimbovita M.** Slovanské sidliska v Moldavskej oblasti Rumunska // Slovanská archeologie. 1958. R.VI. Č. S.209-222; **Бабич Б.** Раннесредневековые славянские поселения на территории Социалистической Республики Македония // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.2. С.195-196.

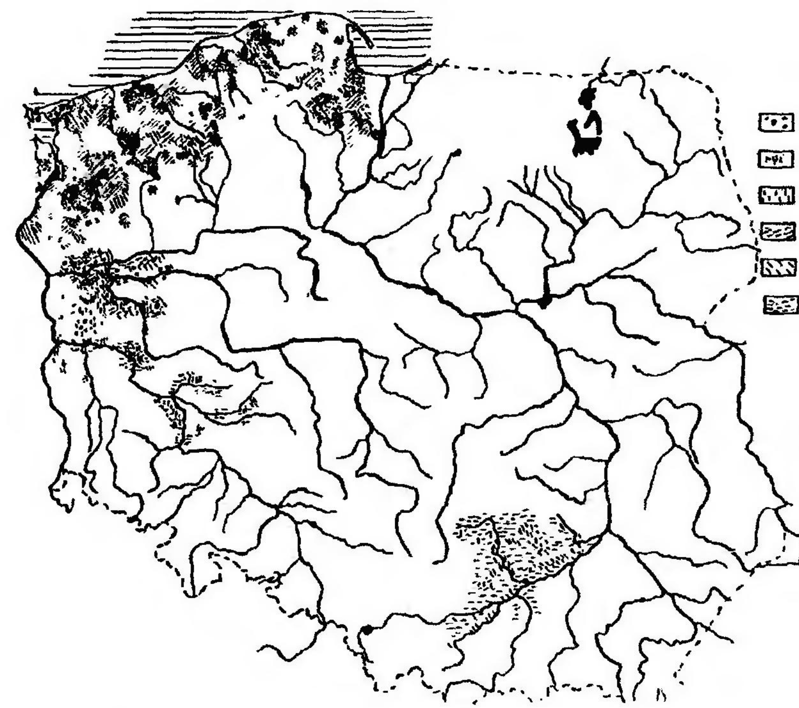

Рис. 3. Средневековое сельское расселение в отдельных польских землях (по В. Лосиньскому, С. Гильчерувне, Э. Домбовской, А. Урбаньской) Поселения: а – первой половины I тыс.н.э., б – VI – VIII вв., в – VIII в., г – IX в., д – X – XI вв., е – XII – XIII вв.

[3] **Janssen W.** Dorf und Dorfformen des 7. bis 12. Jahrhunderts im Lichte neuer Ausgrabungen in Mittel- und Norduropa // Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters. Göttingen. 1977. S.354; Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. Bis 12. Jahrhundert. Berlin. 1985. S.167-168; **Herrmann J.** Siedlung, Wirtschaft und geselschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin. 1968. S.11-12.

Таким образом, до конца I тыс. население рассмотренных территорий концентрировалось в отдельных скоплениях-островках, расположенных в речных долинах среди безбрежного зеленого моря практически девственных, почти не познавших еще топора лесов.

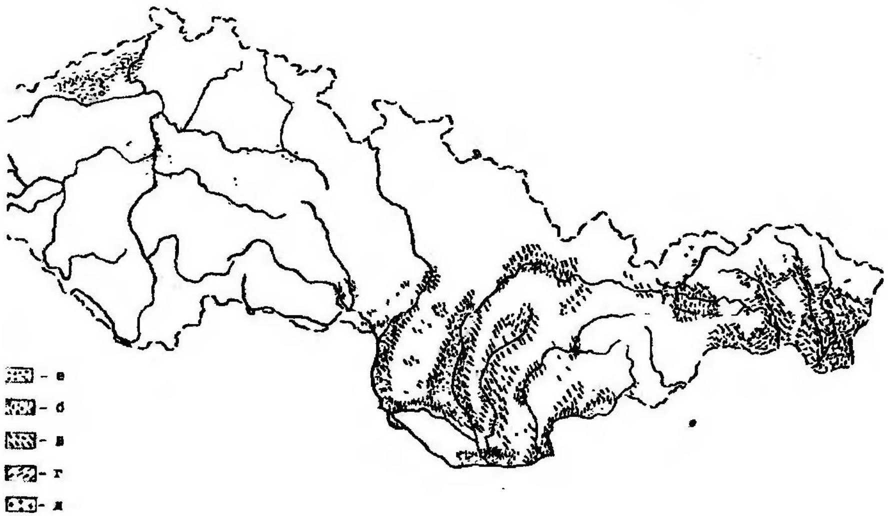

Рис. 4. Средневековое сельское расселение в Словацких и отдельных Чехо-Моравских землях
(по. П. Шалковскому, Й. Зееману, Д. Чапловичу, З. Ване, З. Мержинскому)
Поселения: а – VI – VII вв., б – VIII в., в – IX – X вв., г – XI – XIII вв., д – XIII – XV вв.

С XI – XII вв. в Западной и Центральной Европе начинаются существенные изменения в размещение сельского населения: оно как бы отдалялось от берегов водоемов. Осваиваются прибрежные возвышенности. Возникают деревни вдоль новых сухопутных коммуникаций. И, главное, начинаются массовые порубки в пущах и осваиваются плодородные лесные земли на речных водоразделах. Соответственно уменьшается население в долинах и низинах. Этот процесс получил название *внутренняя колонизация* или *великие расчистки* и был обусловлен, прежде всего, демографическими причинами – ростом населения, которому уже не хватало пригодных земель в долинах. Уходить на возвышенности вынуждал и отмеченный в XI – XII вв. подъем уровня грунтовых вод. Но это была второстепенная причина; главная же – перенаселенность, возникшая в прежних местах обитания. Росту населения способствовали и начавшаяся хозяйственная стабилизация, и прогресс в агрикультуре: освоение значительной массой крестьян более совершенных агроприемов, позволивших поднимать лесную целину.

В течение XII – XIII вв. произошло существенное увеличение числа деревень. В Англии за эти столетия число поселений выросло в 2,5 раза. К концу XIII в. все пригодные для сельского хозяйства земли в стране уже были освоены и нераспаханные пустоши едва обеспечивали потребности сельского населения. В итоге наметились контуры современных поселений и культурного ландшафта[4].

В западногерманских землях, в левобережье Среднего Рейна во второй половине XIII в. число деревень оказалось максимальным за всю историю края[5]. А в XV в. на германских землях сформировался современный аграрный ландшафт[6].

Аналогичные процессы происходили в польских и чешских землях, хотя, вследствие меньшей плотности населения в предшествующее время, рост числа новых деревень и сам процесс расчисток происходил менее интенсивно.

В Силезии к концу XII в. было освоено уже около 30% территории, а в Западной Великопольше к концу XIII в. – примерно 40%. Наиболее активно освоение новых земель в Польше происходило в XIII – XIV вв. и, отчасти, в XV в. В Средней Польше, например, в XIV в. в долинах жило уже менее половины населения. К концу XV в. в Польше также сформировался современный аграрный пейзаж[7].

В компактно заселенных уже в предшествующее время моравских землях, где со второй половины XII в. процесс внутренней колонизации часто происходил по инициативе мелких дворян (шляхты) и монасты-

---

[4] **Rowley T.** Villages in the Landscape. P.106-113.

[5] **Janssen W.** Studien zur Wüsrtungsfrage im fränkischen Altsiedelland zwischen Rhein, Mosel und Eifelnordland. Köln. 1975. S.193,199.

[6] **Grees H.** Die Auswirkung von Wüstungsvorgängen auf die Überdauemden Siedlung // Beiträge zur Genese der Siedlungs- und Agrarlandschaft in Europa. Wiesbaden. 1968; **Jankuhn H.** Archäologie und Geschichte. Vorträge und Aufsätze (Beitrage zur siedlungsarchäologischen Forschung). Berlin-New Jork. 1976. Bd. 1. S.161-163; **Janssen W.** Studien zur Wüsrtungsfrage im fränkischen Altsiedelland zwischen Rhein, Mosel und Eifelnordland. S. 10-13, 97-99, 221-247.

[7] **Stremski M.** Uwagi ogólne o przemianach środowiska geograficznego Polski jako tła przirodniczego rozwoju rolnictwa od polowy trzeciego tysiąclecia p.n.e. do naszych czasów // Zarys historii gospodarstwa wiejskiego w Polsce. Warszawa. 1964. T. 1. S.19; **Zajączkowski S.** Studia nad osadnictwem dawnych ziem łęczyckiej i sieradzkiej w XII – XIV w. // Studia z dieów osadnictwa. Warszawa. 1966. T. IV. S.82; **Zajchowska S.** Rozwój osadnictwa w północnej części województwa zielonogórskiego od XII do XV wieku // Studia nad początkami i rozplanowaniem miat nad środkową Obrą i dolną Wartą. Zielona Gora. 1967. T.1. S.115-126.

рей, осваивались, в основном, ближайшие к воде возвышенности, особенно располагавшиеся вдоль малых рек и ручьев. Среднее расстояние между деревнями там составило лишь 1–1,5 км[8]. В Чехии до середины XIV в. были освоены многочисленные возвышенности, полонины, на высоте 300–400 м над уровнем моря. Отсутствие на новых местах водоемов компенсировалось колодцами и прудами. На больших площадях сводились леса. По размерам новые деревни были обычно меньше тех, что остались в областях старого расселения, но располагались они очень плотно (в ряде мест плотность сети поселений даже превышала современную). Отмечены и относительно крупные деревни, насчитывавшие более 20-ти усадеб.

В XI – XIII вв. отлив избыточного населения на свободные земли возвышенностей, где создавались новые поселки, привел к исчезновению некоторых деревень в перенаселенных областях старого расселения, в долинах. На новых местах появлялось много мелких деревень, часто недолговечных из-за того, что по незнанию крестьяне основывали их в неудачных местах, чаще всего на малоплодородных почвах[9]. Но могли быть и иные причины запустения недавно основанных поселков. Ибо нередко поля покинутых деревень не забрасывались, а распределялись между соседними укрупненными поселками, в которые часто и уходили крестьяне с оставленных селений. С середины XIV в. количество покинутых деревень начало превышать число вновь создаваемых. В целом, среднее время существования возникавших в ходе колонизации деревень не превышало 200–250 лет, а нередко – только столетие[10].

Причин такой нестабильности сельского расселения много. Раскрытие их в 60 – 80-е гг. стало возможным, прежде всего, благодаря размаху археологических исследований. Выяснилось, что интенсивное освоение новых земель с массовыми расчистками под пашни вело к нарушению сложившегося гидрологического режима (усилению наводнений, заболачиванию низких мест с одновременным падением уровня грунтовых вод на возвышенностях и пересыханием верховых ручьев) и сокращению мест для выпаса скота. Интенсивная эксплуатация полей, часто

[8] **Snašil** R. Sidlištny siť 10.-15. stoleti na Uherskohradišťsku // Archæologia historica. 1980. No. 5. S.178.

[9] **Meřzinský Z.** Přispevěk k možnoctem rekonstrukce středověké krajiny uzemi zaniklych vesnic a typů sidlišť // Archæologia historica. 1987. No. 12. S.114; **Snašil R.** Změný sidlištni sitě a jeich přičiny v 10.-19. Stoleti // Vlastivěda moravská. „Uherskohradišťsko“. Bmo. 1982. S.185-186.

[10] **Belcredi L.** Zanikla středoveké osady na Drahanské vrchovine ve světle archeologických nalezů // Vlastivědny věstnik moravský. 1983. No. XXXV. S.44.

менее плодородных, чем в долинах, вела к их истощению (пока не научились применять новые агроприемы и регулярно удобрять почву). Высокая плотность сложившейся в ходе колонизации сети поселений породила дефицит и земельных резервов, необходимых для жизнеспособности деревни. Чаще забрасывались менее продуктивные поля на возвышенностях. Постепенно выявлялось и неудобство в расположении ряда колонизационных деревень.

Так в XIV – XV вв. произошла корректировка сети поселений. Она привела к росту расстояния между деревнями, увеличению размеров пастбищ и резервных угодий. Наиболее непродуктивные земли вновь зарастали лесами, что несколько смягчало негативные экологические последствия массовых расчисток, к которым можно отнести увеличение влажности атмосферы, усиление ветров, увеличение оттепелей и частых разрушительных паводков, смыв почвы, заиливание рек и прудов. В итоге, в XV в. сложилась более оптимальная для тогдашних условий сеть расселения. Наиболее полно эти процессы прослежены в Чехии и Моравии.

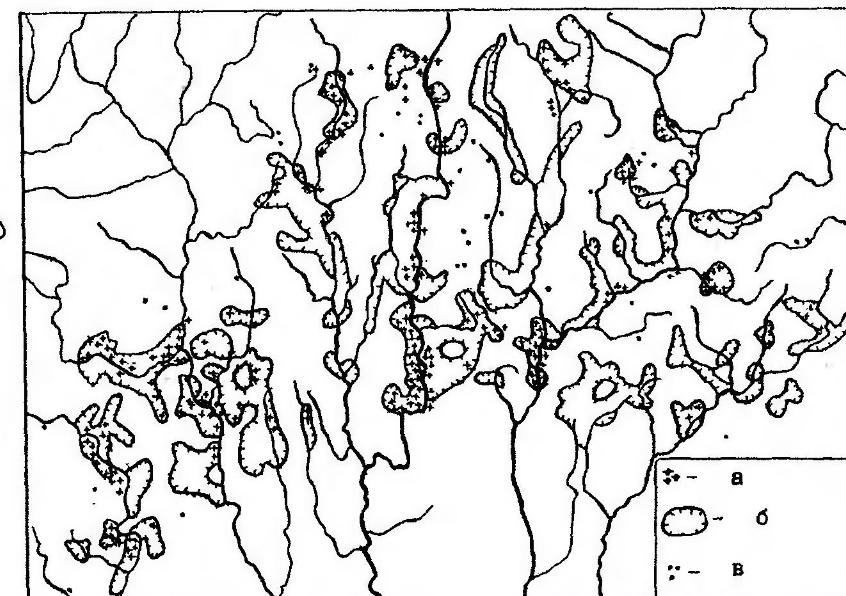

Рис. 5. Расселение в I – первой трети II тысячелетия в Могилевском Поднепровье.
а – поселения и могильники I тыс.н.э. (по Л.Д. Поболю),
б – заселенные территории в X – XIII вв.; в – одиночные поселения и могильники X – XIII вв. (Как видно, одиночные объекты располагались цепочками, т.е., очевидно, вдоль проходящих в лесах дорог)

В менее заселенных словацких землях венгерского королевства в XIII в. еще преобладало расселение в долинах, в областях старого расселения. Но уже начинало ощущаться отсутствие свободных земель. В лучше изученных районах деревни тогда были расположены даже гуще, чем теперь. Широкое освоение возвышенностей происходило здесь позднее, в XIV – XV вв. А уход из долин пришелся на середину XV – XVII вв.[11]

Иная ситуация складывалась в Восточной Европе. Из-за меньшей плотности населения массовое сведение лесов здесь началось лишь к XVI – XVIII вв., а в средние века вплоть до причерноморских степей регион был покрыт первобытными, девственными лесами, чьи очертания еще и теперь мало изучены. Но отдельные исследования, в частности, на территории Верхнего Поднепровья, позволили установить, что в XI – XIII вв. здесь были обширные пущи, прерывавшихся лишь речными долинами, в которых отдельными скоплениями и концентрировалось население[12].

Таким образом, в X – XIII вв. на большей части восточнославянских земель продолжал господствовать приречный или долинный тип расселения. Поселения размещались среди пригодных для земледелия почв на надпойменных террасах и пологих возвышенностях, мысах при впадении ручьев, реже – на мысах коренных берегов. Увеличилось количество поселений на берегах малых рек. Водоразделы практически еще не были заселены. За исключением отдельных переувлажненных земель Северо-Западной Руси деревни располагались обычно в долинах больших и малых рек: у уступов слабо наклоненных береговых террас, на пойменных возвышенностях. Удаленность селищ от воды редко превышала 100 м, а высота мест поселений над уровнем воды обычно колебалась в пределах до 10 м[13].

Но естественный рост населения и накопление земледельческого опыта приводил к росту поселенческой активности крестьян: созданию новых деревень и освоению ранее пустовавших долинных земель. В итоге

[11] **Čaplovič D.** Stredoveké zaniknuté dedinský osidlenie na východnom Slovensku // Slovenská archeologia. 1983. R. 31. No. 2. S. 379-380; **Habovštiak A.** Stredoveká dedina na Slovensku. Bratislava. 1985. S.237-249, 371-372.

[12] **Риер Я.Г.** Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X – XIII вв. // Советская Археология. 1982. № 4. С.107-118; **Он же.** Природная среда и система сельского расселения в Восточной Белоруссии в X – XIII вв. // Методы естественных наук в археологии. М. 1987. С.50-56.

[13] Археологія Украінськоі РСР. К. 1975. Т.3. С.163; Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. М. 1985. С.98; **Никольская Т.Н.** Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX – XIII вв. С.43-45; **Седов В.В.** Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. С.12-13; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. С.209.

к поселениям, существовавшим с предшествующего времени, в XI – XII вв. добавилось много новых. Местами число деревень увеличилось в 2-3 раза, хотя многие из них были небольших размеров и недолговечные. В XIII в. процесс создания новых деревень резко замедлился, а к концу столетия прекратило свое существование более половины деревень, основанных ранее. Таким образом, наибольшее число древнерусских поселений домонгольского времени существовало в XII – начале XIII в. В южнорусских землях «демографический взрыв» пришелся на XI – XII вв., в остальных восточнославянских землях – на XII – XIII вв. На север, в лесные земли уходило и избыточное крестьянское население из более развитого Среднего Поднепровья[14].

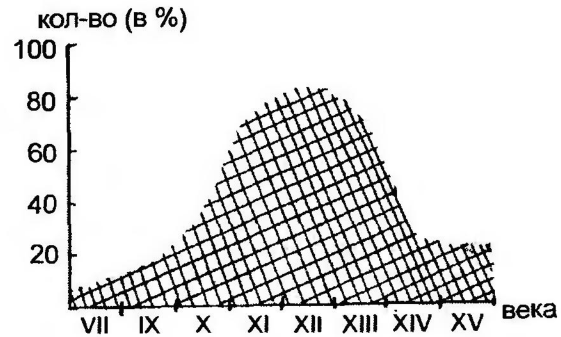
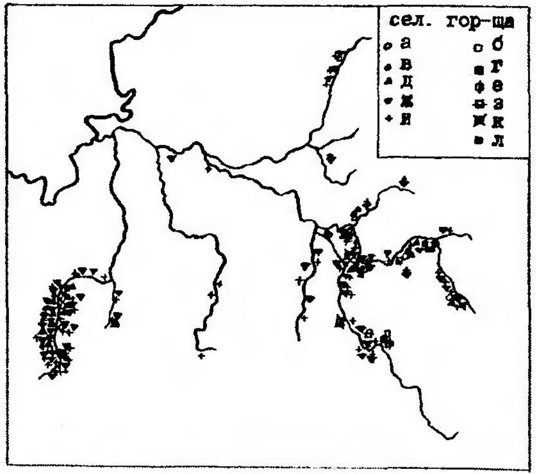

Рис. 6. Динамика существования деревень
(по материалам Черниговщины, западной части Белорусского Полесья, Могилевского Поднепровья и земли Вятичей. Исследования А.В. Шекуна, Е.М. Веремейчик, О.В. Иова. Т.Н. Никольской и автора)

Система расселения сохраняла гнездовой характер. Как и в предшествующее время, население скапливалось на благоприятных почвах, свободных от крупных лесных массивов. Там, где удалось проследить ареалы распространения лесов в XI – XIII вв. установлено, что границы заселенности определялись окружавшими их лесами. Отдельные гнезда поселений становились административно-политическими единицами возникавших княжеств. Но выходить за пределы очерченных скоплений жители еще не спешили.

[14] **Бибиков С.Н., Толочко П.П.** Проблемы палеодемографии и палеоэкономики. (Археологический аспект исследований) // Проблемы исторической демографии. К. 1988. С.34-40.

а, б – VIII в.
в, г – IX в.
д, е – X в.
ж, з – XI в.
и – рубеж X – XI вв.
к – XI – XIII вв.
л – XIV – XV вв.

Рис. 7. Расселение VIII – XV вв.в бассейне р. Волость (Новгородская земля. По В.А. Бурову)

К XIV в. сеть долинного расселения становится более редкой. Причины этого различны. Серьезно повлияло на сокращение поселений и населения монгольское нашествие. Историк В.В. Каргалов, на основе работ археологов А.В. Успенской, М.В. Фехнер и В.В. Седова, констатировал по этой причине исчезновение около 1/3 поселений в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси[15]. Но автор оставил без внимания другие возможные причины исчезновения поселений, продолжавшегося и в XIV – XV вв., причем и там, куда монголы не дошли или бывали эпизодически. На это обратил внимание швейцарский русист К. Гёрке, отметивший, что хотя недооценивать разорение страны нельзя, многие послемонгольские поселения вообще не фиксируются, так как нередко находятся на территории современных населенных пунктов и потому разрушены[16]. Украинский археолог С.А. Беляева констатировала, что сплошного оттока населения из Южной Руси в послемонгольское время не было. В XIV в. происходило довольно активное хозяйственное восстановление. Возрождалась жизнь во многих деревнях, на которых известны древнерусские слои[17]. Материалы же с более северных территорий

[15] **Каргалов В.В.** Последствия монголо-татарского нашествия для сельских местностей Северо-Восточной Руси // Вопросы истории. 1965. № 3. С.53-58.

[16] **Goehrke K.** Wüstungsperioden des frühen und hohen Mittelalters in Osteuropa // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden. 1968. T. 16. S.30-50.

[17] **Беляева С.А.** Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV в. (По материалам археологических исследований). К. 1982.

свидетельствуют о происходившей там в XIV – XV вв. активной колонизации как новых земель на окраинах, так и внутри страны. При этом размеры деревень уменьшались, а число их увеличивалось.

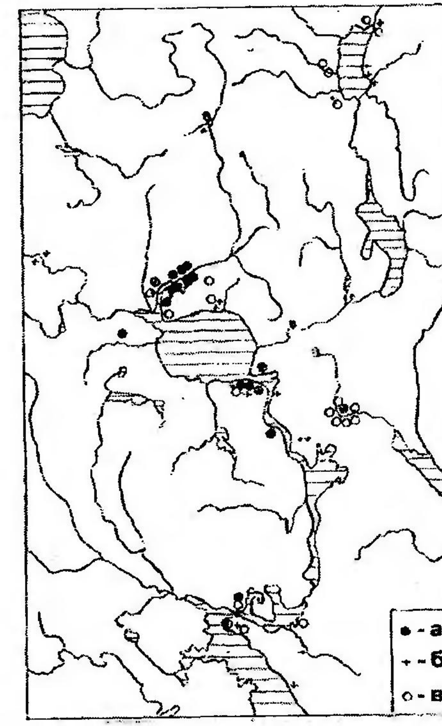

Рис. 8. Расселение X – XIII вв. в Белозерском крае (по Н.А. Макарову)
Поселения: а – конца IX – третьей четверти X в.,
б – конца X – начала XII в.,
в – второй половины XII – середины XIII в.

Новые селища располагались чаще всего в отдалении от воды, на водоразделах. Перемещение на более высокие места стимулировалось и повышением увлажненности в XIII – XIV вв., особо проявившееся в Северо-Западной Руси. Распространение трехполья и плуга (о чем см. далее) позволяло вводить в сельскохозяйственный оборот плодородные, но тяжелые суглинки на возвышенностях. Первоначально, вероятно, осваивались лесные поляны, что и определяло малодворность деревень этого времени. Сам процесс освоения новых земель также способствовал формированию починковой структуры. Возможно, сказыва-

лось и возраставшее вмешательство землевладельцев в дела общин, что вело к формированию новой общинной сети, интегрированной в феодальные структуры. Все это делало деревни лёсной зоны трудноуловимыми для археологов (потому их и известно мало). Но многие деревни XIX – XX вв. берут свое начало именно от селищ XIV – XV вв., что, как отмечалось выше, также затрудняет поиски археологов. Заселенность долин сохранилась, хотя и стала более разреженной. Перемещение на водоразделы активнее происходило в лесной зоне. В лесостепи и степи сохранялось тяготение к долинам. Наиболее стабильными в старых областях расселения оказались крупные поселки, которые, вероятно, с древнерусского времени играли роль центров погостов и располагались в географически и гидрологически удобных местах. В XVI – XVII вв. освоение водоразделов велось интенсивнее в связи с массовыми лесными порубками. Таким образом, с XIV в. начался принципиально новый этап сельского расселения на восточнославянских землях, этап перехода к современной структуре расселения. Аналогично развивался процесс расселения у соседей, в Молдове, Восточной Прибалтике, у населения Карелии, Заволжья.

Рассмотренные материалы свидетельствуют, что процесс средневекового сельского расселения на западе, в центре и на востоке Европе развивался в едином направлении, но в разные хронологические периоды. До VIII – X вв. характер расселения был, в принципе, идентичным: скопления поселений в долинах и на низких береговых террасах отделялись друг от друга безлюдными, покрытыми лесами просторами.

Затем в области обитания германцев начался рост населения с постепенным освоением близлежащих к заселенным землям возвышенностей. С XI в. этот процесс переходит в широкое наступление на пустовавшие до тех пор водоразделы. К XIV в. экстенсивное развитие сельского расселения в германских землях завершилось. У западных славян аналогичный этап освоения возвышенностей, затем и водоразделов, начался с XI – XII вв. и завершился позднее, в XIV – XV вв. У восточных славян при массовом росте числа поселений до XIV в. в целом сохранялся долинный тип расселения и лишь затем отмечается выход на водоразделы.

Как видно, с конца I тыс. в Западной и Центральной Европе процессы расселения развивались интенсивнее, чем в восточной части континента (в разных местах эта разница составила 100–200 лет). Основная причина различий в темпах расселения – демографическая. В течение VIII – X вв. в Центральной Европе резервы свободных земель в долинах

были в основном исчерпаны. У восточных славян в это время и позднее избыточное население уходило на слабо заселенные соседние земли, что позволило сохранять традиционный тип расселения надолго.

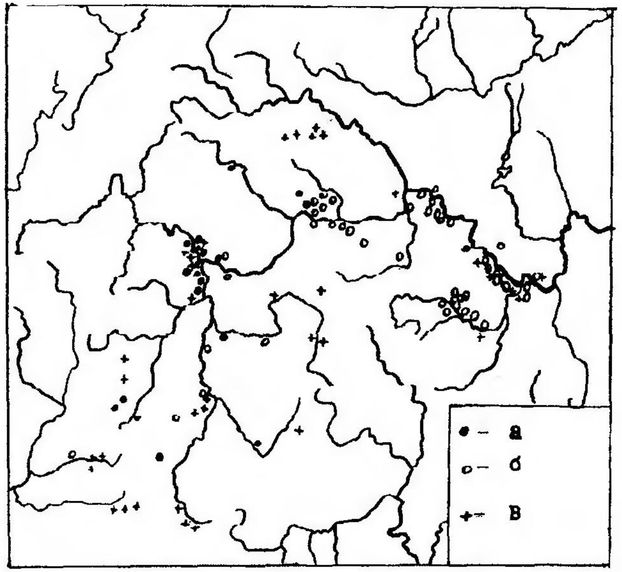

Рис. 9. Сельское расселение в земле Вятичей
(по Т.Н. Никольской)
селища: а – VIII – X вв.,
б – конца X – первой половины XII в.,
в – второй половины XII – середины XIII в.

ВНЕШНИЙ ВИД ДЕРЕВЕНЬ: ПЛАНИРОВКА, СООРУЖЕНИЯ

Застройка поселений и формы крестьянских жилищ различались в разное время и в разных местностях. Рассмотренный в предыдущей главе характер расселения был связан с природной средой и плотностью населения в той или иной местности. И менялся он только с изменением климата и численности населения. Устройство же деревень, их внешний вид и архитектура построек определялись не только особенностью окружающего пространства (рельефом, близостью и очертанием водоемов, видами растительности), но и этнографическими традициями, особенно в оформлении жилищ, а также формами общественной организации (род, община, наличие или отсутствие социальных различий). Поэтому деревни имели много локальных вариантов, которые в течение рассматриваемого времени изменялись и в ходе расселения (рассмотренной выше внутренней колонизации), и с развитием производственных навыков (усовершенствование помещений), и с изменениями социальной организации (феодализация).

ПЛАНИРОВКА. Бессистемное размещение построек – характерная особенность раннесредневековой деревни. Даже в области древних строительных традиций – в Византии – деревенские «дома располагались в хаотическом беспорядке, контрастировавшем с единообразием их внешнего вида»[1].

В Западной и Центральной Европе при сходных природно-климатических условиях уже с предшествовавшего времени существовали и близкие формы сельской застройки. Бытовавшая, особенно среди немецких историко-географов, точка зрения о преобладании в германских землях поселений с регулярной застройкой, а у славян – с хаотичным размещением построек, археологическими данными не подтверждается. В частности, среди полабских славян рядовые деревни чаще встречались в областях с большей концентрацией населения, например, у ободритов. Но преобладали среди исследованных поселений VI – IX вв. круговые (со свободной площадью в центре) и кучевые (со свободным размещением дворов и построек в них). Располагались они на береговых холмах и террасах, планировка увязывалась с рельефом[2].

[1] Культура Византии. IV – первая половина VII в. М. 1984. С.639.

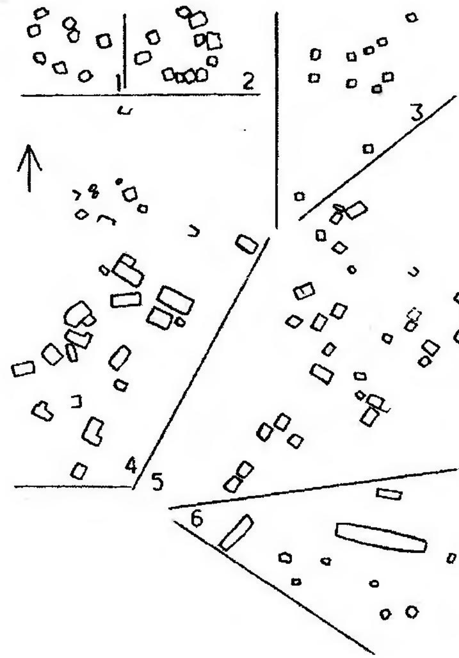

Рис. 10. Планы раннесредневековых селищ в Германии (по В. Крюгеру, Й. Херрманну, П. Донату и В. Винкельману)
1 – Дессау-Мозигкау (начало VII в.); 2 – Дессау-Мозигкау (начало VIII в.);
3 – Берлин-Каулсдорф (VII в.); 4 – Торнов (VII – середина VIII в.);
5 – Торнов (вторая половина VIII – середина IX в.);
6 – Варендорф (западный раскоп, вторая половина VIII в.)

[2] Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an ländlichen und frühstädlichen Siedlungen im deutschen Küstengebiet vom 5. Jahrhundert v.Chr. bis zum II. Jahrhundert n.Chr. Ländliche Siedlungen. Weinheim. 1984. Bd.1. S.212-215; **Haarnagel W.** Die Grabung Feddersen Wierde. Methode, Hausbau, Siedlungs- und Wirtschaftsformen sowie Sozialstruktur. Wiesbaden. 1979. S.206; **Janssen W.** Dorf und Dorfformen des 7. bis 12. Jahhunderts im Lichte neuer Ausgrabungen in Mittel- und Nordeuropa. S.315-317; **Radlg W.** Die Siedlungstypen in Deutschland und ihre frühgeschichtlichen Wurzeln. Berlin. 1955. S.56-64; **Winkelmann W.** Ausgrabungen in der frühmittelalterlichen Siedlung bei Warendorf (Westfalen) // Neue Augrabungen in Deutschland. Berlin. 1958; **Podwińska Z.** Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wczesnejszym średniowieczu. Wroclaw-Warszawa-Gdańsk. 1971. S.52-62; **Pleinerová I.** Březno. Vesnice prvnich Slovanů v severozápadnich Čechách. Praha. 1975; Die Slawen in Deutschland. S.167

С начала II тыс. наблюдается большее разнообразие в характере планировки сельских поселений. Вплоть до XII – XIII вв. встречается нерегулярная застройка, при которой, в зависимости от характера ландшафта, группы домов располагались довольно хаотично. Такие деревни дожили и до наших дней.

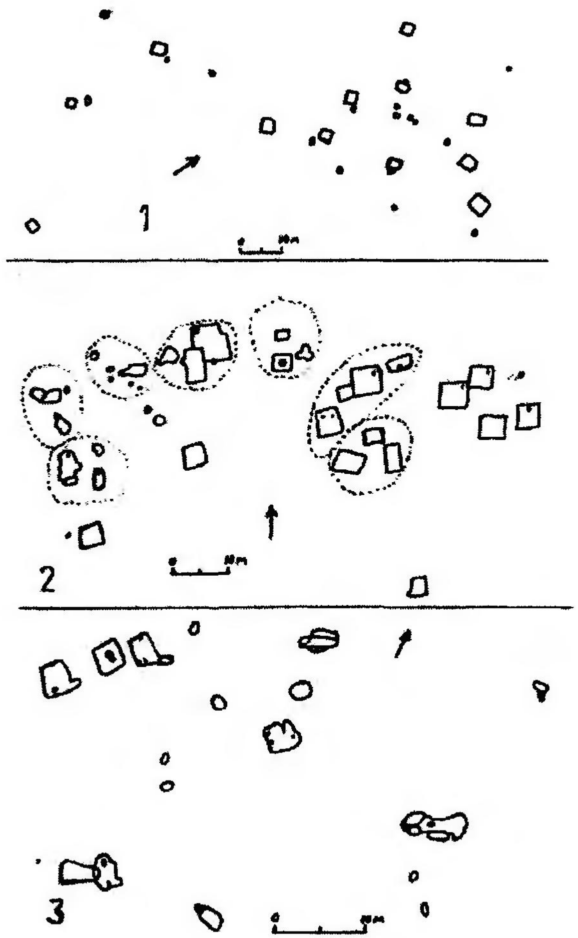

Рис. 11. Планы средневековых селищ в Чехии и Словакии (по Б. Досталу и Габовштяку)
1 – селищ VI в., 2 – селище IX в. с усадьбами,
3 – селище второй половины XI – XIII вв.

Но уже с IX – X вв. отмечается переход к регулярным формам планировки, что, по мнению немецкого археолога П. Доната, в германских землях было связано с формированием феодальной земельной собственности при Каролингах[3]. Но очевидно главным было не это, а общий хозяйственный прогресс в регионе, ибо аналогично развивалась планировка и западнославянских деревень. Небольшие кучевые поселки (хутора) преображаются в малые линейные (рядо́вые, уличные) деревни. В XI – XII вв., в ходе внутренней колонизации, формы регулярной застройки становятся разнообразнее. Возникают четко очерченные круговые деревни с центральной площадью, из которых в XIII – XIV вв. вырастают уличные – радиальные, с плотно расположенными дворами. Увеличивается количество линейных (уличных) деревень с усадьбами по обе стороны дороги или ручья (оврага) и многорядных поселений. В тех деревнях, где появились церкви, они становились архитектурными доминантами и вокруг них начиналось постепенное упорядочение застройки. Хотя в XI – XII вв. сельских храмов было мало, порой 1 храм – на 10 деревень, как прослежено в Словакии. Сохранялась и традиционная кучевая застройка. Польские археологи выявили распыленные деревни, в которых на площади до 5-10 га застроенные участки разделялись пустошами на 60–70 м друг от друга. Такая планировка могла вызываться рельефом местности: постройки располагались на возвышенностях, а незастроенными были заболоченные низины или поля. Плотно застроенных деревень было мало. Обычно они возникали тогда, когда поля располагались вне поселений. Такие примеры выявлены и в словацких землях[4]. Известны случаи перепланировки деревень. Основные материалы получены из раскопок в германских, польских и чешских землях. Но аналогичные результаты получены также во Франции и Англии[5].

В большинстве изученных венгерских и болгарских деревень на протяжении всего средневековья преобладала хаотическая планировка, хотя

---

[3] **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert. Berlin. 1980. S.151.

[4] **Poklewski T.** Spicymierska włość grodowa w średniowieczu. Łódź. 1975. S.62-79; **Dostál B.** Stavebni kultura 6.-9. stoleti na uzemi ČSSR // Archæologia historica. 1987. No. 12; **Smetánka Z.** Současny stav archeologického výzkumu hmotné kultury zemedelských osad X – XV stoleti v Čechach // Československý časopis historický. Praha. 1965. R. 13. No. 2. S.279.

[5] **Fehring P., Günter P.** Zur archäologischen Erforschung mittelalterlicher Dorfsiedlungen in Südwestdeutschland // Zeitschrift für Archäologie. 1973. Jg. 21. H. 1. S.24; **Janssen W.** Königshagen. Ein archäologisch-historischer Beitrag zur Siedlungsgeschichte des südwestlichen Harzvorlandes. Hildesheim. 1965. S.201-203; **Pesez J.-M.** L'archéologie du village medieval en France. P.97; **Hurst J.G.** Medieval Village Excavation in England. P.268.

отмечены и линейные. Те же традиции характерны и для более позднего времени[6].

Размеры поселений в VII – IX вв. отличались большим разнообразием: от малых (с несколькими дворами) до крупных, в 10-20 дворов с 200-300 жителей. С IX в. наблюдается, как отмечалось выше, уменьшение числа усадеб, уплотнение застройки, особенно в деревнях на расчистках. Преобладают небольшие деревни в 4-7 усадеб общей площадью до 3 тыс.кв. м, хотя известны и крупные, насчитывавшие до 100 и более усадеб. В XIII – XIV вв. появляются крупные многодворные деревни с густо расположенными дворами. Но сохранились деревни и меньших размеров. В целом, к XIV в. по археологическим и письменным данным чаще встречались деревни в 10-30 хозяйств. Число жителей таких деревень состояло обычно из 50-150 человек[7].

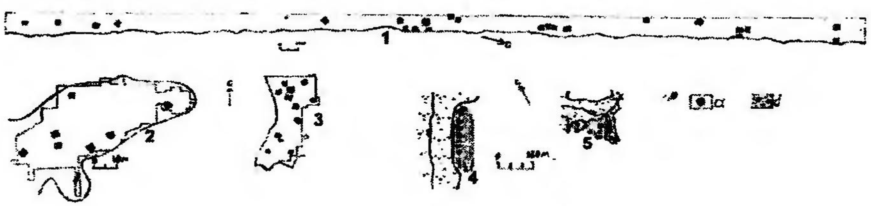

Рис. 12. Планы восточнославянских селищ
а – жилища, б – пятна сооружений.
1 – селище VI в. (Средний Днестр – по В.Д. Барану).
2 – селище VII в. (Северо-Западная Украина – по И.П. Русановой).
3 – селище VIII в. (Средний Днестр – по И.П. Русановой и Б.А. Тимощуку).
4 – селище IX – XIII вв. (Смоленщина – по В.В. Седову).
5 – селище XI – XIII вв. (Смоленщина – по В.В. Седову)

---

[6] **Въжарова Ж.М.** Поселения (селения, городища и городище-крепость) на территории Болгарии // V Международный конгресс славянской археологии / Резюме болгарских археологов. София. 1985. С.11-13; **Она же.** Древнеславянские поселения (селища, городища и городища-крепости) на территории Болгарии // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1987. Т.1. Вып.1. С.105-117; **Гатев П.** Средневековно селище и некропол от XII в. край с. Ковачево // Разкопки и проучивання. Кн.12. София. 1985. С.5-10; **Laszlovszky O.** Einzelnhofsiedlungen in der Arpadenzeit// Acta archaeologica. Budapest. 1986 T.38. Fasc.I/2. S. 227-255. **Holl I., Paradi N.** Das Mittelalterliche Dorf Sarvari. Budapest. 1982.

[7] **Jäger H.** Entwicklungsperioden agraren Besiedlungsgebiete im mittleren Westdeutschland seit dem frühen 13. Jahrhundert // Würzburger Geographische Arbeiten. Würzburg. 1958. Bd.6. S.55; **Podwińska Z.** Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wczesnejszym średniowieczu. S.152-156, 359-360; **Urbańska A., Kurnatowski S.** Rozwój terenów osadniczych w polnocznej cześci województwa zielonogórsckego od I do XII wieku // Studia nad początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Odrą i dolną Wartą. Zielona Góra. 1967. T. 1. S.70.

У восточных славян размеры деревень были очень разными: от нескольких сот квадратных метров до 20 га и более. Но просматриваются и определенные закономерности. Подавляющее большинство селищ занимали площади в пределах от 0,1 до 0,3 га; более крупные чаще встречаются на юге – в лесостепи и степи. Последнее, очевидно, отражало особенности ландшафтов: мелкоконтурность сельскохозяйственных угодий в лесной зоне. В VI – VII вв. основная масса селищ имела размеры 0,4-3,2 га. Известны и более крупные поселения, площадью до 11 га. Обычно это были долговременные поселки, просуществовавшие по 400–500 лет, то есть до X – XI вв. Для VIII – IX вв. характерно увеличение числа более крупных деревень, занимавших до 6-7 га. Обычно такие селища существовали по 200–300 лет. В полностью исследованной деревне VI – VII вв. на Днестре (Рашков III) на площади около 0,5 га одновременно существовало 21-35 жилищ, в которых проживало от 84-115 до 140-175 человек. Но не везде плотность застройки была столь велика. На селищах VIII – X вв. Смоленщины в среднем было по 13 домов. Ситуация, начавшая складываться в VIII в., была характерна и для X – XIII вв.[8]

В XIV – XV вв. тенденция уменьшения размеров поселений стала в Восточной Европе повсеместной и весьма четкой. Доминировали деревни в 5 дворов. С XV в. преобладание малодворных поселений зафиксировали и появившиеся письменные источники[9]. Очевидно, широкое вовлечение в оборот водораздельных угодий лесной зоны с XIV в. без крупных порубок (которые, как отмечалось выше, начались в XVI – XVII вв.) требовало именно малых деревень, соответствовавших небольшим полям, которые в условиях массового распространения трехполья должны были находиться вблизи жилья для удобства вывоза удобрений.

---

[8] Археология Украинской ССР. К. 1986. Т.3. С.177; **Баран В.Д.** Пражская культура Поднестровья (По материалам поселений у с. Рашков). К. 1988. С. 5; **Никольская Т.Н.** Земля вятичей: С.65; **Русанова И.П.** Славянские древности VI – IX вв. между Днепром и Западным Бугом // Свод археологических источников Е1-25. М. 1973. С.247; **Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. // Археология СССР. М. 1982. С. 30, 36, 137, 148; **Тимощук Б.О.** Слов'яни Північної Буковини V – IX ст. К. 1976. С.49-60.

[9] **Беляева С.А.** Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV в. С.42-44, 116; **Дегтярев А.Я.** Русская деревня в XV – XVII веках. Очерки сельского расселения. Л. 1980. С.37; **Цыбин М.В.** Древнерусские памятники второй половины XIII – XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж. 1987.

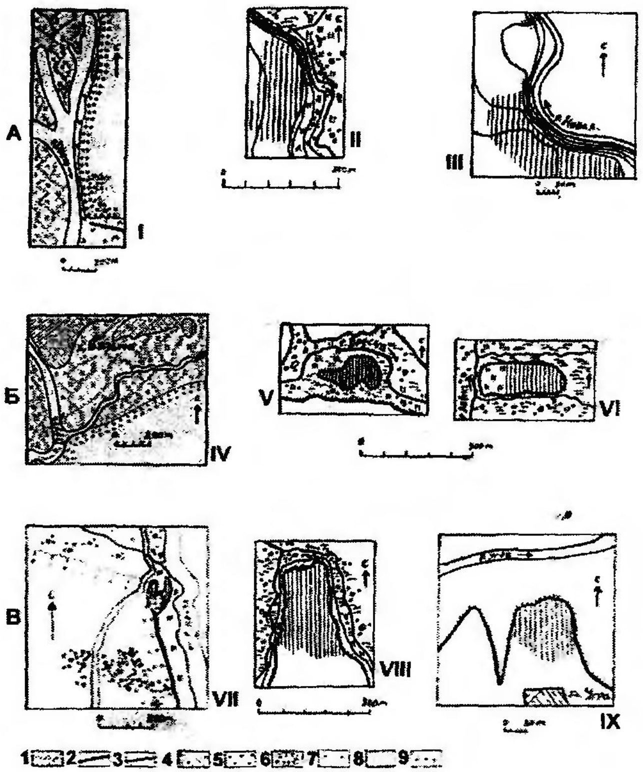

Рис. 13. Типы средневековых селищ в Восточной Европе
А – террасный тип, Б – дюнный тип, В – мысовый тип.
1 – деревня, 2 – дорога, 3 – обрывы, 4 – заболоченные луга, 5 – лесопосадки,
6 – леса, 7 – выгоны, 8 – территории селищ, 9 – курганные группы.
I – Селец (Мог.), II – Крокодиновское (См.), III – Сомово (Вят.), IV – Вязьма (Мог.),
V – Богородицкое (См.), VI – Станьковское южное (См.), VII – Угольщина (Мог.),
VIII – Станьковское южное второе (См.), IX – Угра (Вят.).
Сокращения: Мог. – Могилевщина, См. – Смоленщина (по В.В. Седову),
Вят. – Вятичи (по Т.В. Никольской)

В течение всего рассматриваемого времени в Восточной Европе преобладали различные варианты бессистемной застройки. Лучше изучены поселения VI – IX вв. в причерноморской лесостепи, где многие из них раскопаны на значительных площадях, а некоторые полностью. Обычно выделяются группы – гнезда из 3-5 жилищ, расположенных в нескольких метрах друг от друга. Часто в таких гнездах встречались и нежилые сооружения, что может свидетельствовать о наличии семей-

ных комплексов. На крупных поселениях выявлено по несколько таких одновременных гнезд, отстоявших друг от друга на 15–40 м, иногда – более. Найдены и одиноко располагавшиеся жилища. В некоторых случаях можно проследить некое подобие линейного расположения, но это скорее всего бывало связано с близостью уступа террасы или обрыва. В отдельных случаях удавалось проследить подковообразное, округлое расположение жилищ, обращенных, очевидно, входами к общему двору[10]. Аналогичная застройка была характерна также для поселений X – XV вв., причем известно и гнездовое расположение жилищ (дворы), и распыленное, и скученное[11].

Линейная или рядовая застройка, хотя и в меньшей степени, чем бессистемная, также известна с раннего средневековья. Прослежена она в причерноморской лесостепи. В X – XV вв. число поселений с регулярной, прежде всего линейной застройкой, возрастает. Они известны во всех регионах Руси[12].

ЖИЛИЩА. Как отмечал немецкий историк архитектуры В. Радиг, для Центральной Европы от неолита были характерны дома с навесами у входа (низким крыльцом); более развитая форма существовала в средние века и дожила до современности (дома с тамбуром). В середине и второй половине I тыс. до н.э. для германцев были характерны различные однокамерные заглубленные сооружения, часто с глиняными полами, причем четырехугольные постройки были типичнее для Северо-Западной Германии. В отличие от славянских жилищ с печами-каменками, германцы применяли очаги, на западе – выносные, на востоке – в центре

---

[10] **Баран В.Д.** Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. К. 1972. С.177-178; **Баран Я.В.** Планировочная структура жилых комплексов славянского поселения Рашков 1 на Среднем Днестре и ее социальное значение // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.2; **Пеняк С.І.** Раньнослов'янське та давньоруське населення Закарпаття VI – XIII ст. К. 1980. С.93; **Русанова И.П., Тимощук Б.А.** Кодын – славянское поселение V – VIII вв. на р. Прут. М. 1984; **Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. // Археология СССР. М. 1982. С.30; **Сміленко А.Т.** Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II – XIII ст.) К. 1975. С.85.

[11] **Беляева С.А.** Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV в. С.79; Древняя Русь. Город, замок, село. С.100; **Никольская Т.Н.** Земля вятичей. М. 1981. С.65; **Седов В.В.** Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. С.26-29; **Шаблюк В.І.** Сельскія паселішчы Верхняга Панямоння XIV – XVIII стст. Мн. 1996. С.30.

[12] Археологія Українськоі РСР. К. 1975. Т.3. С.297; **Беляева С.А.** Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV в. С.79; Древняя Русь. Город, замок, село. С.99; **Никольская Т.Н.** Земля вятичей. С.65; Очерки по археологии Белоруссии. Мн. 1972. Ч.2. С.55; **Сміленко А.Т.** Слов'яни то їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II – XIII ст.) К. 1975. С.178; **Успенская А.В.** Сельские поселения Северной Руси X – XIII вв. // Časopis Moravského muzea v Brně. 1970. R.55. S.102-103.

жилищ. В планах и устройстве германских домов были различия: от больших жилищ с хлевами на северном побережье до малых домов, нередко соединенных по 2-3. Стены домов были столбовыми и плетневыми, обмазанными глиной. Рано возникли фахверховые (каркасные) конструкции, распространившиеся из Верхней Германии[13].

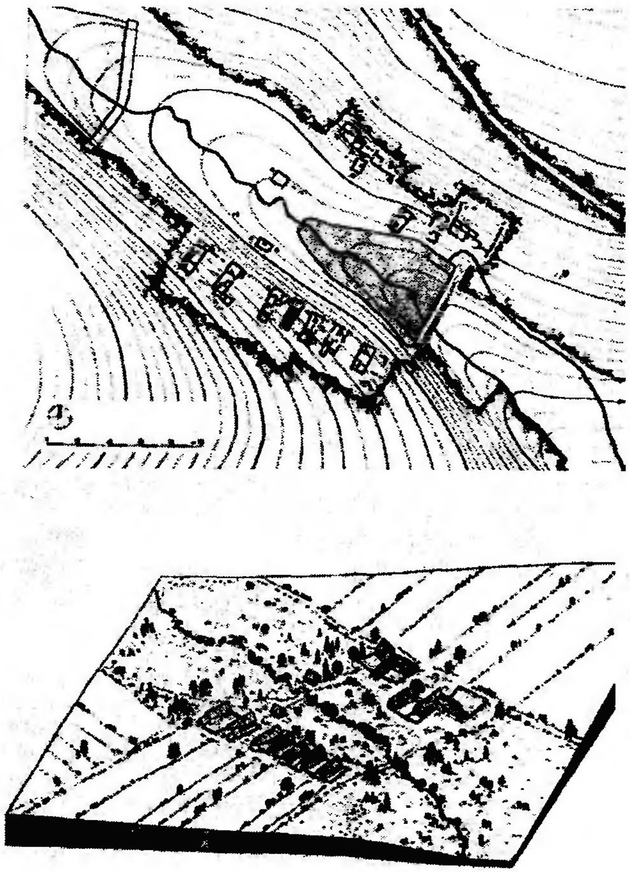

Рис.14. Общий план и реконструкция средневековой деревни Пфаффеншлаг (Чехия, по В. Некуде)

[13] **Radig W.** Frühformen der Hausentwicklung in Deutschland. Berlin. 1958. S.120-121. См. также **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. Bis 12. Jahrhundert. S.10.

В первой половине I тыс.н.э. в германских землях преобладали наземные жилища: большие («длинные») столбовые дома, а также малые квадратные или прямоугольные хижины. От скандинавов распространились «длинные дома» (халле) длиной 16–22 м при ширине 5–7 м, которые вмещали до нескольких десятков человек и объединяли под одной крышей жилые помещения, хлева, часто амбары. Они были выявлены, прежде всего, в Северной Германии. В них отражалось стремление в условиях холодного климата больше времени проводить в помещении. Малые жилища, площадью 12–14 кв.м, известные с I – II вв., были распространены на более обширной территории. Встречались и небольшие заглубленные жилища[14].

Жилые постройки VI – IX вв. принципиально не отличались от более ранних. Преобладали различные варианты столбовых конструкций стен. На севере Германии продолжали строить длинные, характерные и для викингов прямоугольные и овальноподобные халле. Но рядом с ними находились и малые наземные однокамерные жилища (почти всегда – прямоугольные), без хозяйственных отделений. Размеры длинных домов были те же, что и в первой половине I тыс. Площадь малых жилищ – 30–60 кв.м. Продолжали сооружать полуземлянки, более распространенные в Средней и Южной Германии. Как правило, они сосуществовали на поселениях с наземными домами. По мнению П. Доната в таких постройках жили зависимые люди[15].

Существенные изменения в германском сельском домостроительстве начались с IX – X вв. Исчезают большие (длинные) дома. Преобладание средних и малых жилищ могло отражать процесс превращения ранее свободных крестьян-аллодистов в поземельно и лично зависимых от появившихся феодалов. Другие изменения были следствием прогресса в строительной технике: в постройках стали применять камень, а стены почти повсеместно делают столбовыми. С XI в. начинают распространяться дома на каменных фундаментах, которые лучше изолировали сооружения от почвенной влаги и делали их более долговечными. На каменный фундамент ставились каркасные стены, которые затем заполнялись глиной. В Восточной Германии такие дома появились в ходе немецкой колонизации в XIII в. В Рейнской области В. Янссен отмечает появление камня в сельском строительстве с середины XIII в. Тогда же каменные крестьянские дома появились в Англии. По мнению английского исследователя Д.Г. Хёрста, распространение каменных построек было вызвано дефицитом дре-

[14] **Haarnagel W.** Die Grabung Feddersen Wierde; **Janssen W.** Mittelalterliche Dorfsiedlungen als archäologisches Problem // Frühmittelalterliche Studium. Jahrbuch des Institutis für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Berlin. 1968. Bd. 2. S.365; **Хлевов А.А.** Предвестники викингов. Северная Европа в I – VIII веках. СПб. 2002.

[15] **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert. S.69.

весины из-за расчисток, что привело к ограничению ее использования для крестьян владельцами маноров[16].

В размерах и интерьерах домов сохраняется большое разнообразие. На севере Германии продолжаются традиции длинных домов – жилые и хозяйственные помещения обычно находятся под одной крышей. В Средней и Южной Германии с XII в. преобладают так называемые франкские дворы, с отдельно стоявшими жилищами, однокамерными или с тамбурами (двухкамерные). Дома были квадратными и прямоугольными, разными по площади: от 9 до 100 кв.м[17]. Двухкамерные дома известны в развитом средневековье в английской и французской деревне. В Англии к XV в. существовали три вида крестьянских домов: длинные, с жилым помещением и хлевом под одной крышей, маленькие с одной-двумя комнатами и фермерские комплексы жилых и хозяйственных построек, обычно с мощенными дворами[18]. Но в Северной Европе еще не были изжиты и полуземлянки с земляными полами. Все, по-видимому, зависело от степени крестьянского достатка.

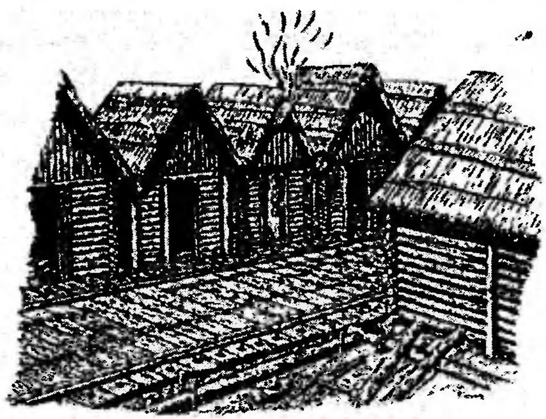

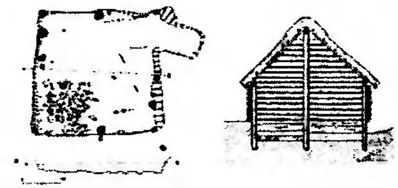
Рис.15. Дессау-Мозигкау, конец VI – начало VIII в. (по П. Донату[19])

[16] **Janssen W.** Mittelalterliche Dorfsiedlungen als archäologisches Problem. S.305-367; **Hurst J.G.** Medieval Village Excavation in England. P.263.

[17] **Fehring P., Günter P.** Zur archäologischen Erforschung mittelalterlicher Dorfsiedlungen in Südwestdeutschland. S.24-27; **Janssen W.** Probleme und Ergebnisse der Wüstungsforschung im südwestlichen Harzrandgebiet // Wüstungen in Deutschland. Frankfurt am Main. 1967. S.57; **Timpel W.** Gommerstedt: Ein hohmittelalterlicher Herrensitz in Thüringen. Weimar. 1982. S.30-35.

[18] **Beresford M.** A deserted medieval village in England // Scientific American. 1976. Vol.255. No.4. P.II7-128; **Hurst J.G.** Medieval Village Excavation in England. P.269; **Pesez J.-M.** L'archéologie du village mediéval en France. P.77-103.

[19] **Donat P.** Haus und Hof // Die Slawen in Deutschland. Berlin. 1970. S.139

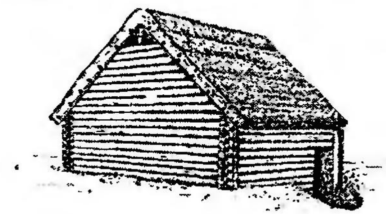

Рис.16. Реконструкция жилой застройки на раннеславянском городище VIII – IX вв. (по П. Донату)

У центральноевропейских славян в VI – VII вв. преобладали квадратные, прямоугольные, реже овальные полуземлянки площадью 5–18 кв.м, углубленные в землю на 0,7–1 м, с земляными и глиняными полами. Более глубокие сооружения – землянки – встречались реже, обычно на юге, в черноземных почвах лесостепей (Паннония). Стены: плетневые, обмазанные глиной, срубы – редки и встречаются обычно на сыпучих песках. Столбовые конструкции для славянских жилищ не были характерны и встречались у западных славян спорадически, чаще западнее Эльбы и Заале, ближе к германскому миру. Полуземлянки возвышались над поверхностью примерно на 0,9 м. В них иногда прослеживались входные двери шириной 60–70 см и ступеньки (лестницы) у входа. Заглубленные жилища были более характерны для южной части польских и для чешских земель. На севере Польши известны и наземные, возможно срубные жилища[20].

В VIII – X вв. жилые постройки в великоморавских землях становятся разнообразнее. Но характерным жилищем этого времени остается квадратная полуземлянка площадью 6–16 кв.м с каменной печью (или очагом) в углу и земляным полом, часто посыпанным песком. Но увеличилось количество прямоугольных полуземлянок. Встречаются и неглубокие малые жилища-полуземлянки, овальные и геометрически неправильные в плане, площадью до 4–5 кв.м. Однако большее распростра-

[20] **Gojda M., Kuna M.** Časně slovanský sidelni areál v Roztokach, okr.Praha-zapad // Archeologické rozhledy. 1985. R. 37. Č. 2. S.152-169, 237-240.

нение получают известные с предшествующего времени наземные сооружения (углубленные, вероятно, лишь в гумусный слой и сооруженные чаще на песчаных почвах). В конструкции стен преобладают столбовые (более древние) и срубные, известны и плетневые. Встречаются и землянки с глубиной около 1,5 м. В отличие от полуземлянок их крыши опирались на землю. Заглубленные жилища обычно сооружались в лёсовых почвах, а во влажных и каменистых – наземные.

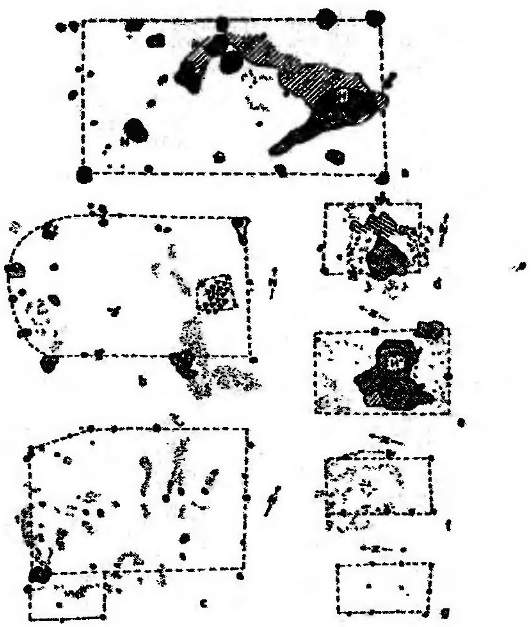

Рис. 17. Следы жилищ на поселении VII в. Торнов (по П. Донату)

Подавляющее большинство жилищ было однокамерными. Однако появляются и дома, разделенные на отдельные помещения, но с общей крышей. Ориентировались жилища, как правило, узкими сторонами по на-правлению господствующего ветра. Среднее время их существования – 25–30 лет. В полуземлянках иногда прослеживаются ступеньки.

Определенный перелом в домостроительстве наметился в X в., когда увеличилось число наземных домов и их размеры. До XII в. отмечается сосуществование обоих типов жилых построек. Затем наземные столбовые и срубные дома начинают активно вытеснять заглубленные, которые в XIII в. уже применялись только для хозяйственных нужд.

Размеры домов, редко превышавшие 8–10 кв.м в раннее средневековье и рассчитанные на 5-6 жильцов, увеличились до 15–25 кв.м. Эти изменения, вероятно, отражали экономический подъем деревни в XII – XIII вв.

В XIII в. местами еще сохранились бытовавшие ранее однокамерные углубленные жилища, но в них появилась тенденция к членению помещений, а стенки нередко укреплялись камнем. Распространяются наземные срубные сооружения на каменных фундаментах, появляются и цельнокаменные дома. Но появились они лишь там, где камень был доступен. Показательно, что в горной Словакии камень стал использоваться в деревенских жилищах уже в XII в.[21] У полабских славян каменные фундаменты в жилищах отмечены с XI в., что могло быть связано с германским влиянием, ибо у последних такие дома отмечены о конца X – XI в.[22]

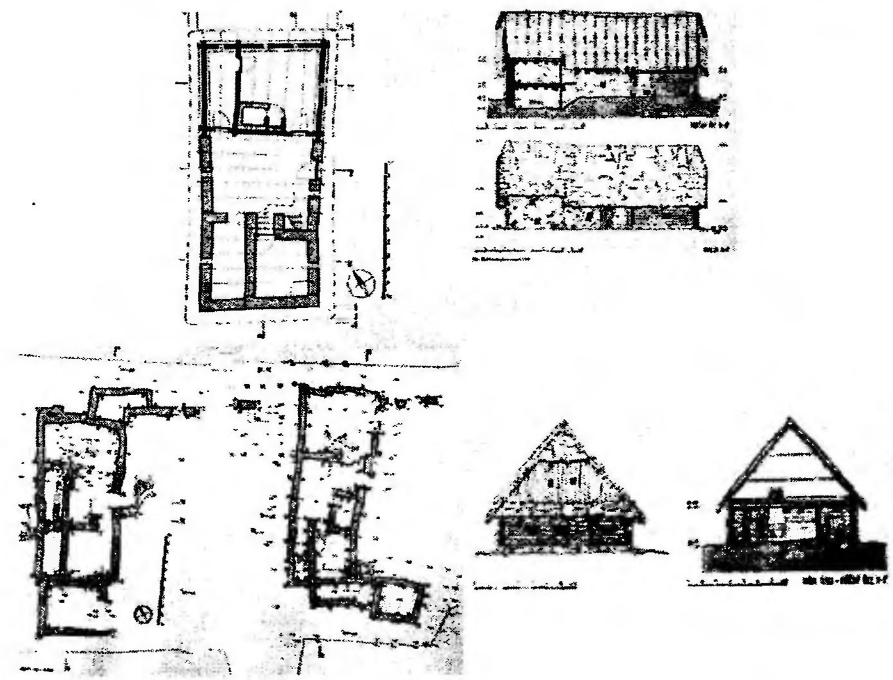

Рис.18. Планы и реконструкции домов в средневековом Пфаффеншлаге (по В. Некуде[23])

[21] **Čaplovič D., Hajnalová E., Hanuliak M., Ruttkay A.** Stredoveká dedina na Slovensku ako základný fenomén feudálnej ekonomiký // Archaeologia historica. 1985. No. 10. S.15.
[22] **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. Bis 12. Jahrhundert. S.31-37.
[23] **Nekuda V.** Pfaffenschlag. Zaniklá středověká ves u Slavonic. Brno. 1975. S.86-87.

В конструкциях, размерах и планировке жилищ, в используемых материалах сильнее, чем прежде, сказывались различия в достатке крестьян, что отражало общие тенденции аграрного строя в тогдашних западнославянских государствах. Доминирующей тенденцией становится распространение многокамерных помещений, в которых под одной крышей вместе с жилой теплой комнатой размещаются сени, нередко и хозяйственная пристройка. То есть речь идет о двух- и трехкамерных сооружениях (есть и четырехкамерные с отдельной кладовкой), в плане прямоугольных, угловых (Г-образных), П-образных, в форме замкнутого по периметру четырехугольника. Сохранились и однокамерные жилища, но в этих случаях в усадьбе находятся отдельно стоящие хозяйственные постройки. Однако само жилое помещение остается у крестьян однокамерным. Увеличиваются, естественно, размеры домов. Жилые помещения имели 10–28 кв.м, а общая площадь домов составляла 60–180 кв.м. Известны подклеты, погреба. Полы в жилых помещениях обычно были из утрамбованной глины.

Несколько иными были славянские жилища на Балканах. Для раннесредневековой Болгарии характерны квадратные и прямоугольные полуземлянки, порой и землянки. С конца VIII в. распространились наземные квадратные жилища, деревянные, но иногда их строили из бутового камня на глиняном растворе. Крыши были или соломенными, или, по римской традиции, черепичными. Полы – земляные или глиняные. Наземная часть стен полуземлянок обычно была плетневой с глиняной обмазкой. Внутри иногда прослежены земляные лежанки. Очаги встречались исследователям редко, чаще, вероятно, пользовались передвижными жаровнями. В северо-восточной части болгарских земель известны жилища и других форм – круглые и овальные. Встречались и юрты – наследие кочевников-тюрок[24]. Полуземлянки, кстати, были характерны и для раннесредневековых славянских деревень в Молдове[25].

В XI – XIII вв. в болгарской деревне уже преобладали наземные жилища, чаще в виде неправильных прямоугольников в плане, площадью 10–25 кв.м, несколько заглубленные, с глиняными или земляными полами и обмазанными глиной деревянными или плетенными стенами. Вы-

[24] **Въжарова Ж.М.** Поселения (селения, городища и городище-крепость) на территории Болгарии. С.11-13; **Она же.** Древнеславянские поселения (селища, городища и городища-крепости) на территории Болгарии. С.105-117.

[25] **Petresku-Dimbovita M.** Slovanské sidliska v Moldavskej oblasti Rumunska. S.209-222.

явлены тростниковые крыши. Преобладали однокамерные дома, но известны и двухкамерные[26].

В Венгрии X – XII вв. дома были заглубленными, однокамерными, размерами от 5 до 18 кв.м. Подмечено, что бедные дома существовали более короткое время. В XIII в. появляются, как и у соседних народов, наземные двухкамерные дома на каменных фундаментах. Для XIV в. известны жилища с хозяйственными пристройками длиной до 33 м, с погребами. Стены – немецкое заимствование – каркасные[27].

У восточных славян в VI – VII вв. жилища были в большей степени единообразными: заглубленными от 0,15–0,3 до 1,3–2,5 м (чаще всего – на 0,4–0,7 м), то есть полуземлянками, с частично возвышавшимися над земной поверхностью стенами. Преобладали квадратные в плане жилища, прямоугольные встречались реже, а овальные – единичны. Стены имели обычно длину в пределах 2–5 м (чаще 3–4 м) и, следовательно, внутренняя площадь таких домов колебалась от 4,4 до 24 кв.м (обычно – в пределах 9–20 кв.м). Пол чаще всего бывал земляным, иногда подмазывался глиной, но встречаются и следы досок. Стены ям обшивались деревом. Преобладали срубы, но отмечены также и столбовые стены. Изредка встречаются стены плетневые, обмазанные глиной. Глиной же иногда обмазывали и срубные стены. Окон, вероятно, не было, и свет проникал через дверные проемы. Поэтому жилища чаще ориентировали входом на юг. В одних случаях вход оформлялся ступеньками, вырытыми в материке снаружи постройки, иногда прикрытыми навесом. Но чаще никаких следов входа не обнаруживается: вероятно, жильцы пользовались деревянной лестницей, находившейся внутри постройки. Крыши обычно были двускатными, крытыми соломой и, очевидно, как и выступавшие части стен, присыпались землей. Отмечены и шатровые крыши. В противоположном от входа углу, чаще правом, обычно находилась печь-каменка, расположенная устьем к входу. Это – типичная принадлежность восточнославянского жилища. В Западной Украине встречены глиняные печи и очаги (в центре построек), что более типично для западных славян и германцев. Топились печи по-черному. В отдельных

[26] **Гатев П.** Средневековно селище и некропол от XII в. край с. Ковачево. С.7-10; **Выжарова Ж.Н.** Средневековые жилища на территории Болгарии (по археологическим данным) // Slovenská archeologia. 1986. R.34. Č.2. S.261-278; **Алексиев Й.** Средневековое поселение близ с.Хотници Великотырновского округа // Rapports du III-e Congrès International d´Archéologie Slave. T.2. Bratislava.1980. S.5-13.

[27] **Holl I.** Mittelarchäologie in Ungarn (1946 – 1964) // Acta Archaeologica Hungariae. 1970. T.23. S.365-411; **Laszlovszky O.** *Einzelnhofsiedlungen in der Arpadenzeit. S. 227-255;* **Vandor I.** Das siedlunghsgeschichtliche Bild des südwestlichen Teil Trabsdanubiens (IX – XIII Jh.) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1987. Т.2. С.337-340.

случаях, при хорошей сохранности жилищ, в котлованах вдоль стен выявляются материковые останцы, обшитые досками – очевидно лавки, лежанки и столы. Иногда в середине жилищ были и подпольные ямы. Все жилища VI – VII вв. были однокамерными, но в нескольких случаях выявлены пристроенные к ним не отапливаемые хозяйственные помещения Описанные жилища близки тем, которые известны в VI – VII вв. в южной и западной частях славянского мира[28].

С VIII – IX вв., в условиях интенсивного расселения в лесной зоне, началось расщепление единой прежде формы восточнославянского домостроительства. Жилища VIII – X вв. в южной части восточнославянского региона (степь, лесостепь и южная часть лесной зоны) мало отличались от рассмотренных выше. Но при тех же конструктивных формах и примерно тех же размеров полуземлянок появляются более крупные дома (со стенами длиной до 8 м). Число их, однако, невелико, а основная масса жилищ сохранила прежние размеры. Прежними остались и конструкции стен, причем больше становится столбовых. Срубы встречаются относительно реже. В некоторых случаях выявлены и плетневые стены. Не изменялся интерьер жилищ. Сохраняется единство и с жилищами южных земель западного славянства, хотя с VIII в. нарастают различия, особенно в конструктивных деталях, типах отопительных устройств и некоторых других элементах[29].

В северо-западной части восточного славянства, в землях новгородских словен и псковских кривичей с VIII в. появляются наземные срубные дома. По форме и по размерам они аналогичны полуземлянкам, квадратные и прямоугольные, площадью 10–20 кв.м. Полы были деревянными, в углу располагались печи-каменки, реже – глиняные; стены часто были обмазаны глиной[30]. По мнению В.В. Седова, данный тип домов был занесен в регион переселенцами из западнославянского Поморья (междуречья низовьев Вислы и Одера), где такие жилища известны с VI – VII вв.[31]

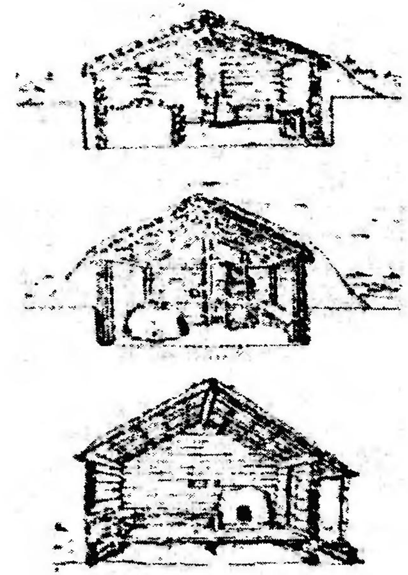

Рис.19. Развитие восточнославянского жилища
(по П.А. Раппопорту):
1 – полуземлянка VIII – X вв.,
2 – полуземлянка XII – XIII вв.,
3 – нвземный сруб XI – XIII вв.

С XI в. полуземлянки стали, постепенно, вытесняется наземными жилищами. Интенсивнее этот процесс происходил в XII – XIII вв., когда полуземлянки были практически полностью исчезли в лесной зоне, а наземные дома начали широко распространяться по лесостепным деревням (кроме Среднего Поднепровья, где полуземлянки встречались и в XIII – XIV вв.). Преобладали небольшие, однокамерные избы, пря-

---

[28] Археологія Украïнськоï PCP. К. 1975. Т.3. С.163; **Горюнов Е.А.** Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л. 1981. С.191; **Пеняк С.І.** Ранньослов'янське та давньоруське населення Закарпаття VI – XIII ст. К. 1980. С.94-95; **Приходнюк О.М.** Археологічні пам'ятки Середнього Придністров'я VI – IX ст.н.э. К. 1980. С.22-28; **Раппопорт П.А.** Древнерусское жилище // Свод археологических источников Е1-32. Л. 1975. С.116-117; **Русанова И.П.** Славянские древности VI – IX вв. между Днепром и Западным Бугом. С.24-25; **Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. С.30; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. С.219-223; **Тимощук Б.О.** Слов'яни Північної Буковини V – IX ст. С.51-56.

[29] Археология Украинской ССР. К. 1986. Т.3. С.178-179, 195-203; **Горюнов Е.А.** Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. С.25-26; **Ляпушкин И.И.** Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Материалы и исследования по археологии СССР. 1968. № 152. С.84; Очерки по археологии Белоруссии. Мн. 1972. Ч.2. С.55; **Раппопорт П.А.** Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. 1975. С.104-154. С.117-123; **Русанова И.П.** Славянские древности VI – VII вв. М. 1976. С.44-47; **Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. С.30, 90; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. С.266-274; **Харлашов Б.Н.** Археологическое изучение селищ Изборской округи // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 183.

[30] **Раппопорт П.А.** Древнерусское жилище. С.123.

[31] **Седов В.В.** Жилища словенско-кривичского региона VIII – X вв. // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 183 С.12.

моугольные в плане, близкие к квадрату, площадью от 9 до 51 кв.м (чаще 20–30 кв.м). В лесной зоне применялась исключительно срубная техника. В лесостепи известны и столбовые стены, восходившие к традициям полуземлянок. Полы были дощатыми, обычно лежавшими на лагах. На севере они часто были подняты над землей. Нередко под углы срубов подставляли деревянные столбы-стулья, камни, подкладывали бревна. Но известна и установка срубов прямо на землю (чаще в южных районах), что делалось, вероятно, при наличии твердой, ровной и сухой площадки. В таких случаях могли быть и глинобитные полы. В домах встречены подпольные ямы. Печи продолжали делать каменными и глинобитными, причем последние стали распространеннее. Следы дымоходов в сельских жилищах не выявлены – топились они по-черному. Дым выходил, как свидетельствуют позднейшие этнографические данные, через отверстия под крышей или через двери. Есть свидетельство о слюдяном окне (д. Беницы, Калужская обл.). В XIII в. отмечены двухкамерные избы, а также жилища на слегка углубленных в землю подклетах – подвалах (на юге). В целом, характер сложившихся к этому времени наземных изб сохранился и позднее[32].

Для строительства чаще всего использовали хвойные породы, с их ровными, длинными и смолистыми стволами. Сосну применяли чаще ели из-за меньшей суковатости. В Южной Руси приходилось употреблять стволы лиственных деревьев, более короткие и кривые. Очевидно, в этом состояла одна из основных причин распространения там столбовых и даже плетневых конструкций, а также длительного сохранения полуземлянок. Чаще на юге применяли и глиняную обмазку, заполняя ею щели между неровными краями бревен и досок[33].

Домостроительство славянских соседей по лесной зоне Восточной Европы – балтов и финно-угров – развивалось в I – первой половине II тыс. в направлении, аналогичном рассмотренному выше. Для балтов традиционно были характерны наземные четырехугольные однокамерные столбовые дома площадью 12–20 кв.м. Со II – III вв. появляются у них и срубы, которые на ряде поселений преобладают к началу II тыс. У финно-угров изживание полуземлянок начинается с конца I тыс. и в течение первой трети II тыс. наземные срубы стали господствующими. Очевидно, сходство природных условий порождало общие закономерности в развитии домостроительства. Этнические особенности проявлялись в планировке, интерьере, типе отопительных устройств, некоторых строительных приемах, отражавших локальные традиции. Как видно, срубы оказались наиболее подходящими для суровых зим Востока и Северо-востока Европы, оттого они столь широко распространились во II тыс. Показательно, что в XII – XIII вв. срубные дома появляются и в Скандинавии, где прежде господствовали характерные для германцев каркасные жилища[34].

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ являются не менее важным признаком деревни, чем жилища. К ним, как правило, относят сооружения, в которых не выявлены отопительные устройства. Эти постройки позволяют понять специфику хозяйственной деятельности, особенно при недостатке иных, письменных свидетельств. В отличие от жилищ, характеристика крестьянских хозяйственных построек в значительной степени затруднена их плохой сохранностью, ибо строились они обычно из более доступных, легких и недолговечных материалов. Чаще всего хозяйственные постройки выявляются по остаткам в материковых ямах, что осложняет интерпретацию объектов. Индикаторами здесь обычно являются находки из заполнения ям. При вскрытии целой усадьбы хозяйственные сооружения выявляются и по общему плану участка.

У северных германцев хозяйственные постройки объединялись под одной крышей с жилыми помещениями в так называемые длинные дома, известные, как отмечалось, с начала новой эры. Чаще всего в хозяйственных отсеках этих домов размещались хлева, но бывали и амбары. Связь таких построек с холодным климатом очевидна. Но вне Скандинавии, где преобладали отдельно стоящие жилища, наряду с наземными амбарами и сараями роль хозяйственных помещений выполняло большинство исследованных заглубленных сооружений. Они обычно были меньше жилых домов[35].

---

[32] Археология Украинской ССР. К. 1986. Т.3. С.400; **Рабинович М.Г.** Русское жилище в XIII – XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. 1975. С.164-165; **Раппопорт П.А.** Древнерусское жилище. С.123-138; **Успенская А.В.** Древнерусское крестьянское жилище по материалам селищ // Славяне и Русь. Л. 1968; **Цыбин М.В.** Древнерусские памятники второй половины XIII – XIV вв. в Среднем Подонье.

[33] Аграрнвя история Северо-Запада России. XVI в. Север, Псков. Общие итоги. Л. 1978. С.31; **Рабинович М.Г.** Русское жилище в XIII – XVII вв. С.182; **Раппопорт П.А.** Древнерусское жилище. С.125;

[34] **Жулкус В.В.** Особенности домостроительства Литовского Поморья в XI – XVII вв. // Краткие сообщения Института археологии. 1987. Вып.190; **Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. С.36-37; **Семенов В.А.** Материалы и история жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI – первой половине IX в. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск. 1979. С.36-37; Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М. 1987. С.20-21, 70-101, 358-359; **Шенников А.А.** Средневековые жилые дома на Руси и в Скандинавии // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Славяно-русские древности. Л. 1983. Вып.1.

[35] В деревне VII – VIII вв. Варендорф в полуземлянках глубиной 0,7–1,2 м и площадью от 7 до 20 м находились ткацкие мвстерские (**Winkelmann W.** Ausgrabungen in derfrühmittelalterlichen Sirdlung bei Warendorf (Westfalen) // Neue Augrabungen in Deutschland. Berlin. 1958. S. 505).

Углубленные постройки исчезают в германских деревнях к XIII в. Среди других хозяйственных сооружений известны хлебные печи вне построек, в том числе и во дворах замков, колодцы, а также зерновые ямы грушевидной формы, обнаруженные во французских сельских поселениях XIII – XIV вв.[36]

В славянских землях сооружения, связанные с хозяйственной деятельностью крестьян изучены подробнее.

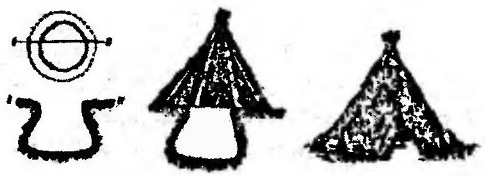

Рис. 20. Реконструкция ям-погребов из городищ конца I тыс. Восточной Украины (по И.И. Ляпушкину).

На поселениях встречается много хозяйственных ям, чаще грушевидных или эллипсовидных в разрезе; грушевидные обычно были зерновыми. Почти на каждом селище встречаются очаги вне построек (обычно из камней, иногда обмазанных глиной, с диаметрами 40–100 м). Колодцы в славянских деревнях обнаруживаются редко[37].

Относительно подробно изучены хозяйственные постройки XIII – XIV вв. в Чехии и Словакии. Характерной особенностью тогдашних крестьянских усадеб была комора – хозяйственное помещение, вплотную приникающее к жилой комнате (находящееся под одной крышей с жилищем), или стоящее отдельно от жилья. Обнаруживаются коморы из камня, что свидетельствует об их значении в хозяйстве. С XIII в. отмечены амбары на каменных фундаментах. При этом у большинства хозяйственных сооружений, стены обычно были легкими, плетневыми. Известны пристроенные к жилым помещениям хлева площадью 20 кв.м. Характерной особенностью сельских поселений были уже отмеченные «летние» очаги,

[36] **Donat P.** Die Landwirtschaft in der Zeit der Herausbildung und Festigung des Feudalismus in Mitteleuropa // Zeitschrift für Archäologie. 1983. Jg.31. H. 8. S.707; **Janssen W.** Dorf und Dorfformen des 7. bis 12. Jahhunderts im Lichte neuer Ausgrabungen in Mittel- und Nordeuropa. S.329; **Winkelmann W.** Ausgrabungen in der frühmittelalterlichen Sirdlung bei Warendorf (Westfalen). S.505; **Pesez J.-M.** L'archéologie du village mediéval en France. P.85.

[37] Historia kultury materialnej Polski w zarysie. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1978. T. 1. S.203, 208; **Podwińska Z.** Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wczesnejszym średniowieczu. S.74-81.

расположенные вне жилищ, известные и в раннесредневековых, и в более поздних деревнях. Вне помещений на поселениях, начиная с X в. были обнаружены и хлебные печи, обслуживающие, вероятно, несколько усадеб. В отличие от хлебных печей, размещенных обычно в отдалении от жилищ, зерновые ямы-хранилища располагалась вблизи жилищ или даже под ними, как погреба. Чаще всего они имели в разрезе грушевидную или бутылковидную форму (узкие сверху и расширявшиеся к низу). Стенки их нередко для гидроизоляции были промазаны глиной и обожжены. Глубина таких ям составляла 2–3 м, диаметр – 1,5–2 м. Вообще-то эти ямы известны от неолита до нашего времени. Много их обнаружено на средневековых поселениях. В одной из исследованных деревень Моравии встречено 29 таких ям объемом 6-20 гектолитров, использовавшихся в течении нескольких столетий. Ямы, расположенные вне жилищ, имели навесы. Находки в них керамики и костей животных свидетельствовали об использовании в качестве универсальных хранилищ. Нередко на поселениях обнаруживаются погреба. Обычно они находились под домами, но встречались и вне наземных построек. Чаще всего погреба были четырехугольными, площадью 1,4–8,4 кв.м. На некоторых поселениях были выявлены колодцы. Обычно один колодец приходился на всю деревню. Обнаруживают в деревнях и следы мастерских. Замечено также, что после прекращения использования заглубленных сооружений под хозяйственные нужды ямы от них использовали как мусорные, периодически сжигая накопившиеся отходы или посыпая их известью[38].

У восточных славян, в отличие от жилищ с их хронологическими и территориальными особенностями, в распространении хозяйственных построек закономерности не прослеживаются: в течение всего рассмотренного времени и углубленные, и наземные строения сосуществовали нередко на одних и тех же поселениях. Причем наземные хозяйствен-

[38] **Dostál B.** Stavebni kultura 6.-9. stoleti na uzemi ČSSR. S.9-32; **Habovštlak A.** Stredoveká dedina na Slovensku. S.364-365; **Nekuda V.** Zum Stand der Wüstungsforschung in Mähren (ČSSR) // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 1973. Jg. 1. S.46-47; **Он же.** Pfaffenschlag. Zaniklá středověká ves u Slavonic. S.90-92; **Он же.** Středověká ves Mstěnice. Deset let archeologického výzkumu. 1960 – 1970 // Vlastivědny věstnik moravský. 1972. S.1972. T. XXIV. S.32-33; **Он же.** Středověká vesnice na Moravě ve světle archeologických výzkumů // Archæologia historica. 1982. No. 7. S.55; **Он же.** Vesnický středověký dům na Moravě // Archæologia historica. 1984. No. 9. S.33; **Beranová M.** Zemědelská výroba v 11.-14. stoleti na územi Československa. Praha. 1975; S.24; **Snašil R.** Archeologie a vesnická sidlište 10.-13. stoleti na Moravě // Archeologické rozhledy. 1975. R. 27. Č. 3. S.309-312; Die Slawen in Deutschland.. S.178, 184; **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert. S.11, 82-83; **Herrmann J.** Der Beitrag der Ausgrabungen in Tornow, Kr.Calau, zur germanischen und slawischen Siedlungs-, Wirtschafts- und Kulturgeschichte // Zeitschrift für Geschichtwissenschaft. 1970.

ные сооружения известны в зоне распространения углубленных жилищ уже в третьей четверти I тыс.

Среди многочисленных ям различных конфигураций на поселениях выделяются хранилища-погреба. Иногда, как отмечалось, они встречаются в жилищах, обычно в центре полуземлянок и, вероятно, прикрывались плетеными крышками, обмазанными глиной; реже такие погреба выкапывали в наземных избах. Но чаще всего погреба-хранилища сооружались вне жилищ. Обычно, как и у западных соседей, это были цилиндрические, бочковидные или грушевидные в разрезе, расширяющиеся книзу ямы, прикрытые, очевидно, шалашевидными навесами. Глубина таких ям – от 0,4–0,8 до 2,5 м, диаметры – 0,6–1,7 м, у грушевидных ям верхние диаметры обычно не более 1 м, а внизу могли достигать 2–2,5 м. Нередко стенки таких ям, особенно грушевидных, были обмазаны глиной и обожжены для водонепроницаемости. Эти ямы обычно считают зерновыми, хотя в них могли, в принципе, храниться и другие продукты. Чаще такие ямы встречаются на лучше исследованных поселениях второй половины I тыс. в лесостепных и южно-лесных землях. Известны они в Южной Руси и позднее. Погреба отмечены и севернее, в том числе и у финно-угорского населения, но грушевидные ямы там неизвестны.

Наземных хозяйственных сооружений известно меньше. К ним относятся срубные и плетневые сараи, стойла (?), мастерские, а также навесы. Их выявленная площадь аналогична указанной выше для ям. Хронологические и территориальные различия не прослежены.

Некоторые хозяйственные постройки в исследованных деревнях интерпретируются как производственные – мастерские. От них сохранялись углубленные части разных размеров и конфигураций. То есть такие мастерские были полуземлянками. Подобные же сооружения известны и у восточноевропейских соседей славян: балтов и финно-угров.

Иногда хозяйственные помещения пристраивались непосредственно к жилищам. Так, в одном из поселений третьей четверти I тыс. в Среднем Поднестровье выявлена наземная хозяйственная пристройка к жилой полуземлянке. Оба сооружения имели столбовые стены[39]. На поселениях второй половины I тыс. в Западной Украине известны и углубленные хозяйственные пристройки[40].

Были распространены очаги и печи, располагавшиеся вне построек. Над некоторыми из них могли быть навесы. Очевидно – это извест-

[39] **Приходнюк О.М.** Раннеславянские поселения в Среднем Поднестровье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л. 1974. С.218-219.

[40] **Русанова И.П.** Славянские древности VI – IX вв. между Днепром и Западным Бугом. С.24.

ные по этнографическим материалам «летние кухни» и общие для поселений хлебные печи. Такие сооружения известны как в начале средневековья, так и в древнерусское время. Такие кухни зафиксированы и у прибалтийских финнов в конце I тыс.

Обособленные деревенские комплексы жилых и хозяйственных построек – УСАДЬБЫ – на отдельных из изученных германских поселений прослежены с начала новой эры. Классические примеры – деревни Феддерзен Вирде и Эцинге у побережья Северного моря, где в первой половине I тыс.н.э. выделялось, соответственно, около 25 и 14 одновременно существовавших дворов-усадеб с хозяйственными помещениями и мастерскими. В исследованных деревнях VII – IX вв. усадьбы обычно прослеживаются достаточно четко, как по скоплениям разнородных построек, так и, хотя реже, по оградам. В состав усадеб обычно, кроме хозяйского жилища, входили 2 больших и 2 малых хозяйственных помещения, 2 амбара или сеновала, 5 землянок для ткачества и других работ, всего до 12-13 сооружений. Усадьбы обычно были просторными, свободно располагались на местности. Особенности размещения хозяйственных построек (отдельно от жилья или вплотную к нему) были связаны с местными традициями. Такие дворы были характерны для многих германских племен раннего средневековья, в том числе и для англосаксов в Англии. Размеры их могли достигать 1 га[41].

С IX в. размеры усадеб сокращаются, также как площади жилищ и, частично, хозяйственных построек. В IX – XII вв. усадьбы обычно насчитывают 6-8 построек, расположенных на площади от 900 до 3000 кв.м. Вероятно, это связано с сооружением у деревень феодальных замков, которые обрастали собственными хозяйственными помещениями. Появление господских амбаров, складов соответственно уменьшало аналогичные помещения, а порой и вообще делало их ненужными в крестьянских дворах. Усиление эксплуатации крестьян также способствовало их обеднению, что и отражалось в их дворах. Этот процесс продолжался и позднее. В исследованных деревнях XIII – XIV вв. крестьянские дворы составляли в среднем чуть более 700 кв.м, но были и совсем малые, около 150 кв.м[42].

[41] **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert. S.102-106, 119-121; **Fehring P., Günter P.** Zur archäologischen Erforschung mittelalterlicher Dorfsiedungen in Südwestdeutschland. S.21-23; **Winkelmann W.** Ausgrabungen in der frühmittelalterlichen Siedlung bei Warendorf (Westfalen). 1958. S.492-517; **Мельникова Е.А.** Меч и лира: Англосаксонское общество в VII – XI вв. М. 1987. С.14-15.

[42] **Janssen W.** Königshagen. S.112; **Kühlhorn E.** Untersuchungen zur Topographie mittelalterlichen Dörfer in Sudniedersachsen // Forschungen zur deutschen Landeskunde. Bad Godesberg. 1964. Bd.148. S.37; **Timpel W.** Gommerstedt. S.100.

У славян тенденция к обособлению групп хозяйственных построек вокруг жилищ, в чем можно видеть крестьянский двор-домохозяйство, начинает отмечаться с VIII в. Это может свидетельствовать о начале обособления малых семей. Но наряду с такими комплексами продолжала существовать и более хаотичная застройка, при которой жилища и хозяйственные сооружения не выглядят связанными между собой в какую-либо систему. Очевидно, наравне с начавшими выделяться малыми семьями продолжали существовать и большие, занимавшие определенные территории в крупном поселении или одну малую деревню.

Четко очерченные крестьянские усадьбы малых семей отмечены лишь с XI в. Были они небольшими, площадью 300–600 кв.м, обычно располагались вытянутыми перпендикулярно дороге или улице, около которой располагался жилой дом. отдельные дворы выделяются зажиточностью[43].

ПОЛЯ. Их известно крайне мало. Ибо они сохранились лишь там, где в последующем не велись земляные работы и отсутствовало население. Но такие места в Европе – редкость, ибо пригодные для земледелия угодья заселялись с древности и запустевали лишь вследствие военных или природных катаклизмов. Но если земли были плодородными, то они вскоре заселялись повторно и следы прежних аграрных ландшафтов стирались. Случалось, однако, что уже возделанные поля теряли плодородие и забрасывались не только надолго, но, если по соседству оказывались более пригодные угодья, то и навсегда. Обычно эти участки зарастали лесами. И если такие заброшенные земли не оказались в зоне какой-нибудь позднейшей застройки, только в этом случае

[43] **Podwińska Z.** Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wczesnejszym średniowieczu. S.265-167; **Głosek M.** Inwentarz kulturowy czternactowiecznyzch zagród w Dracy w Burgundii i w Zgierzu w Polsce środkowej – próba porównania // Medievalia archæologika. Wrocław etc. 1986; **Habovštiak A.** Stredoveká dedina na Slovensku. Bratislava. 1985. S.79-100, 363-364; **Nekuda V.** Středověká ves Mstěnice. S.26-30; **Он же.** Pfaffenschlag. S 84-39, 175; **Он же.** Středověká vesnice na Moravě ve světle archeologických výzkumů // Archæologia historica. 1982. No. 7; **Smetánka Z.** Současny stav archeologického výzkumu hmotné kultury zemedelských osad X – XV stoleti v Čechach; **Snašil R.** Změný sidlištni sitě a jeich přičiny v 10.-19. stoleti. S.192-193; Die Slawen in Deutschland. S.170-185; **Donat P.** Zur Frage des Bodeneigentums bei den Westslawen (Ein Diskussionsbeitrag) // Jahrbuch für Geschichte des Feudslismus. Berlin. 1980. Bd. 4. S.15; **Баран В.Д.** Пражская культура Поднестровья. С.80-81; **Русанова И.П.** Славянские древности VI – VII вв. С.49-50; Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. К. 1985. С.152-154; **Заяц Ю.А.** Паселішча X – XIII стст. каля в. Дружба (Рылаўшчына) // Гісторыка-археалагічны зборнік. Мн. 1994; **Рыер Я.Р.** Гаспадарчае развіццё ва Ўсходняй і Цэнтральнай Еўропе ў другой палове I тыс.н.э.: параўнаўчы аналіз // Гісторыка-археалагічны зборнік. Мн. 1997. № 11.

на них, к радости археологов, сохранялись следы древних полей. Таких мест в Европе известно, пожалуй, лишь менее десятка.

В северогерманских землях и Ютландии удалось выявить поля, относящиеся к концу I тыс. до н.э. и к началу новой эры. Все они находились за пределами изученных деревень. В III – IV вв. на одно хозяйство приходилось в среднем около 2 га поля. Выделены участки неправильной формы, 30–50х30 м. Эти поля, названные блоковыми, были исходной формой германского земледелия. Такие же поля сохранялись и в VI – VIII вв. В VI в. у франков на деревню приходилось 8-21 га обрабатываемой земли (примерно 1,5-4 га на двор)[44].

Блоковые поля местами встречались и позднее, при освоении лесных земель. Но примерно с IX в. распространяется и новая система землеустройства – меньшие по размерам длинные полосы. Их распространение связано как с социальными процессами (дроблением наделов, потребностями феодального обложения), так и с хозяйственными изменениями: колонизацией и распространением трехполья, что особенно проявилось с XIII в. Эти полосы создавались обычно, особенно в областях старого расселения, путем нарезки на длинные участки больших блоков. При распространении регулярного севооборота каждое хозяйство получало в каждом блоке полосу. В средней Германии в XIII – XIV вв. такие блоки охватывали по 10-20 га и представляли собой поля из полос. Известен блок, в котором 6 крестьян имели по полосе шириной 22,7 м и длиной 1700–1800 м. В XII – XIV вв. на местах расчисток известны отходящие от усадеб полосы шириной 50-100 м и длиной до 2000 м[45].

О размерах семейных наделов данных немного. В Южной Швеции IX – XI в. в связи с распространением двухполья старая общинная система землепользования перераспределялась на огороженные поля, которые первоначально составляли 10-12 га на одно хозяйство. Затем началось дробление наделов и такое поле кормило 2-4 и даже 8 семей[46].

[44] **Donat P.** Die Landwirtschaft in der Zeit der Herausbildung und Festigung des Feudalismus un Mitteleuropa. S.705; **Fehring P., Günter P.** Zur archäologischen Erforschung mittelalterlicher Dorfsiedlungen in Südwestdeutschland. S.30-31; **Haarnagel W.** Die Grabung Feddersen Wierde. S.261-263; **Abel W.** Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart. 1962. S.15; **Born M.** Die Entwicklung der deuschen Agrarlandschaft. Darmstadt. 1974. S.34; **Denecke D.** Zum Stand der interdisziplinären Flurforschung // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. 1980. T. 3. No. 116. S.393.

[45] **Bentzien U.** Bauerarbeit im Feudalismus. Berlin. 1980. S.62-63; **Born M.** Die Entwicklung der deuschen Agrarlandschaft. S.45; **Janssen W.** Studien zur Wüstungsfrage im fränkischen Altsiedelland zwischen Rhein, Mosel und Eifelnordland. Köln. 1975. S.272.

[46] **Szulc H.** Badania geograficko-historyczne nad osadnictwem wiejskim w Skandinawii // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1969. R. 17. No.5. S.475.

Примерно та же ситуация прослежена и в Тюрингии, где еще в XVIII в. сохранились блоки полей. Каждая община в рамках трехпольной системы имела по 3 поля, разделенных, в свою очередь, на наделы. Археологам удалось проследить историю этих наделов с X – XI вв., когда на одно хозяйство приходилось примерно 9-12 га[47]. В северогерманских землях в I – середине II тыс. в среднем на одно хозяйство приходилось 3-4 га[48]. Очевидно, это был минимум, необходимый для обеспечения малой семьи питанием и фуражом. Крупные наделы принадлежали, скорее всего, неразделенным, большим семьям. В IX в. во Фландрии такие наделы составляли 19–20 га, в Бургундии и Иль-де-Франсе – 11-13 га[49].

В польских землях пашни удалось проследить в долине р. Варты и в Поморье. В первом случае поля VIII – середины X в. окружали большесемейные усадьбы вплотную, что объяснялось ограниченностью пригодных для пахоты мест среди заболоченной речной долины. На полях прослежены полосы (загоны, коны) шириной около 3,6 м (22-24 борозды шириной по 15 см каждая). На одно хозяйство приходилось по 1 га пашни, что было недостаточно для прокорма семьи и основой хозяйства в поселении было животноводство (удобных пастбищ в долине хватало). В конце X – XI вв. площадь обрабатываемой земли увеличилась (до 5 га на усадьбу) и основой хозяйства стало земледелие. В отдалении, на соседних всхолмлениях, появились сменные поля, где применялась паровая система. А по краям этих полей основывались новые усадьбы, то есть началось отпочкование от основной деревни дочерних выселков. На рубеже XI – XII вв. такие выселки еще более отдаляются от основной деревни на удобные возвышенности. В это время каждая усадьба имела отдельное поле[50]. В Западном Поморье были обнаружены поля, расположенные не далее 700 м от поселений X – XIV вв. Они состояли из 8-23 загонов. Но загоны там были поуже и составляли 0,7–2 м. Длина полей и загонов колебалась от 50–60 до 300–400 м[51].

В Чехии совместными усилиями археологов и историко-географов наиболее полно реликты средневековых полей изучены в одном из лесных районов Моравии, заселенном в ходе внутренней колонизации, затем, однако, запустевшим. Земли в этих местах оказались малоплодородными и восстановившиеся леса там сохранились до настоящего времени, что и позволило ученым подробно исследовать средневековый ландшафт. Выяснилось, что при деревнях X – XII вв. были геометрически неправильные блоковые поля, близкие к квадратам, что было удобно при крестообразной вспашке ралом. Но уже в XII в. (в условиях распространения регулярного севооборота) эти поля, за редким исключением, превращались в правильные полосы[52].

В XIII – XIV вв., наиболее распространенной формой полей была ленточная. Эти поля состояли из вытянутых полос – загонов, симметрично отходивших прямо от усадеб (обычно в колонизационных деревнях с линейным расположением усадеб – как «скелет рыбы», по меткому сравнению французского медиевиста М. Блока). При нехватке приусадебной земли удлиненные поля, разделенные на парцеллы, осваивались и в отдалении от усадеб. Обычно при деревнях было по 3 блока – доказательство трехполья. Каждый блок разделялся на параллельные друг другу парцеллы в соответствии с количеством усадеб. Эти парцеллы, в свою очередь, делились на загоны. Бывало, однако, что при нехватке пригодной земли поля располагались прямо среди построек. На одну усадьбу приходилось от 3,5 до 13,1 га (максимально – 23 га). Но при бедных почвах этих земель для устойчивого существования крестьянских хозяйств не хватало. Парцеллы (нем. гуфы) в чешском Пфафеншлаге при ширине 18–27–36 м имели длину 300–800 м. Выделенные в парцеллах загоны были длиной 200–500 м при ширине 4–7 м[53].

В Восточной Европе специальных археологических и историко-географических исследований полей не проводилось. Письменные источники отражают обстановку от XIV в. и позднее. По расчетам археолога П.Н. Третьякова, в начале II тыс. площадь одного крестьянского надела у восточнославянских крестьян составляла при двухполье около 16 десятин, при трехполье – примерно 12 дес. Еще до 1,4 дес. приходилось на сенокосные угодья. Исследователь констатирует начало уменьшения

---

[47] **August O.** Untersuchungen an Königshufenfluren bei Merseburg // Varia Archæologica. Festschrift für Wilhelm Unfersagt. Berlin. 1964. Bd.3. S.375-394.

[48] **Haarnagel W.** Das eisenzweitliche Dorf „Feddersen Wierde“, seine siedlungsgeschichtliche Entwicklung, seine wirtschaftliche Funktion und die Wandlung seiner Sozialstruktur // Das Dorf der Eisenzeit und der frühen Mittelalters. Göttingen. 1977. S.263.

[49] **Сванидзе А.А.** Деревенские ремесла в средневековой Европе. М. 1985. С.63.

[50] **Poklewski T.** Spicymierska włość grodowa w średniowieczu. S.71-87.

[51] **Filipowiak W.** Z badań nad wczesnośredniowieczną wsią zachodniopomorską (Dobropole, pow.Kamień) // Archeologia Polski. 1972. R. XVII. Z. 1. S.170-174.

[52] **Černý E.** Zaniklé středověké osady a jeich plužiny. Praha. 1979; **Smetánka Z.** Přirodni poměry a osidlovani Čech v 10.-13. stoleti // Archæologia historica. 1978. No. 3. S.331-335.

[53] **Блок М.** Характерные черты французской аграрной истории. М. 1957. С.49; **Černý E.** Osudy plužin zaniklých středověkých osad na Drahanské vrchovině // Historická geografie. 1973. No.11. S.195-208; Он же. **Typy** plužin zaniklých středověkých osad na Drahanské vrchovině y hlediska vertikalni členistosti terénu // Archæologia historica. 1976. No.1. S.99; **Nekuda V.** Středověká vesnice na Moravě ve světle archeologických výzkumů. S.33-34; **Snašil R.** Zivotna prostředi vesnických sidlišť 10.-15. stoleti ČSR // Archæologia historica. 1976. No. 1. S.141; **Žemlička J.** Vývoj osidleni dolniho Poohři a Českeho středohořy do 14. stoleti. Praha. 1980. S.60, 94, 105.

крестьянских наделов с XI в. в связи с разрастанием феодального землевладения[54]. Впрочем, новейшие представления о феодализации Древней Руси относят сложение феодального землевладения к более позднему времени. В XI в. известны лишь отдельные земельные владения князей (см. об этом ниже). Вероятно, уменьшение наделов было связано с интенсивным демографическим развитием древнерусского крестьянства в XI – XIII вв., что отразилось в возникновении массы новых деревень (см. рис. 6). Тем более, что в менее плотно заселенных Новгородских пятинах такие же крестьянские наделы известны в XV в.[55]

Таким образом, внешний облик деревень в разных славянских землях развивался в едином русле. Не случайно основной тип славянского жилища – квадратная землянка носит общее название и в русском, и в чешском, и в польском, и в сербском языках[56]. Распространенный в литературе термин «полуземлянка» отражает преобладание подвида землянки с выступающими над землей стенами и углублением обычно до 1 м.

До XI – XII вв. преобладала нерегулярная застройка, но нередко встречались поселки с площадью в центре. В ходе внутренней колонизации распространилась линейная и уличная планировка, часто с парцеллами, что отразило изменения в системе землепользования и окончательное формирование крестьянских усадеб. Одновременно с развитием крестьянских хозяйств в домостроительстве осуществляется переход к наземным домам там, где прежде были распространены углубленные жилища (южные земли западных славян). Стали разнообразнее размеры изб, чаще отмечаются двух- и трехкамерные постройки. На чешских материалах XIII – XIV вв. уже заметна имущественная дифференциация в крестьянских жилищах. Такова общая канва развития славянских сельских поселений.

Сопоставление развития форм застройки раннесредневековых сельских поселений славян и германцев в лесной зоне Европы свидетельствует о сходстве лишь самых общих элементов, связанных с близкими по характеру природными условиями, сходным уровнем развития хозяйства и характером их взаимодействия с природой. Речь идет о близости размеров и общих планов деревень, а также о почти одновременном

[54] **Третьяков П.Н.** Подсечное земледелие в Восточной Европе // Известия Государственного Института истории материальной культуры. 1932. T.XIV. Вып. 1. С.187, 212-217.

[55] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализмв. М. 1986. Т. 2. С.273-274.

[56] **Kudrnač J.** Die slawischen eingertieften Wohnstädtten // Vznik a počatky Slovanû. 1966. T. 6.

изживании углубленных построек на рубеже I – II тыс. Очевидно, в этом сказалось совпадение общего уровня хозяйственного развития (подробно см. в главе «Хозяйство»).

Но в развитии форм поселений проявились и существенные различия. Связаны они, прежде всего, с ранним появление индивидуальных усадеб у германцев (еще в римское время) и относительно поздним их появлением у славян (с рубежа I – II тыс.). Рассмотрим это явление подробнее, ибо в нем, полагаем, отразились, возникшие в I тыс. н.э. между германским и славянским населением социальные различия, повлиявшие, в конечном счете, на последующее развитие Европы.

Преобладает точка зрения о происхождении германской деревни из одно- и малодворных (2-5 усадеб) поселков – хуторов, которые разрастаясь, превращались в многодворные деревни[57]. Не случайно Г. Янкун, касаясь начала новой эры, указывал, что деревней является поселение, состоящее из 10 и более упорядоченно расположенных дворов, а близко стоящие свободно расположенные группы дворов в единое поселение (деревню) объединять нельзя[58]. Возникновение деревни при таком подходе увязывается с определенной территорией и социальной организацией, с общиной и вотчиной. Хутора в этом случае должны представлять иную форму землепользования и территориальной организации, которая нередко трактуется как частная собственность на землю, возникшая в ряде мест очень рано (изначально существовавшая – ?)[59].

Не все германские археологи, однако, согласны с такой трактовкой. В. Шнайдер, например, отмечал, что и во времена Тацита, и в середине I тыс. у германцев были известны довольно крупные деревни и еще не доказано, что они возникли из хуторов. Бесспорных археологических свидетельств, которые бы не противоречили письменным данным, пока нет[60]. В такой ситуации некоторые историки больше доверяют сообщениям античных авторов, а не археологическим материалам, и относят

[57] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М. 1985. Т.1. С.98-100, 131; **Dannenbauer H.** Bevölkerung und Besiedlung Alemanniens in der fränkischen Zeit // Zur Geschichte der Alemannen. Darmstadt. 1975. S.93-94.

[58] **Jankuhn H.** Dorf, Weiler und Einzelhof in der Germania Magna // Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihren Anfängen. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. Berlin. 1969. Bd. 25. S.118-120.

[59] См.: **Jankuhn H.** Germanen und Slawen // Berichte über den II. Internationalen Kongreâ für slawische Archäologie. Berlin. 1970. S.31.

[60] **Schneider W.** Dorf, Weiler oder Einzelhof? Die Urform der alamanischen Siedlungen // Schneider W. Arbeiten zur alamanischen Frühgeschichte. Tübingen. 1979. Bd. VII/VIII.

данные о малодворности деревни лишь к апологетике вотчинной теории[61]. Но это не аргумент, ибо малые поселения действительно были и сосуществовали с крупными, а на севере Германии, кажется, и преобладали.

Если же отвлечься от споров сторонников общинной и вотчинной теорий, дискуссия об исходных размерах германских деревень вообще близка спору о том, что первично – яйцо или курица. Ибо размеры этих поселений были обусловлены, очевидно, конкретной географической и демографической ситуацией, прежде всего наличием угодий и формами хозяйственной деятельности. Если угодий при данном способе ведения хозяйства было мало, то и поселение не могло быть большим. Дочерние усадьбы отрывались от первоначальных и воспринимаются как малодворные. Наличие сплошного, обширного хозяйственного ареала, наоборот, способствовало формированию относительно многодворных деревень. Планировка их – кучевая или регулярная – зависела от многого (рельефа, традиций землепользования, агрикультуры и др.).

Процесс расселения, то есть процесс создания новых поселений и забрасывания старых шел с раннего средневековья до XIV – XV вв. практически постоянно (в силу природных, демографических, социальных и политических причин). Поэтому в формах и размерах поселений наблюдается вполне понятный разнобой: малые, средние и крупные поселения сосуществовали во времени и пространстве. При этом, что вполне естественно, подавляющее большинство сельских поселений при жизни их основателей было небольшими, мало- и даже однодворными. Лишь наше время являет примеры практически единовременного создания крупных населенных пунктов.

Так было не только у германцев. Аналогичная ситуация прослежена и у славян, поселения которых отличались лишь отсутствием, на ранних этапах, усадеб. Таким образом, размер поселений еще не дает оснований для размышлений о наличии или отсутствии какой-то общности его жителей. Здесь вопрос упирается в причины вышеуказанных хронологических различий между германцами и славянами в складывании четко очерченных усадеб, отражающих формирование обособленных крестьянских домохозяйств (аллодистов или зависимых держателей).

В чем причины этих различий? Возможно, они связаны с разными (более замедленными у славян) темпами общественного развития, в том числе и развития форм собственности, что отмечал П. Донат[62]. Причины здесь и в некоторых отличиях природных условий к западу и востоку от Эльбы, и в связанных с ними демографическими и хозяйственными различиями (на востоке – более континентальный климат, более редкое население и, отсюда, больше хозяйственных трудностей). Сказалось и отсутствие римского влияния. Этот перечень можно продолжить.

Но ясно, что добытые материалы не позволяют сводить многообразие тогдашнего сельского общества к единой форме, как и показал А.Я. Гуревич[63]. Для анализа социального развития сельского населения надо привлекать весь комплекс данных, получаемых в результате археологических исследований. Поэтому мы вернемся к вопросу о различиях в развитии германской и славянской деревни в последней главе и заключении нашей работы.

[61] **Жумагулов К.Т.** Аграрный строй древних германцев в трактовке археологов ФРГ // Средние века. 1987. Вып.50; **Ганенко А.Н.** Община у аламанов в IV – VII вв. по данным археологии // Из истории древнего мира и средневековья. М. 1988.

[62] **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert.

[63] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Гл.3. Иная точка зрения у Л.Т. Мильской (**Мильская Л.Т.** К вопросу о трактовке проблемы сельской общины в современной историографии ФРГ // Средние века. 1975. Вып.33).

КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В дополнение к рассмотренным в предыдущей главе обратим внимание на иные материальные свидетельства повседневной жизни крестьян.

Подробно изучив особенности жилищ в раннесредневековой деревне Бржезно, чешские археологи-энтузиасты в 1981 – 1983 гг. соорудили точные копии жилищ VI и IX вв. и даже пожили в них, причем зимой. Оказалось, что на строительство полуземлянки со стенами из переплетенных, обмазанных глиной прутьев, с крышей, покрытой соломой, потребовалась работа трех человек в течение 3-6 недель. В доме IX в. площадью 9,5 кв.м в течение нескольких месяцев жила семья с детьми 3, 8 и 13 лет. Пяти человекам места вполне хватало. Зимой при наружной температуре -5°С после трех дней непрерывной топки помещение прогревалось до +18°С. В день на обогрев требовалось около 0,5 куб.м дров. Влажность зимой, однако, не опускалась ниже 70-80%[1].

Интерьер жилищ. В углубленных деревенских жилищах при их сооружении нередко оставляли земляные возвышенности, которые покрывали досками. Получались полати и скамьи. Плохая сохранность дерева оставила мало свидетельств о мебели. Но в отдельных случаях археологам удалось проследить на земляных полах полуземлянок беспорядочно расположенные мелкие ямки, вероятно, следы от ножек столов и лавок[2]. В качестве последних могли использовать и чурбаки толстых бревен. Обычно, как и избы, мебель изготавливалась с помощью топора самими крестьянами. Специальных столяров в тогдашней деревне не было. Освещаться жилища могли лучинами, у германцев еще и очагами. Впрочем, нельзя забывать, что сельский уклад не требует длительных бдений в темное время суток и вообще ночная жизнь не в традициях средневековья.

---

[1] **Pleinerová J.** Experimenty se stavdoy a odývánim staroslovanských domu // Vesmir. 1983, R. 61, No. 12.

[2] **Пеняк С.И.** Новые раннеславянские памятники середины I тыс.н.э. в Закарпатской области УССР // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т. 4; **Русанова И.П.** Славянские древности VI – IX вв. между Днепром и Западным Бугом. С.25.

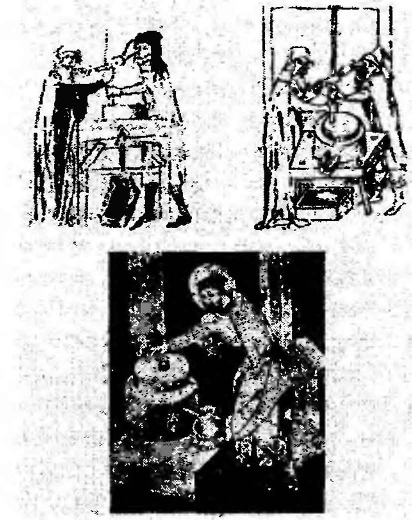

Рис. 21. Применение ручных мельниц (по польским материалам XIV в. Из статьи С. Бушко[3])

Питание. Обилие зернотерок, а затем, с последних веков I тыс., ручных мельниц, свидетельствует о распространенности мучной пищи и, прежде всего, конечно, хлеба (предпочитали свежий). На это указывают и летние печи, и этнография. Очевидно, не менее популярными были и каши, хотя приспособления для приготовления крупы – ступы – встречаются редко, так как были деревянными. Из льна и конопли, помимо волокон, добывали растительное масло. Большую роль играли различные блюда из репы. Об использовании в пищу различных огородных, садовых и лесных культур и говорить не приходится. О мясной пище данных меньше. Но не подлежит сомнению, что в крестьянской пище преобладали свинина и говядина. Обычны были молоко и молочные продукты. Хотя скот, особенно в раннем средневековье, был малопродуктивным и молочные продукты больше распространились с начала II тыс. По общему мнению, у крестьян-земледельцев растительная пища практически всегда преобладала над животной. Тем более что с развитием феодального землевладения охота, да и рыбалка, становились привилегией господ. Из напитков известны мед, квас, кисель, пиво (с XII в. – из хмеля).

---

[3] **Buśko C.** „Day, at ja pobruczę...". Przyczynek do dziejow przetwórstwa zbozowego w sredniowiecznym Wrocławiu // Archaeologia Historica Polona. Toruń. 2003. T. 13.

Основу кухонной утвари составляли глиняные горшки. Их использовали и для варки, и для подогрева пищи, и для хранения, и в качестве, очевидно, столовой посуды. Помимо горшков была иная посуда: сковороды, миски, кувшины, корчаги для хранения запасов. Помимо глиняных, емкости делали и из дерева. Они, естественно, почти не сохранились, за исключением остатков деревянных ведер, обычно реконструируемых по железным обручам и ручкам. Безусловно, деревянными были ложки. Из кухонных приборов лучше хранились железные ножи – одна из самых массовых железных находок на поселениях. Впрочем, ножи относятся к универсальным орудиям, применявшимся в разных целях.

Одежда и обувь крестьян в археологических материалах из-за плохой сохранности отражена крайне слабо. Известно, что одежда бывала шерстяной. Не подлежит сомнению использование льна, шкур и мехов. Среди материалов из древнерусских селищ известны вязаные изделия, в частности, шерстяные чулки. Из шерсти же валяли войлок на валенки и мужские шляпы. Основной крестьянской обувью были лапти, но известны кожаные туфли и сапоги (парадные – ?). В коллекции Государственного исторического музея в Москве есть оригинальные лапти с кожаной подошвой. Мало археологических данных и о головных уборах. При раскопках древнерусских курганов чаще встречаются украшения от так называемых венчиков – своеобразных парадных повязок и накладок, скреплявших распущенные или сплетенные в косы волосы. Теперь общепризнанно, что венчики являлись принадлежностью девичьего наряда, а за-мужние женщины носили головные уборы, обязательно покрывавшие волосы[4].

Лучше в археологических коллекциях представлены *украшения* крестьянского костюма, особенно женского. Наиболее подробно они изучены по материалам из древнерусских курганов XI – XIII вв. Распространенным и чаще всего простым, дешевым женским украшением были височные кольца. Крепились они, иногда по нескольку штук, по обеим сторонам головы у висков или к волосам, или к головному убору. Как и большинство деревенских украшений, они были бронзовыми, но иногда встречались биллоновые или посеребренные. Известны случаи, когда небольшие проволочные перстнеобразные височные кольца использовались в качестве мужской серьги (на левом ухе)[5]. Нечасто, но встречались в древнерусских деревнях шейные гривны, служившие как женским украшением, так и мужским знаком отличия. Самыми многочисленными женскими украшениями были бусы, иногда использовавшиеся как пуговицы, но обычно – в составе ожерелий, часто вместе с подвесками. В женской и, реже, в мужской одежде применялись бронзовые, медные и железные застежки разных форм. Нередким украшением были браслеты, обычно бронзовые, биллоновые, серебряные, редко – стеклянные. Часты были у крестьян и перстни. Среди прочих бытовых предметов, находимых в сельских поселениях, следует отметить кресала, точильные бруски, пряслица, иглы.

О состоянии *гигиены* в деревнях археологических данных крайне мало. Но указанные специальные ямы со следами сожжения мусора, следы посыпания полов в жилищах известью или песком свидетельствуют о неких санитарных представлениях. О них же – находки гребней и маленьких ножиков, которые, как полагают, могли использоваться для бритья. Много находят на поселениях черепков разбитой глиняной посуды со следами пригоревших продуктов. Вероятно, такую испорченную посуду попросту выбрасывали.

---

[4] **Левашева В.П.** Венчики женского головного убора из курганов X – XII вв. // Славяне и Русь. М. 1968; Этнография восточных славян. М. 1987; С.28-30.

[5] **Розенфельдт Р.Л.** Битяговские курганы // Археологические открытия –1963 г. М. 1969.

ХОЗЯЙСТВО

Уже в I тыс. до н.э. у основного населения Европы, за исключением жителей севера, главным способом обеспечения пропитанием постепенно становилось земледелие. Оно, естественно, сочеталось с разведением скота, охотой, рыболовством и другими промыслами. Но было определяющим в условиях оседлой жизни. Известные сообщения римских авторов начала новой эры о скотоводческом и даже кочевом характере жизни древних германцев, объясняются, во-первых, непониманием германских форм землепользования, а во-вторых, и это, пожалуй, главное – тем, что примитивные способы обработки земли, применявшиеся германцами, скептически воспринимались видевшими это римлянами. «Они насилуют землю» – замечал в конце I в. н.э. оставивший самое подробное и довольно точное описание жизни германцев римский государственный деятель и писатель Публий Корнелий Тацит.

Археологические материалы свидетельствуют о бесспорно земледельческом характере тогдашнего германского общества. Аналогичны археологические данные и об основе хозяйства древних славян. Впрочем, иное было невозможно при жизни среди лесов, что спустя тысячу лет доказало быстрое превращение в земледельцев кочевников-венгров, оказавшихся на Среднем Дунае – в Паннонии. Тем не менее, до середины I тыс. н.э., вплоть до эпохи Великого переселения народов на территории расселения европейских варварских племен роль скотоводства была более значительной, чем позднее[1]. Тогдашнее земледелие, при котором возделывались лишь угодья, расположенные вблизи жилищ, по мнению некоторых исследователей, можно называть огородничеством[2].

[1] **Jankuhn H.** Dorf, Weiler und Einzelhof in der Germania Magna. S.124-125; **Janssen W u. B.** Stand und Aufgaben der Archäologie des Mittelalters im Rheinland // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 1973. Bd.I; **Lange E.** Botanische Beitrage zur mittelalterlichen Siedlungsgechichte zur Wirtschaft und Kulturlandschaft in frühgeschichtlicher Zeit. Berlin. 1971. S.45.

[2] **Kurnartowski S.** Przemiany techniki uprawy roli w czasach między epoką brązową i wczesnym średniowieczem a rozmiszczenie stref zasiedlenia // Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. 1966. T. 8; **Wielowiejski J.** Zagadnienie przełomu w techtice uprawy roli w piewszym tysiącletiu N.E. na ziemiach Polskich // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1955. T.1.

С VI – VII вв. и в германских, и в славянских землях отмечается увеличение удельного веса земледелия по сравнению со скотоводством. В исследованных поселениях растут запасы зерна. Но это, по всей видимости, было следствием лишь увеличения площадей обрабатываемых земель[3].

Что касается СПОСОБОВ ОБРАБОТКИ ЗЕМЛИ, то для первой половины I тыс. н.э. данных крайне мало. Выявленные постоянные поля около нескольких исследованных деревень в Ютландии и на германском побережье Северного моря, а также находки деталей земледельческих орудий свидетельствуют о наличии пахоты. Отмечено и существование севооборота. Но степень его распространенности неясна[4]. До VI – VIII вв. у славян и, по крайней мере, у северных германцев, не соприкасавшихся с римским населением, преобладало подсечно-огневое земледелие. В отдельных местах фиксировался лесной перелог, при котором поля забрасывались не на 15–20 лет для полного восстановления лесной растительности, как при подсеке, а лишь на несколько лет для восстановления плодородия[5].

О появлении регулярного севооборота в виде трехполья на землях франков, других германцев по обе стороны Рейна и в Южной Скандинавии, а также у западных славян свидетельствуют материалы VIII – IX вв.[6] Тогда же пашенное земледелие распространилось и в лесостепной зоне Восточной Европы, в южной части восточнославянского расселения – в междуречье Днестра и Среднего Днепра. В лесных же землях восточных славян подсека просуществовала намного дольше и использовалась как способ вовлечения в хозяйственный оборот новых земель вплоть до 30-х гг. XX в. Ее живучесть стимулировалась и большой урожайностью в первые 2–3 года (до САМ 20 – САМ 30). Поэтому в условиях внут-

[3] **Bentzien U.** Bauerarbeit im Feudalismus. Berlin. 1980. S.51-56; **Gringmuht-Dallmer E.** Der frühgeschischtliche Landesaufbau als Element der Ptoduktivkräftentwicklung // Produktivkräfte und Produktionsverhältnisse in ur- und frühgeschichtlicher Zeit. Berlin. 1985; **Lange E.** Grundlagen und Entwicklungstendenzen der frühgeschichtlichen Agrarproduktion aus botanischer Sicht // Zeitschrift für Archäologie. 1976.Jg. 10. H. 1.

[4] **Janssen W.** Die Bedeutung der mittelalterlichen Burg für die Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Mittelaiters // Das Handwerk in vor- und frühgeschichte Beiträge. Göttingen. 1983.

[5] **Dostál B.** Zemědělská výroba na území ČSSR v 6.-10. stoleti // Archæologia historica. 1976. No. 1.

[6] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т.1. С.32-35; **Donat P.** Die Landwirtschaft in der Zeit der Herausbildung und Festigung des Feudalismus un Mitteleuropa // Zeitschrift für Geschichtwissenschaft. 1983. Jg. 31. H. 8; **Herrmann J.** Probleme der Fruchtwechselwirtschaft im Ackerbau des 8. Bis 9. Jh. Am Beispiel ausgewählter schriftlicher und archäologischer Quellen // Zeitschrift für Archäologie. 1981. Jg. 15. H. 1; **Szafrański W., Szafrańska Z.** Z badań nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem wiejskim w Biskupinie // Polskie badania archeologiczne. 1961. T. 6. S.475.

ренней колонизации, которая охватила всю первую половину II тыс., подсека продолжала сосуществовать с пашенным земледелием[7]. Но как основной способ обработки земли подсека и там просуществовала только до конца I тыс. Уже с VIII – IX вв. восточнославянские земледельцы лесной зоны начали осваивать пахоту[8].

Каких-либо существенных хронологических различий развития агрокультуры в германских и славянских землях не выделяется. Довольно долго трехполье сосуществовало с более древними системами: подсекой и перелогом. Ближнее поле могло удобряться и потому ряд лет не отдыхало. Отдаленные же участки отдыхали долго, вплоть до зарастания (о чем есть и этнографические данные), а потом возвращались в оборот с помощью подсеки. Поэтому, скорее всего, существовала свободная комбинация разных земледельческих систем. Массовое распространение регулярного трехполья приходится на эпоху внутренней колонизации в Западной и Центральной Европе и завершается в XIII – XIV вв. В Восточной Европе у славян господство регулярного трехполья неоспоримо с XIV – XV вв. Именно в это время трехполье превратилось в ведущую систему. Хронологическое совпадение прогресса в земледелии и массового освоения новых сельскохозяйственных угодий не случайно. Оба эти явления были порождены ростом населения, нехваткой свободных земель, растущими потребностями городов с одной стороны, агрономическим опытом и массовым распространением новых сельскохозяйственных орудий, в том числе плуга – с другой[9].

---

[7] Показательно земледелие русских переселенцев в Сибири. В период колонизации земель в. XVI – XVII вв. сосуществовали подсека, перелог и паровая система. См.: **Кочин Г.Е.** Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI в. М.-Л. 1965. С.57-60.

[8] Белорусская археология. Мн. 1987. С.73; Возникновение и развитие земледелия. М. 1967. С.186-188; **Довженок В.Й.** Землеробство древньой Русі. К.1961; **Кирьянова Н.А.** Земледелие Северо-Восточной Руси XI – XV ав. М. 1991; **Коробушкина Т.Н.** Земледелие на территории Белоруссии в X – XIII вв. Мн. 1979. С.98-99; **Петров В.П.** Подсечное земледелие. К. 1968; **Пашкевич Г.А., Петрашенко В.А.** Землеробство і скотарство в Середньому Подніпров'і в VIII – X ст. // Археологія. 1982. Вип. 41.

[9] **Bentzien U.** Bauerarbeit im Feudalismus. S.62; **Musiolek P., Eppelrein S., Fischer H., Kagel W., Schattkowsky M.** Zu problem von Geselschaft und unwell in der Vorkapitalistischen Produktionswesen // Jahrbuch fur Wirtschaftsgeschichte. 1985. Teil IV; **Szulc H.** Badania geograficko-historyczne nad osadnictwem wiejskim w Skandinawii // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1969. R. 17. No.5; **Dąbrowski** H. Rozwój gospodarki rolnej w Polsce od XII do połowy XIV wieku // Studia z dzieów gospodarstwa wiejskiego. 1962. T. 5. No. 1; **Gieysztor A.** W sprawie początków trojpolówki w Polsce i krainach sąsiednich // Prace z dziejów Polski feudalnej. Warszawa. 1960; **Podwińska Z.** Technika upravy roli w Polsce średniowiecznej. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1962. S.175-176, 203; **Poklewski T.** Spicymierska włość grodowa w średniowieczu; **Beranová M.** Zemědelská výroba v 11.-14. stoleti na územi Československa; **Она же.** Zemědélstvi starých slovanů. Praha. 1980; **Štěpánek M.** Osidleni a zemědělska výroba v českých zemich v 10.-13. stoleti // Počátky českého statu. Sbomik přispěvků. Praha. 1973; Археологія Україньскої РСР. Т.3. С.461-462; **Довженок В.Й.** Землеробство древньой Русі;

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ. В первой половине I тыс. в германских землях культивировались ячмень (преобладающая культура), пшеница (чаще всего полба), овес, горох, рожь (редко). У славян преобладало урожайное при подсеке просо. В раннем средневековье отмечается резкое увеличение удельного веса ржи. Она выходит на первое место, как у славян, так и у германцев к востоку от Рейна и становится основной озимой культурой в складывавшихся севооборотах (30-50% всех злаков). Остальные злаковые культуры – обычно яровые. Первой среди них чаще высевалась пшеница, далее следуют ячмень, овес, просо. Эти изменения были вызваны, очевидно, вовлечением в оборот новых земель и совершенствованием агроприемов, о чем шла речь выше. Если яровая пшеница была нетребовательна к уровню обработки, то рожь требовала хорошо подготовленных почв. С другой стороны, рожь морозоустойчива и относительно непритязательна с составу почв, что было важно при расселении на новые земли[10]. Каких-либо серьезных отличий в структуре земледельческих культур между славянами и германцами в Центральной Европе второй половины I тыс. не наблюдается, что связано, прежде всего, со сходными агроприемами и тенденциями расселения до конца I тыс. Несколько бóльшая роль пшеницы на западе объясняется более мягким климатом. С XIV в. в Западной Европе распространяется гречиха. У восточных славян она известна с XII – XIII вв. Урожай злаков в XII в. составлял САМ 2 – САМ 3. Бобовые, лен, конопля и вика культивировались, скорее всего, как огородные культуры, совместно с морковью, огурцами, укропом, хмелем, свеклой, луком и чесноком, капустой и огурцами, репой и тыквой. О фруктах наиболее полные сведения происходят из чешских земель, где уже с VIII – IX вв. известны виноград, абрикосы, яблоки, сливы, груши, черешни, вишни, малина, ежевика, черная бузина, грецкие орехи. Позднее появились персики. Со второй половины X в. виноград отмечен и в польских землях, а в середине XIII в. там же – слива. В Восточной Европе о фруктах известно с древнерусской поры[11].

Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). М. 1983. С.61; **Кочин Г.Е.** Развитие землевладения Руси с конца XIII по конец XV в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII – XVII веков. М.-Л. 1960. С.276, 281, 302; **Моора Х., Лиги Х.** Хозяйство и обществвнный строй народов Прибалтики в начале XIII в. Таллин. 1969. С.5-8.

[10] **Gardawski A.** Problem przełomu w technike uprawy roli na ziemiach polskich w pierwszym tysiącleciu n.e. // Studia z dzieów gospodarstwa wiejskiego. 1966. T.8.

[11] **Gringmuht-Dallmer E.** Der frühgeschischtliche Landesaufbau als Element der Ptoduktivkräftentwicklung // Produktivkräfte und Produktionsverhältnisse in ur- und frühgeschichtlicher Zeit/ Berlin. 1985; **Chmielowski S.** Gospodarka rolna i hodowlana w Polsce w XIV i XV wieku // Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. 1962. T. 5. No. 2; **Dąbrowski H.**

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ. Основным их видом в до рубежа I – II тыс. оставались разные модификации рал с симметричными и асимметричными наральниками. Они встречались и в славянских, и в германских областях расселения (в Великой Моравии асимметричные наральники-лемехи отмечались с IX в.). Этими орудиями пахали мелко, на глубину 5–6 см. Долгое время такие рала были полностью деревянными и поэтому подходили, прежде всего, для легких песчанистых почв. Но с VII – VIII вв. у северных германцев, также у польских племен, чехов и моравов появляются железные наральники. Около IX – X вв. они отмечены у полабских славян. Такие орудия уже можно было применять на тяжелых почвах и они оставались у западных славян основными пахотными средствами до XI – XIII вв. Но уже с VIII – IX вв. началось распространение и подлинного плуга с отвалом. Возможно, первоначально он применялся в господских хозяйствах. Широкое распространение плугов совпало с расчистками, внедрением трехполья и установлением длинных полей (геваннов, конов), то есть приходится на XII – XIII вв. Такое совпадение неслучайно. В нем отражен общий прогресс сельскохозяйственного производства в Европе. В это же время появляются и более совершенные плуги. В качестве тягловой силы обычно использовались волы. Применение лошади для пахоты у славян отмечено с X в. Как видно, основная земледельческая техника германцев и западных славян развивалась сходными путями и без хронологических различий[12].

Rozwój gospodarki rolnej w Polsce od XII do połowy XIV wieku // Ibid.; **Klichowska M.** Znaleziska zbóż na terenie ziem polskich od neolitu do XII wieku n.e. // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1961. R. 9. No. 4; **Beranová M.** Zemědělstvi starých slovanů; **Dostál B.** Zemědělská výroba na území ČSSR v 6.-10. stoleti; **Nekuda V.** Zemědělská vyroba v obdobi feudalismu na Morave // Archæologia historica. 1985. No. 10; **Tempir Z.** Archeologické nálezy zemědělských rostlin a plevelů v Čechach a na Moravě // Vědecké práce Československého zemědělského muzea. Praha. 1968. No. 8; **Он же.** Archeologické nálezý zemědělských rostlin a plevelů na Slovensku // Agrikultura. Nitra. 1969. No. 8; Археологія Украінськоі РСР. К. 1975. Т.3. С.167,465; Возникновение и развитие земледелия. С.172-221; **Кирьянов А.В.** История земледелия Новгородской земли X – XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65. С.312-321; **Кирьянова Н.А.** Земледелие Северо-Восточной Руси XI – XV вв.; **Коробушкина Т.Н.** Земледелие на территории Белоруссии в X – XIII вв. С.31-94; **Пашкевич Г.А.** Палеоботанические исследования в области славянской археологии // Труды V Международного конгресса археологов-слааистов. К. 1988. Т.4; **Седин А.А.** Дреанее земледелие и скотоводство по материалам раскопок городища Никодимово // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёў. 1994.

[12] **Beranová M.** Zemědelská výroba v 11.-14. stoleti na území Československa. S.6-16; Die Slawen in Deutschland. S.72-73; **Donat P.** Die Landwirtschaft in der Zeit der Herausbildung und Festigung des Feudalismus un Mitteleuropa; **Gringmuht-Dallmer E.** Probleme der landwirtschaftlichen Produktion des 1. Jahrtausend u.Z. in Mitteleuropa // Produktionskräfte und Geselschaftformationen in vorkapitalistischer Zeit. Berlin. 1981; **Она же.** Frühgeschichtliche Pflugspuren in Mitteleuropa // Zeitschrift für Archäologie. 1983. Jg. 17. H. 2; **Henning S.** Unterschiede und Gemeinsamkeit zwischen slawischer und fränkischer Ladwirtschaft in Gebieten

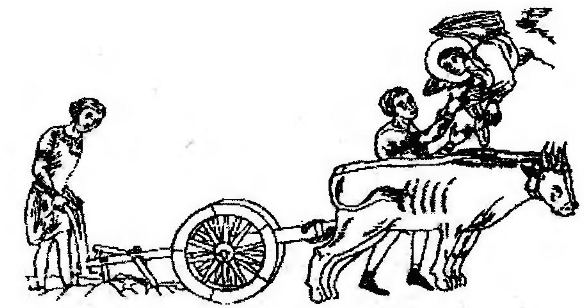

Рис. 22. Пашущий крестьянин. Германия, Эльзас. Рисунок. Последняя четверть XII в.

У восточных славян во второй половине I тыс. очевидно, в ходе расселения рало из лесостепи начало распространяться в лесную зону, В VII – VIII вв. в лесостепи появляется рало с полозом, у которого наральник находился не под углом к поверхности земли, а был насажен на деревянный полоз, располагавшимся при пахоте почти параллельно земле, что позволяло срезать горизонтальный пласт. Такое орудие подходило для мягких пойменных и старопахотных земель, но требовало больших усилий от пахаря и тяглого скота при подъеме перелогов, залежей и целины. Поэтому в дальнейшем перед наральником на нем было установлено режущее приспособление для переворачивания пласта – плужный нож (чересло), что уменьшало давление грунта и превращало рало с полозом в подобие легкого плуга. Некоторые авторы называют их плугами. Они отличалась и более глубокой вспашкой (не менее 10–15 см) при ширине борозды 8–23 см. В лесной зоне рала с полозами применялись на свободных от леса землях, а на лесных расчистках из-за корней – только безполозные. С появлением более приспособленных для лесных почв сох рала в лесной зоне постепенно исчезали. Но в лесостепи из-за относительной простоты изготовления, дешевизны и легкости рала разных типов сохранялись (особенно в местах с легкими почвами) довольно длительное время и после появления плугов.

---

frühmittelalterlicher Stadtentwicklung // Труды V Международного конгресса археологоаславистов. К. 1988. Т. 2; **Čaplovič D., Hajnalová E., Hanuliak M., Ruttkay A.** Stredoveká dedina na Slovensku ako základný fenomén feudálnej ekonomiký; **Dostál B.** Zemědělská výroba na území ČSSR v 6.-10. stoleti; **Nekuda V.** Zemědělská vyroba v obdobi feudalismu na Morave // Archæologia historica. 1985. No. 10.

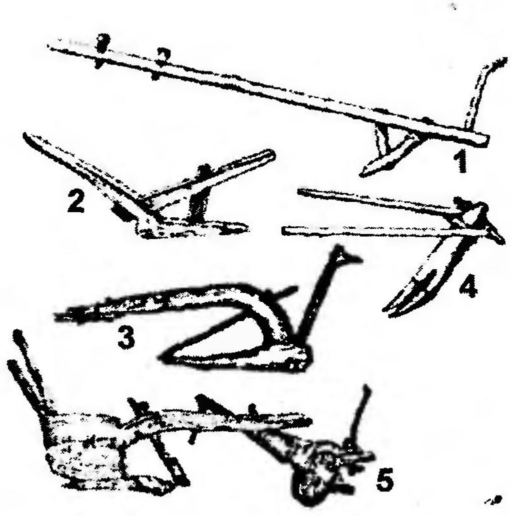

Рис. 23. Земледельческие орудия:
1 – рало, 2 – рало с полозом, 3 – рало с череслом, 4 – соха, 5 – плуг.

Особенности земледелия в лесной зоне способствовали появлению сохи – орудия рыхлящего, как и рало, близкого последнему по устройству, но лучше приспособленного к лесным почвам с тонким гумусным слоем, засоренных корнями деревьев и кустарников. В отличие от широких наральников железные сошники были длиннее и у́же. Мала́я глубина вспашки (около 7 см) не давала углубляться ниже гумуса и делала соху маневренной, легко обходившей препятствия. Более вертикальные, чем у рал, рабочие части сох позволяли при встрече с корнями во время пахоты легко ее выдергивать. Появление сох в IX – XI вв. способствовало переходу от подсеки к перелогу, затем и к паровой системе. Поначалу сохи сосуществовали с ралами, но с XII – XIII вв. стали их активно вытеснять. Таким образом, для распространения нового орудия и оценки земледельцами его преимуществ потребовалось 200–300 лет. Такой срок, как мы еще увидим, вообще был характерен для распространения нововведений в средневековой сельской среде. В домонгольское время были распространены двузубые сохи с асимметричными сошниками, расположенными под углом друг к другу. Такие сохи захватывали борозду шириной 20 см. Возможно, были и многозубые сохи. Но они не привились из-за малой маневренности, мелкой вспашки и необходимости большого усилия для тяглого скота. Распространение собственно плуга со всеми его атрибутами (череслом, асимметричным лемехом и отвальной

доской – полицей) у восточных славян происходило с XI – XII до XIII – XIV вв., то есть те же вышеотмеченные 200-300 лет[13].

Для заделки семян в почву уже в I тыс. германцы использовали рамчатые бороны, заимствованные, вероятно, у римлян. Славяне первоначально применяли бороны-суковатки. Их, судя по этнографическим данным, обычно изготавливали из ели, с которой срубали верхушку и мелкие сучья, а крупные оставляли на 50–70 см от ствола. Длина такой бороны была 2–2,5 м. Для большей тяжести её предпочитали делать из сырой ели, то есть срубали непосредственно перед боронованием[14]. Рамчатые бороны с железными зубьями появились у славян лишь в XIII – XIV вв. Они имели обычно по 20 зубьев, заменяемых по мере необходимости новыми на тех же рамках. В XVI в. появились модификации таких борон с разным числом зубьев[15].

Главными орудиями уборки урожая были серпы разных форм, ибо в древности и средневековье не косили, а жали, срезая, в основном, колосья, чтобы не увозить с поля еще и стебли. В VIII – начале IX в. серпы усовершенствовали. Они стали более изогнутыми. Нередко их лезвия имели насечки, что облегчало срезание колосков. Такие серпы использовались и в позднем средневековье, хотя их пропорции несколько изменились[16].

Обмолот урожая производился, по-видимому, уже с раннего средневековья цепами, хотя могли быть и более примитивные способы, в том числе вытаптывание зерна копытами домашних животных. В Центральной Европе цепы известны в археологических материалах X в.[17] Для помола зерна применялись мельницы. Мельничные жернова находили

---

[13] Археологія Украінськоі РСР. К. 1975. Т.3. С.168; Возникновение и развитие земледелия. С.176-178; **Довженок В.Й.** Землеробство древньой Русі. С.83-90; Древняя Русь. Город, замок, село. С.121-124; **Кирьянова Н.А.** Земледелие Северо-Восточной Руси XI – XV вв.; **Краснов Ю.А.** Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М. 1987; Очерки по археологии Белоруссии. Мн. 1972. Ч.2. С.59-61; **Чернецов А.В.** К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи // Вестник МГУ. Сер. Историческая. 1972. № 2; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. С.373.

[14] **Петров В.П.** Подсечное земледелие. С.164,169; Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. С.147.

[15] **Belcredi L.** Zemedelské a remeslnické nastroje na zaniklych středověkých osadach // Archæologia historica. 1983. No. 8; **Beranová M.** Zemědelská výroba v 11.-14. stoleti na území Československa. S.15-16,49-51; **Čaplovič D., Hajnalová E., Hanuliak M., Ruttkay A.** Stredoveká dedina na Slovensku ako základný fenomén feudálnej ekonomiký; **Nekuda V.** Zemědělská vyroba v obdobi feudalismu na Morave.

[16] **Довженок В.Й.** Землеробство древньой Русі. С.145; Древняя Русь. Город, замок, село. С.225; **Коробушкина** Т.Н. Земледелие на территории Белоруссии в X – XIII вв. С.41-47; **Beranová M.** Zemědelská výroba v 11.-14. stoleti na území Československa. S.20-23.

[17] **Bentzien U.** Bauerarbeit im Feudalismus. S.45; **Nekuda V.** Zemědělská vyroba v obdobi feudalismu na Morave.

в материалах VIII – IX вв. Самыми ранними, были ручные, так называемые ротационные мельницы, оснащенные каменными жерновами диаметрами до 60 см. Сохранились они и позднее, в начале II тыс., причем были далеко не в каждом хозяйстве. Но до конца I тыс. применялись и зернотерки, а еще в XI – XII вв. использовались ступы. Стационарные водяные мельницы известны по письменным источникам с IX в. Достоверные данные о водяных мельницах появляются с XIII в.[18]

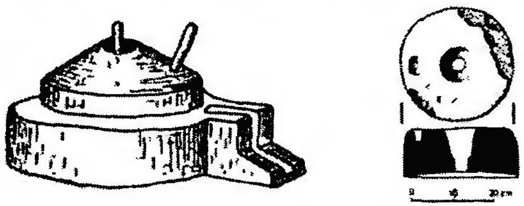

Рис.24. Ручные мельницы: 1 – мельница середины I тыс., 2 – верхний жернов (бегун)

Отличия между славянами и германцами наблюдались в заготовке фуража. В германских областях с IV – VI вв. была распространена восходящая к позднеримской эпохе длинная коса (типа современной «литовки»), позволявшая при относительном удобстве работы заготавливать сена больше, чем известная у раннесредневековых славян с середины I тыс. короткая коса-горбуша. Особым удобством последние не отличались: работать ими можно было согнувшись или стоя на коленях. Но просуществовали они до середины II тыс. ибо были приспособлены, прежде всего, для сенокошения на неровных участках и среди редких кустарников. Однако с XIV – XVI вв. их все же вытеснили косы современного вида[19].

ЖИВОТНОВОДСТВО. Практически на всей территории равнинной Европы в средние века разводили одних и тех же домашних животных.

[18] **Beranová M.** Zemědelská výroba v 11.-14. Stoleti na územi Československa. S.25-26; **Hanušin J.** Nejstaršie vodné mlyny na Slovensku (do konca 13. storočia) // Dějiny věd a techniky. Praha. R. 1979. Č..1; **Лебедев Г.С.** Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985. С.119; **Hensel W.** Słowianszczysna wczesnośredniowieczna. Warszawa.1965. S.73-75; **Dembińska M.** Przetwórstwo zbożowe w Polsce średniowiecznej (X – XIV wiek). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1973; Древняя Русь. Город, замок, село. С.272; **Ляпушкин И.И.** Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. С.137-138; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. С.374.

[19] **Довженок В.Й.** Землеробство древньой Русі. С.152; **Кирьянов А.В.** История земледелия Новгородской земли X – XV вв. С.353; **Коробушкина Т.Н.** Земледелие на территории Белоруссии в X – XIII вв. С.54-56; **Beranová M.** Zemědelská výroba v 11.-14. stoleti na územi Československa. S.41-43, 48; **Она же.** Zemědelská výroba v 11.-14. stoleti na územi Československa. S.254; **Bentzien U.** Bauerarbeit im Feudalismus. S.38-40.

Преобладал крупный рогатый скот, свиньи, лошади, козы и овцы. Среди птиц чаще встречались куры, реже гуси и утки. За исключением лошадей скот использовали для получения мясной пищи. Хотя не исключено, что коз и овец разводили, главным образом, ради шерсти. Молоко, по свидетельству письменных материалов, еще не стало популярным и употреблялось не весь год. Больше следов потребления молока получено из восточнославянских деревень. В качестве тягловой силы использовали лошадей и волов. Часто на поселениях находят кости собак и лишь чуть меньше – кошек[20]. С ростом населения и, особенно, городов возрастала роль свиноводства. Но развитие товарообмена деревни с городом способствовало разведению крупного рогатого скота и лошадей.

РЕМЕСЛА. Ремесло раннесредневековых германских сельских жителей изучено недостаточно. Обычно называют обработку дерева, ткачество, косторезное, кузнечное, ювелирное и гончарное ремесла, иногда металлургию. В полностью изученной деревне VII – VIII в. на севере Германии каждая группа дворов имела своего кузнеца[21]. Тогда же отмечены следы металлургии и кузнечного дела у западных славян. С этих производств, требовавших времени, профессионализма, особого сырья,

[20] **Gringmuht-Dallmer E.** Die Entwicklung der frühgeschichtlichen Kulturlandschaft auf der Territorium der DDR unter besonderer Berucksichtigung der Siedlungsgebiete. Berlin. 1985. S.102-103; **Herrmann J.** Probleme der Herausbildung der archäologischen Kulturen slawischer Stämme des 6.-9. Jh. // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava. 1979. T.1; **Janssen W.** Dorf und Dorfformen des 7. bis 12. Jahhunderts im Lichte neuer Ausgrabungen in Mittel- und Nordeuropa. S.304-305; **Müller H.-H.** Zur Nutzung der frühgeschichtlichen Haustiere // Berichte über den II. International Kongreß für slawische Archäologie. Berlin. 1973. Bd. III; **Он же.** Tieropfer in der slawischen Tempelburg von Arkona auf Rügen // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava. 1980. T. 2; **Он же.** Zur Kentnis der frühgeschichtlichen Pferde bei den Slawen zwischen Elbe/Saale und Oder // Przegląd archeologiczny. 1981. T. 28; **Reichstein H., Taege K.G., Vogel H.-P., Heinrich D.** Untersuchungen an Tierknochen von der frühslawischen Wehranlage Bischowswarder am Großen Plöner See // Bosau IV. Offa – Bücher, 42. Neumünster. 1981; **Dembińska M.** Zmiany w strukturze hodowli na ziemiach polskich we wczesnym śreniowieczu // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1975. R. XXIII. No. 2; **Sobociński M., Schramm Z.** Zwiezecy material kostny z wykopalisk w Gnieznie // Zeszyty Naukowe Uniwersitetu Mikolaja Kopernika w Torunie. Nauki Humanistyczno-spoleczne. Z. 45. Archeologia. No. 3. Toruń. 1972; **Beranová M.** Způsob chovu dobytka u slovanů v 6.-10. stoleti // Slované 6.-10. stoleti. Brno. 1980. S.22-24; **Holl I., Paradi N.** Das Mittelalterliche Dorf Sarvań. Budapest. 1982. S.233; **Сміленко А.Т.** Слов'яни то іх сусіди в степоаому Подніпров'і (II – XIII ст.) К. 1975. С.89; Археологія Украïньскоі РСР. К. 1975. Т.3. С.167; **Пашкевич Г.А., Петрашенко В.А.** Землеробство і скотарство в Середньому Подніпров'і в VIII – X ст.; **Цалкин В.И.** Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР. 1956. № 51; Древняя Русь. Город, замок, село. С.225-226; **Дучыц Л.У., Шчаглова В.В.** Жывёлагадоўля і паляванне ў жыцці насельніцтва Маскавіцкага гарадзішча (XI – XIII стст.) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. Мн. 1987. № 2; **Шаблюк В.І.** Сельскія паселішчы Верхняга Панямоння XIV – XVIII стст. Мн. 1996. С.109.

[21] **Winkelmann W.** Ausgrabungen in der frühmittelalterlichen Siedlung bei Warendorf (Westfalen).

собственно, и началось формирование специализированных деревенских ремесел. В XI – XIII вв. в деревнях уже работали со сталью[22]. С IX в. в центральноевропейских деревнях отмечены следы обработки цветных металлов[23]. Развитие металлургии, которое способствовало улучшению сельскохозяйственных орудий, было, кстати, одним из факторов, ускоривших лесные расчистки. По некоторым подсчетам, на выработку тонны железной руды в XIII – XV вв. уходило 8 т древесного угля или 30 т дерева, что составляло 5 га леса[24].

Свидетельством появления профессиональных гончаров стало относительно быстрое внедрение по всей Европе гончарного круга в конце X – начале XI в.[25] Но в XI – XIII вв. изготовление глиняной посуды продолжало оставаться, в основном, домашним и долго не испытывало серьезного технического прогресса. Использовался ручной гончарный круг. Ассортимент посуды долго оставался весьма однообразным. Лишь в отдельных местах, обычно у феодальных усадеб, выявлены специализированные гончарные мастерские.

С XIII в. отмечается увеличение числа и ассортимента железных изделий на сельских поселениях, больше становится и кузнечных мастерских (с примитивной, по сравнению с городом, технологией), особенно в хозяйских дворах феодалов. Нередко на поселениях и в усадьбах лишь кузнечное производство и было представлено мастерскими. Находят кузнечный инвентарь (щипцы, наковальни, молоты), свидетельствующий о соответствующем производстве почти в каждой обследованной деревне. Среди находок XIII – XV вв. много инструментов для резьбы по дереву (пилки, скобели, сверла, долота), меньше их для обработки кожи (скребки, ножи, шилья, иглы). Есть свидетельства обработки кости, рога, камня; было и ткачество. Но вся эта деятельность в деревне и в развитом средневековье не выходила за рамки домашнего производства[26].

Аналогичные процессы происходили и у восточных славян, у которых отделение ремесел от сельского хозяйства фиксируется в VII – IX вв. лишь в металлургии и металлообработке. На поселениях с этого времени появляются специализированные мастерские и даже металлургические центры. Начинают выделяться и ювелиры[27].

Впрочем, и в X – XIII вв., в условиях натурального хозяйства в деревнях продолжало существовать домашнее производство многих вещей, а деятельность сельских ремесленников ряда специальностей носила сезонный характер, то есть они еще полностью не отрывались от сельского хозяйства. Среди древнерусских деревенских ремесленников определенно можно назвать кузнецов (они же часто и металлурги – «домники»), литейщиков-ювелиров, гончаров. Б.А. Рыбакову удалось установить, что деревенские кузнецы и ювелиры обслуживали обычно несколько соседних поселков, расположенных от мастерских не далее 15 км. Начинали выделяться бондари и сапожники-кожевенники. Но окончательно они определились уже в XIV – XV вв.; тогда же выделились плотники, швецы[28].

В раннем средневековье добыча железа на основных пространствах Европы сложилась на основе использования так называемых болотных и озерных руд, залегавших повсеместно и неглубоко. Следы сыродутных горнов обнаружены на памятниках VI – VII вв. Тогдашние металлурги уже умели варить сталь. На крицы в 2,5-3 кг уходило до 0,4 куб.м дуба (около 250 кг) и от 4,5 до 9 человеко-дней. Трудоемкость стали была в 2 раза выше. Это объясняет высокую стоимость железных изделий. Их берегли и поэтому при раскопках редко находят целые предметы[29]. И в начале II тыс., несмотря на появление городов, металлургическое производство, по крайней мере в Восточной Европе оставалось, в основном, деревенским. Мастерские с сыродутными горнами располагались чаще на окраинах деревень или за их околицами.

Деревенские кузнецы уже с VI – VII вв. применяли закалку изделий. Наиболее ответственные части орудий (наральники), выковывали из стали. Изредка встречалась и кузнечная сварка (стальные полосы наваривали на железную основу). Но значительные изменения и усовершенствование технологий началось в VIII – IX вв. Чаще встречается кузнечная сварка, пакетирование, закалка с последующим отпуском. Все это отразило распространение специализированных кузнечных мастерских.

С VII в. отмечается и ювелирное дело. Основными источниками цветных металлов, вероятно, являлись лом и монеты. Ограниченность сырья,

---

[22] **Herrmann J.** Hauptaufgaben, Probleme und Ergebnisse der archäologischen Frühgeschichtforschung in der DDR in den Jahren 1965 – 1970 // Berichte über den II. Internationalen Kongreß für slawische Archäologie. Berlin. 1970. Bd. 1.

[23] **Łosiński W.** Z badań nad przemianami gospodarczymi w starszych fazach wczesnego średniowieczв na Pomorzu Zachodnim // Archeologia Polski. 1971. R. XVi. Z.1/2.

[24] Die Slawen in Deutschland. C.101-109; **Сванидзе А.А.** Деревенские ремесла в средневековой Европе. С.89.

[25] **Сванидзе А.А.** Там же.

[26] **Belcredi L.** Zemedelské a remeslnické nastroje na zaniklych středověkých osadach; **Čaplovič D.** Archeologický výskum stredovekého dedinského domu na Slovensku // Archæologia historica. 1987. No. 12.

[27] **Ляпушкин И.И.** Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. С.142-166; **Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. С.242-243; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. С.376-401.

[28] **Рыбаков Б.А.** Ремесло древней Руси.

[29] **Гопак В.Д.** Обработка железа у славянских племен юга Восточной Европы во второй половине I тыс.н.э. // Труды V Международного конгресса археологов-слввистов. К. 1988. Т.4; **Гурин М.Ф.** Древнее железо Белорусского Поднепровья. Мн. 1982. С.19-24.

очевидно, сдерживала развитие отрасли, и ювелирное производство встречалось реже кузнечного. Преобладала обработка бронзы. Распространение изделий городских ювелиров в XI – XII вв. привело к появлению своеобразных подделок: сельские мастера делали слепки с городских украшений и отливали псевдовитые или псевдозерненые перстни, кольца, бусы. Но постепенно городская продукция «выжила» сельских ювелиров.

Весьма распространенным было гончарное производство. Но оно носило сезонный характер и не отделяло полностью гончаров от сельского хозяйства. То же относится и к ткачеству, следы которого выявляются уже с VI – VII вв., а также к кожевенному делу, свидетельства которых в виде шильев, проколок, костяных игл нередки в исследованных деревнях. Обработка дерева отражена в археологическом материале, прежде всего, инструментами: топорами, скобелями, резцами, долотами, сверлами, реже пилами и т.п. Очевидно, плотницкие и столярные работы производились самими крестьянами. Особо выделялось бондарное дело, которое требовало длительной подготовки заготовок для бочек и деревянных ведер. Но и оно было сезонным.

Таким образом, в рассмотренное время лишь металлургия, кузнечное и ювелирное дело выделились в самостоятельные сельские ремесла. Остальные несельскохозяйственные деревенские производства еще носили сезонный или иной вспомогательный характер. Это же относится и к некоторым промыслам.

Среди СЕЛЬСКИХ ПРОМЫСЛОВ на первом месте, несомненно, стоит охота, чему способствовали и огромные лесные массивы на изучаемых территориях. Жители раннесредневековых поселений чаще всего добывали оленя, дикого кабана, косулю, медведя, тура, зубра, лося, зайца, лис, дикого кота, на морских побережьях – тюленя. В разных поселениях роль охоты была неодинаковой. В укрепленных поселениях, где жили воины и были резиденции вождей, роль охоты была заметнее: в некоторых славянских городищах масса костей дичи доходит до 60%, а иногда там, где животноводство было слабо развито, и до 100% всего костного материала. В более поздних рыцарских замках, судя по имеющимся данным, роль дичи снижается[30]. Показательно, что в раннем средневековье роль охоты была выше в местах с меньшим уровнем хозяйственного развития, как, например, у полабских славян и у финно-угров[31]. В Восточной Европе прослеживается увеличение роли охоты с

[30] Die Slawen in Deutschland. S.81-95; **Müller H.-H.** Die Tierreste aus dem slawischen Burgwall von Berlin-Blankenburg // Archäologie als Geschichtswissenschaft. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin. 1977. Bd. 30.

[31] **Шадыра В.І.** Жывёлагадоўля і паляванне ў жыцці насельніцтва Беларускага Падзвіння ў 2-ой пал. I тыс. н.э. // Гісторыка-археалагічны зборнік. Мн. 1997. № 12.

запада на восток: на Правобережье Днепра – 36,6-63%, на Левобережье и до верховьев Дона – почти повсеместно – более 50%; та же ситуация отмечена в Закарпатье, то есть в горах, где кости дичи и количество особей составляли 2/3 всего остеологического материала[32].

Роль рыбной ловли, естественно, зависела от близости водных ресурсов. Особенно она заметна на морском побережье. Вылавливали сельдь, осетра, севрюгу, стерлядь, судака, сазана, окуня, щуку, леща, сома, плотву, карпа, лосося, мокрель. В Восточной Голштинии XI – XII вв. была известна камбала. Находки крупных грузил свидетельствуют о применении неводов. Помимо крючков и сетей, ловили острогами, блеснами, встречались кошки – орудия для подледного лова. Роль рыбы повысилась с конца X в., вероятно, с распространением постов, особенно в высших слоях[33].

Среди промыслов можно еще отметить бортничество. Особого распространения оно не имело. Но во время массовых расчисток стало встречаться чаще. Этому способствовала и церковь, потреблявшая воск. С IX – X вв. отмечено и собственно пчеловодство – в ульях у домов[34]. В письменных источниках отмечены крестьянские дегтярни и смолокурни.

Таким образом, можно констатировать, что в VI – VII вв. у германцев и славян был достигнут, в принципе, одинаковый уровень во всех важных сферах хозяйственной жизни. И в дальнейшем, как к востоку, так и к западу от Эльбы действовали одни и те же тенденции развития и в земледелии, и в животноводстве. Имевшиеся различия, например, в косах и, следовательно, в способах заготовки кормов, в формах пахотных орудий и некоторые другие были второстепенными. В целом, к концу I тыс. по уровню хозяйственного развития эти земли мало отличались друг от друга. Но затем экономическое развитие германской деревни пошло

[32] Археологія Української РСР. К. 1975. Т.3. С.469; **Ляпушкин И.И.** Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. С.139-140; **Пеняк С.І.** Ранньослов'янське та давньоруське населення Закарпаття VI – XIII ст. С.115-116; **Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. С.375; **Цалкин В.И.** Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. С.131.

[33] Die Slawen in Deutschland. S.98; **Hensel W.** Słowianszczysna wczesnośredniowieczna. S.141-143; **Lepiksaar J., Heinrich D.** Untersuchungen an Fischresten aus der fruhmittelalterlichen Siedlung Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. 1977. No.10; **Александрович Н.П.** Ихтиофауна из раскопок Масковичского городища (X – XII вв.) // Древности Белоруссии и Литвы. Мн. 1982; Археологія Української РСР. К. 1975. Т.3; Древняя Русь. Город, замок, село. С.226; **Куза А.В.** Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н.э. // Древние славяне и их соседи. М. 1970; **Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. С.239.

[34] Die Slawen in Deutschland. S.99-100; **Dembińska M.** Formy wykorzystania lasu // Dzieje lasów, lesnictwa i drzewnictwa w Polsce. Warszawa. 1965; Přehled dějin Československa. Praha. 1980. Dil. 1. Kn. 1. S.164.

интенсивнее, что было связано с общественным развитием, формами становления феодальных отношений с VIII – XI вв.

К причинам наметившихся различий в темпах и формах развития германских и славянских аграрных порядков мы обратимся в следующей главе. Здесь же отметим, что общая тенденция в развитии таких важных для сельского хозяйства явлениях, как распространение плуга и регулярного трехполья была единой и к востоку, и к западу от Эльбы: внедрение шло примерно 600 лет, с VIII до XII – XIII вв. Также в едином русле до конца I тыс. развивалось и ремесло, которое и у славян, и у германцев начало отделяться от сельского хозяйства в VII – VIII вв. наиболее важными для хозяйственной жизни отраслями – металлургией и металлообработкой.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В данной главе процессы, происходившие в средневековой аграрной среде Европы, будут рассмотрены на основе анализа археологических материалов. Такой подход представляется правомерным, ибо письменные данные, обычно легче интерпретируемые и более подробные в деталях, уже давно и многократно исследовались не одним поколением историков-медиевистов. Но известная ограниченность письменных свидетельств, особенно о ранних этапах становления средневековых европейских сообществ оставляет много неясного в представлениях о той эпохе. Тем более, что ранние письменные источники, как правило, фиксировали отдельные факты, причем часто с опозданием. Археология, опираясь на материал, накопленный к концу XX в., позволяет выяснять ход общих процессов развития определенных территорий и континента в целом.

Естественно, у археологов тоже есть пределы возможностей для познания. Общественные отношения отражаются в археологических источниках опосредованно, прежде всего через отличия разных слоев общества, проявлявшиеся в материальной культуре: в вещах, постройках, погребениях и формах поселений. Поэтому археологам проще анализировать структуру сложившегося сословного общества. Сложнее приходится при изучении перехода к социальному неравенству, ибо процесс этот длительный, многовариантный и не имеет четких определителей в материальной культуре.

Но, что важно, наиболее существенные изменения в раннесредневековом обществе – распад рода и выделение индивидуальных семей, складывание социальной дифференциации и, особенно, выделение господствующих слоев из общей массы населения достаточно четко фиксировались в характере домостроительства, в структуре, функциях и типах поселений, в инвентаре. Сопоставление всех этих элементов материальной культуры позволяет установить вехи общественного развития.

ОБЩИННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ. Общины, как известно, являлись древнейшими социальными организациями человеческих сообществ. Первоначально они были родовыми, состоявшими из больших семей, в которых многочисленные кровные родственники не только вели совмест-

ное хозяйство, но и проживали под одной крышей. Общепринятыми археологическими признаками наличия родовой общины являются большие жилища с едиными очагами. Но к началу I тыс.н.э. у европейских варваров на рассматриваемой территории таких домов уже не было. Описанные в главе о постройках небольшие жилища могли вместить менее 10 человек, то есть малую семью. В этом можно видеть свидетельство распада единого родового коллектива и обособления малых семей. Такую организацию принято называть соседской или территориальной общиной, ибо ее членов связывают не столько родственные узы, сколько общие хозяйственные интересы на общей территории.

Но в устройстве таких общин в течение I тыс.н.э. у германцев и славян возникли существенные различия, прослеженные археологами. В отличие от славян германцы вступили в средние века с общинами, разделенными на усадьбы-домохозяйства. Эти усадьбы, причем порой с четко очерченными полями, известны в северогерманских землях на побережье Северного и Балтийского морей уже в первой половине I тыс. Анализ материалов показал, что со II – III вв. на поселениях, возможно, не без римского влияния, начинают достаточно четко вырисовываться отдельные крестьянские дворы[1]. То есть германские деревни из прежних общинных поселков превращаются в сообщества домохозяев, связанных, прежде всего, общностью территорий проживания и хозяйственной деятельности. На этой основе складывается система индивидуальных хозяйств-аллодов с общими угодьями[2].

Оформление усадеб отразило и выделение отдельных семей, начавшееся, таким образом, у германцев в начале новой эры. Причем многие столетия, вплоть до эпохи Каролингов большие патриархальные семьи сосуществовали с малыми[3]. Существование индивидуальных крестьянских усадеб прослежено и в англо-саксонских деревнях Британии, с их появлением там с V в.[4] Аналогично выглядели в середине I тыс. и скандинавские деревни[5]. При этом в местностях, пересеченных камени-

[1] **Donat P.** Siedlungsforschung und die Herausbildung des Bodeneigentums bei den germanischen Stämmen // Zeitschrift für Archäologie. 1985. Jg. 19. H. 2.

[2] **Donat P.** Zur Frage des Bodeneigentums bei den Westslawen; **Gringmuht-Dallmer E.** Die Entwicklung der frühgeschichtlichen Kulturlandschaft... S.110.

[3] **Гуревич А.Я.** Некоторые аопросы социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н.э. в свете данных археологии // Советская археология. 1960. № 4; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т.1. С.110-111, 119-120; **Steuer H.** Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa // Geschichtwissenschaft und Archäologie. Sigmaringen. 1979; **Zoiler D.** Untersuchung von Dorfkem und Wirtschaftsstruktur mit arschäologischen Methoden // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. Hildesheim. 1969. Bd. 4.

[4] **Rowley T.** Villages in the Landscape. P.84-100.

[5] **Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С.** История Швеции. М. 2002. С.35.

стыми возвышенностями (Швеция и Норвегия), заболоченными низинами и лесами (южное побережье Северного моря), дворы нередко располагались обособленно, на значительных расстояниях друг от друга. То есть их можно называть хуторами.

В других случаях, при более обширных земельных ресурсах усадьбы, наоборот, размещались вплотную друг к другу, но четко разделялись оградами и планировкой. Таковым было полностью изученное поселение первой половины I тыс. на побережье Северного моря – Феддерзен Вирде. В нем с начала новой эры были не только прослежены четко разграниченные усадьбы, но во II в. была выделена усадьба некоего «господина» или «предводителя». С того же времени замечены и бедные домохозяйства, очевидно, малоимущих (зависимых) жителей. Аналогичные следы имущественных различий прослежены и в других германских поселениях, исследованных в северогерманских землях, прежде всего в Ютландии. Выявленная имущественная дифференциация имела наследственный характер, ибо сохранялась на одних и тех же усадьбах и в последующих поколениях. Особенно это относится к богатым усадьбам, которые можно считать резиденциями семей, занимавших какое-то особое место в общественной структуре поселений. Не менее показательно и появление противоположного слоя – малоимущих[6].

Можно констатировать, что в первые столетия I тыс.н.э., по крайней мере, в северогерманских землях внутри крестьянских общин выделяются обособленные комплексы-домохозяйства. Среди них обнаруживаются имущественные и социальные различия, которые закрепляются и переходят из поколения в поколение. К сожалению, в других германских землях столь подробных исследований деревень аналогичного времени не проводилось и ситуация там неизвестна.

В славянском мире внутриобщинные порядки в течение I тыс. оставались более архаичными. В большинстве исследованных поселений до VIII – IX вв. обособленных крестьянских домохозяйств не было обнаружено. Жилища и хозяйственные постройки не составляли единых комплексов, а располагались хаотично, что свидетельствует о коллективной хозяйственной деятельности жителей таких деревень. В подробно исследованном поселении VI – VII вв. в Бржецлав-Поганско (Чехия) выделены дворы, в которых, судя по жилищам, проживало по 12-18 человек. Это были большесемейные общины на стадии распада, когда ма-

[6] **Donat P.** Hausbau und Siedlung // Die Germanen. Berlin. 1983; **Haarnagel W.** Die Grabung Feddersen Wierde. S.321.

лые семьи уже не жили под одной крышей, но вели совместное хозяйство. Аналогичная ситуация прослежена в полностью изученной деревне полабских славян Дессау-Мозигкау, а также у восточных славян на Верхнем Днестре[7]. Естественно в таких поселениях никаких имущественных различий между жителями быть не могло.

Но даже в тех случаях, когда в деревнях прослеживались признаки ведения малыми семьями самостоятельного хозяйства, как, например, в Бржезно (Чехия), социальных различий между семьями не прослежено[8]. Но таких поселений у славян известно крайне мало. Более того, и в деревнях VIII – X вв. индивидуальные дворы прослеживаются не всегда. Персональные захоронения у славян фиксируются также не ранее IX – X вв.[9] По-видимому, до конца I тыс. преобладали родовые связи, хотя и постепенно слабевшие в условиях несомненного обособления малых семей. Таким образом, у большинства славянских племен переход к территориальной общине начался в VIII – IX вв. Лишь у испытывавших сильное византийское влияние славян Нижнего Подунавья индивидуальные крестьянские хозяйства фиксируются уже в VI в.[10]

Рассматривая процесс перерождения родовых связей в территориально-соседские, необходимо отделять бытовое обособление от хозяйственного. Первое фиксируется наличием малых жилищ и отражает, быть может, стремление молодых семей уйти от повседневного контроля старших. Но владение средствами производства и, отсюда, хозяйственная деятельность вполне могут оставаться общими еще длительное время. И лишь постепенно, по мере увеличения производительности крестьянского труда и складывания других благоприятных условий появляется возможность хозяйственного обособления малых семей. О длительном преобладании совместной хозяйственной деятельности таких семей

---

[7] **Dostál B.** Břeclav-Pohansko. **III.** Časne slovanské osidlenie. Brno. 1985; **Herrmann J.** Kultur und Kunst der Slawen in Deutschland von 7. bis 13. Jahrhundert. Berlin. 1965. S.20; **Баран В.Д.** Пражская культура Поднестровья; **Риер Я.Г.** Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века. С.163; **Тимощук Б.А.** Восточнославянская община VI – X вв. н.э. М. 1990.

[8] Одновременно в этой деревне, существовавшей в VI – VII вв., проживало около 50 человек. Около каждого жилища были отдельные зерновые ямы, свидетельствовавшие о том, что малые семьи вели самостоятельное хозяйство. Но имущество во всех жилищах было одинаковым (**Pleinerová I.** Březno. S.105-112).

[9] **Русанова И.П., Тимощук Б.А.** Кодын – славянское поселение V – VIII вв. на р. Прут. М. 1984; **Они же.** Гнездо славянских поселений у с.Черновка Черновицкой обл. // Краткие сообщения Института археологии. 1984. Вып. 179; **Тимощук Б.А.** Социальная типология селищ VI – X вв. // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев. 1985.

[10] **Въжарова Ж.М.** Славянски и славянобългарски селища в Българските земли от края на VI – IX века. София. 1965. С.201.

свидетельствует социальная однородность жителей деревень, сохранявшаяся у славян от Полабья на западе до бассейна Днепра на востоке, по крайней мере, до рубежа I – II тыс.н.э.[11]

С VIII в. увеличивается количество крупных поселений, состоявших из обособленных групп малых жилищ. Иногда такие группы отделены друг от друга значительным расстоянием или естественными преградами. Эти группы патриархальных семей обычно называют *патронимиями* и возникали они, очевидно, из разраставшихся патриархальных общин. Нередко вокруг крупных поселков формировались мелкие, соответствующие одной патриархальной семье. Гнезда таких селений-выселков VIII – IX вв. изучены на Среднем Днестре и на Северо-Западе Смоленщины. Судя по всему, за каждой семьей закреплялись определенные угодья, и патронимия являлась серьезным шагом к переходу от родовых связей к соседским. Этому способствовало и отмеченное создание с VIII – IX вв. индивидуальных дворов малых семей. Но, вероятно, и об этом свидетельствуют ранние славянские правовые источники, процесс хозяйственного обособления малых семей не сопровождался появлением частнособственнических прав на крестьянские участки типа западноевропейского аллода. И перед нами компромисс, отразивший сложившееся противоречие: малая семья, самостоятельная (частично?) лишь в быту (жилище), но не в хозяйстве, что характерно для выделяемого в исторической демографии традиционного типа семьи. Из-за отсутствия практики индивидуального хозяйствования, такие малые семьи, разрастаясь, не обязательно делилась, а вновь воспроизводили большие, патриархальные семьи. Сосуществование больших и малых семей при благоприятных условиях продолжалось вплоть до XIX в. (южнославянская задруга, восточнославянские печища, дворище)[12]. Надо заметить, что наличие патронимий признается далеко не всеми историками. Но в рассмотренном материале идея этнографа М.О. Косвена работает.

---

[11] У полабских славян следов имущественной дифференциации среди крестьян не выявлено и до XII в. (**Херрманн Й.** Основные задачи, проблемы и результаты археологических исследований в области ранней истории, проведенных в ГДР за период с 1965 по 1970 г. // Berichte über den II. Internationalen Kongreß für slawische Archäologie. Berlin. 1973. Bd. III; **Donat P.** Haus und Hof.

[12] **Баран В.Д.** Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. К. 1972. С.77; **Он же.** Пражская культура Поднестровья; **Буров В.А.** Жаровский конец Жабенской волости в VIII – XVI веках по историко-археологическим данным// Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин. 1989; **Косвен М.О.**Семейная община и патронимия. М. 1963. С.99-100; **Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. С.244; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. С.431; **Тимощук Б.А.** Восточные славяне: от общины к городам. М. 1995.

Сохранение больших, неразделенных семей, отсутствие индивидуальной собственности на землю – аллода – способствовали и длительному сохранению роли родственных отношений в такой крестьянской общине. С XI – XII вв. соседские, территориальные связи между крестьянскими семьями (малыми и патриархальными) стали господствующими. В западнославянских деревнях появляются, наконец, четкие признаки расчленения общин на отдельные дворы – выявляются следы оград, что позволяет точнее выделять крестьянские усадьбы, уже окончательно выросшие из большесемейной организации[13]. Появляются данные и о социальных различиях между крестьянскими хозяйствами. Эти процессы – следствие складывания в западнославянских государствах феодальных порядков в форме западных сеньорий. Соприкосновение западных славян с германским миром, восприятие оттуда и западного христианства, и западных же норм организации феодального землевладения постепенно ослабило общинные узы и у западнославянских крестьян начали формироваться семейные домохозяйства с наследственными правами на земельные наделы, а общины стали столь же аморфными, как и германские марки. Это способствовало попаданию польских и чешских крестьян под гнет землевладельцев в XIV – XVI вв. На западе континента, у германцев, аналогичные процессы происходили в IX – XI вв., то есть на 500 лет раньше. Насколько позже у западных славян распалось общинное единство, настолько позже у них наступило и закабаление крестьян.

У восточных же славян верховенство общинных прав на пахотную землю сохранилось еще на целое тысячелетие, вплоть до реформ П.Д. Столыпина, а по словам С.Д. Сказкина, до перехода к колхозам[14]. Последние, впрочем, тоже не сделали крестьян землевладельцами.

В чем же причины отличий в истории общины у германцев и славян, а потом и внутри славянского мира?

Рассмотренный в предыдущих главах материал показал, что в устройстве деревень и хозяйственной деятельности их жителей в I тыс.н.э. между германцами на западе и славянами на востоке Европы особых различий не было. Почему же у них по-разному складывались общинные порядки?

[13] **Nekuda V.** Přispěvek k charakteristici středověké zemědělské usedlosci na Moravě // Archæologia historica. 1976. No. 1.

[14] См.: **Сказкин С.Д.** Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М. 1963. С.81-82. Заметим, что и колхозы базировались на отсутствии традиций частного владения землей, причем не только у большинства крестьян, но и всего тогдашнего советского общества.

На поверхности лежит близость германцев к римским провинциям, откуда они, конечно же, могли черпать разнообразный опыт. Но ведь специфическая общинная организация германцев сложилась за пределами римских владений, на побережье Северного моря. Влияние Рима сказалось, но позднее, уже наложившись на древнегерманские порядки.

Основную причину различий в общинной организации германцев и славян, представляется, следует искать в природных и связанных с ними демографических факторах. Мягкий атлантический климат северо-западной Европы позволял германскому населению уже к рубежу новой эры, до расселения в земли империи, существовать малыми коллективами, обособленными усадьбами-домохозяйствами. Этому способствовала и сама местность: небольшие пригодные для хозяйства анклавы, ограниченные лесами, болотами или горами (в Южной Швеции) имели естественные преграды, постепенно превращавшиеся в границы хозяйств. Также естественно формировались и наследственные права жителей этих анклавов на такие участки. В дальнейшем, при расселении на землях Рима, германцы сохраняли свои привычки жить хуторами, а их права на наделы были подкреплены и римскими правовыми нормами. Так возник *аллод* Салической правды, в основе которого лежали древнегерманские традиции, названные литовским историком Э. Гудавичюсом *одальным правом*[15].

В славянских землях климат был континентальнее. Более короткий период для ведения сельских работ (примерно на 3-4 месяца) делал естественным сохранение коллективного труда и, соответственно, коллективных форм владения основным средством производства – землей, в том числе и пахотной. Меньшая плотность населения на обширных равнинах вдоль долин полноводных рек также не способствовала сложению индивидуальных хозяйств. В итоге коллективный труд без оформленной традицией и правом земельной собственности сохранялся на многие столетия.

И лишь близость западнославянских государств к западному, латинскому миру способствовала к рубежу I – II тыс. разрушению у них коллективистских форм землепользования и восприятию западноевропейских аграрных порядков. Но отмеченные выше полтысячелетия сказались на слабости возникавших городов и общем уровне хозяйственного развития.

Сохранение коллективистского характера сельской общины у восточных славян было обусловлено, как представляется, следствием гео-

[15] **Гудавичюс Э.** История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года. М. 2005. С.29.

графических и политических особенностей региона. Во-первых, это бóльшая континентальность климата и, вследствие этого – меньшая плотность населения. Во-вторых, соседство с еще реже заселенными землями на востоке, куда вплоть до середины XX в. уходило избыточное население. В-третьих – соседство с агрессивным кочевым миром «Великой степи», борьба с которым породила типичную для Востока деспотию с жестким централизованным контролем над землей.

Но определяющими были все же природно-географические и связанные с ними демографические факторы. Они воспитали у поколений крестьян столь устойчивую традицию, что когда на землях Великого княжества Литовского в середине XVI в. все же была проведена реформа, укрепившая систему индивидуальных крестьянских наделов, она оказалась успешной лишь в западных землях княжества, соседствовавших с польскими, где эти порядки, как отмечалось выше, существовали уже несколько веков. В восточных же землях, у приднепровских славян усиление земельных прав крестьянских домохозяйств не получило поддержки у населения и традиционное здесь общинное землепользование сохранилось.

Рассмотренные особенности крестьянских общин повлияли на общее развитие аграрных порядков и, шире, социальных процессов в средневековой Европе. Прежде всего, они сказались на особенностях становления правящего сословия, феодальных отношений и государственности. Четкими археологическими индикаторами указанных процессов являются укрепленные сельские поселения – *ГОРОДИЩА*.

В германских землях до середины I тыс.н.э. укрепленные поселения были мало распространены. С первых веков новой эры и до VII в. известны так называемые народные крепости – убежища, располагавшиеся обычно в лесах и других труднодоступных местах. Постоянного населения в них обычно не было и лишь во время опасности окрестные жители сбегались на них со скарбом и скотом. Длительное проживание на таких городищах было невозможно именно из-за их труднодоступности и, следовательно, отсутствия в окрестностях пригодных угодий. В III – V вв. укрепляются отдельные резиденции племенных вождей («конунгов»). Это – свидетельство начавшегося у некоторых племен не просто выделения правителей, а его обособления в особых усадьбах. Очевидно, такие конунги уже превратили свою власть в наследственную и стали господами над своими соплеменниками. Так фиксируется начало формирования особой прослойки знати у отдельных племен.

В V – VI вв. такие укрепленные резиденции постепенно распространяются у франков, что отразило создание королевства Меровингов.

С VII в. начинается сооружение таких городищ – так называемых меровингских бургов на правобережье Рейна, что было связано с началом франкской экспансии на эти земли. Это были укрепления представителей господствующей династии, размерами в 2–8 га. Внутри их обычно находились каменные дворцы и церкви, то есть это были административные и религиозные опорные пункты франков в завоеванных областях. Создавались и крепости с франкскими гарнизонами, выявленные также с VII в. в Тюрингии. Войны франков с саксами породили во второй половине VIII в. появление в Саксонии довольно многочисленных небольших однотипных укрепленных поселений, площадью обычно 0,5 га. Многие из них оказались недолговечными и исчезли после поражения саксов. То есть они сооружались для обороны от франков. На других обосновались франкские гарнизоны и администраторы-графы. Каролингские правители построили во второй половине VIII – первой половине IX в. много и других укрепленных поселков. К концу IX в. эти городища имели довольно внушительный вид, располагались на мысах, холмах и других естественных укрепленных местах, в том числе и на местах прежних народных бургов, часто имели даже по несколько линий укреплений. Они располагались в стратегических важных местах, обычно на расстоянии 8–14 км друг от друга и являлись центрами бурговых округов, объединявших в среднем по 12-20 селений[16].

С укреплением крупного феодального землевладения – сеньорий и, особенно с распространением иммунитетов, крупные укрепленные поселения стали резиденциями не только высших представителей государственной администрации, но и местной знати. У франков этот процесс начался в VIII в. и был наиболее интенсивным в IX – X вв. В выделившемся после Верденского раздела 843 г. Восточнофранкском (Немецком) королевстве эти процессы тоже происходили, хотя и менее активно из-за более позднего (по сравнению с франками) вступления на путь феодализации. Так постепенно рассматриваемые городища из обособившихся от крестьян раннесредневековых центров королевской власти превратились в резиденции сеньоров.

Параллельно в деревнях меровингского и каролингского времени отмечается появление богатых и бедных крестьянских дворов, а из мо-

[16] **Brachmann H.** Der mittelalterliche Befestigungsbau. Untersuchungen zu Stellung und Funktion der Wehrbauten im Geneseprozeß der mitteleuropäischen Feudalgeselschaft // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. 1985. Jg. 26. H. 3; **Jankuhn H.** Dorf, Weiler und Einzelhof in der Germania Magna; **Gensen R.** Frühmittelalterlich Burgen und Siedlungen in Nordhessen // Ausgrabungen in Deutschland. Mainz. 1975. T. 2; **Mrusek H.J.** Thüringische und sächsische Burgen. Leipzig. 1965. S.9; **Struve K.W.** Sächsische und slawische Burgen in Holstein // Frühen zu vor- und frühgeschichten Denkmälern. Mainz/Rhein. 1968. Bd. 10.

гил рядовых германцев в IX в. почти исчезает оружие[17]. Значит, крестьяне вытесняются из военной сферы, что дополнительно к письменным данным доказывает монополизацию военного дела в руках феодалов. Крестьяне же становятся эксплуатируемым сословием. Последнее археологически подтверждается обеднением деревни. К X в. наблюдается тенденция к уменьшению размеров крестьянских усадеб. Из них исчезают, как отмечалось выше, многие хлева и амбары[18].

С XI в. распространяется и иная, новая форма укрепленных феодальных резиденций – небольшие рыцарские замки. Они возникали с созданием вассальной иерархии, с предоставлением сеньорами феодов своим воинам. Сооружение таких замков отражало, с одной стороны, стремление возникавшего рыцарства возвыситься над отданными под его власть крестьянами, предстать перед ними в виде господ, с другой стороны – необходимостью защищаться, прежде всего, от этих же крестьян, а также и от других феодалов. Основной тип этих замков – так называемые мотте[19] – жилые башни-донжоны высотой в XI – XII вв. по 6–9 м, сооружавшиеся на холмах, часто искусственных и окруженных валом и рвом[20]. Эти мотте были столь малы, что имели лишь горницу с камином, а хозяйственные помещения располагались отдельно, вне основных укреплений; нередко их хозяйственные дворы тоже укреплялись. В XI в. многие мотте были деревянными. Затем распространились каменные замки. Размеры, мощь укреплений и степень благоустройства зависели от наличия средств у владельца. Как правило, мотте были рассчитаны на семью рыцаря и слуг. Обычно мотте создавались вблизи деревень. Просуществовала основная масса мотте до утраты их значения с появлением огнестрельного оружия и изменения статуса рыцарей[21].

---

[17] **Donat P.** Hausbau und Siedlung; **Ennen E., Janssen W.** Deutsche Agrargeschichte. Vom Neolithikum bis zur schwelle des Industriezeitaltes. Wiesbaden. 1979; S.611.

[18] **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa. S.125.

[19] От нем. – моль (т.е. малый).

[20] Называние *донжон* появилось во Франции, родоначальнице средневековых европейских замков и происходит от лат. *dominantio*, ибо укрепленные башни доминировали над всем комплексом построек и окрестностями. Происхождение французского донжона исследователи ведут или от римских крепостей с башнями, или от древнесаксонских укреплений на высоких холмах.

[21] **Grimm P.** Zum Verhältniss von Dorf, Hof und Burg in Nordwestthüringen im 12./13. Jahrhundert // Archäologie als Geschichtswissenschaft. Studien und Untersuchungen. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin. 1977. Bd. 30; **Herrmann J.** Burgen und Befestigungen des 12. und 13. Jh. in landesherrlichen Territorialpolitik und bäuerlicher Siedlung in der weiteren Umgebung von Berlin // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. 1986. Jg. 20. H. 1; **Janssen W.** Die Bedeutung der mittelalterlichen Burg für die Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Mittelalters; **Müller-Wille M.** Mittelalterliche Burghügel „Motten" im nordlichen Rheinland // Beiheft der Bonner Jahrbücher. Köln. 1966. Bd. 16; **Timpel W.** Gommerstedt.

История средневековых укрепленных поселений у славян в Центральной и Восточной Европе была сходной, но отличалась иными хронологическими рамками из-за более прочных общинных порядков. Общинные городища появились в VI – VII вв. Чаще они возникали в густонаселенных районах, среди плотного сельского населения, и до IX в. представляли собой как бы укрепленные деревни, часто расположенные в естественно защищенных местах. Восточные славяне в процессе своего расселения часто создавали укрепленные сельские поселки на заброшенных скифских, балтских, финно-угорских городищах. По хозяйственным и социальным функциям они не отличались от обычных деревень. Часто они и были деревнями, укрепленными по периметру валом и частоколом. Дома в таких поселках располагались обычно вдоль внутреннего склона вала, а центры оставались пустыми. Но с ростом населения могла застраиваться вся площадка. Появление таких городищ отражает участившие столкновения при складывании племенных союзов. Развитие хозяйства при концентрации населения превращало эти городища в центры торговли и ремесел. В них заметно и постоянное пребывание воинов. Но имущественные и социальные различия прослеживаются ещё крайне редко[22].

Просуществовали эти городища до второй половины XI в. Некоторые из них при благоприятных географических и политических условиях превращались к концу I тыс. в города. Но бóльшая их часть с формированием государственных структур, появлением укрепленных резиденций господствующих слоев – новой знати (об этом ниже) на рубеже I – II тыс. трансформировалась в сельские поселения, жители которых постепенно переселялись за пределы укреплений. Процесс этот, очевидно, определялся не только потребностями крестьянского хозяйства, желанием быть ближе к угодьям, но и стремлением господствующего сословия лишить крестьян возможностей для обороны[23]. Аналогичная ситуация

---

[22] У восточных славян пока известно лишь несколько примеров выделения знати по наборам дорогих украшений и оружия в VI – VII вв.: на городищах Зимно в Подолии и Никодимово в Восточной Беларуси (**Приходнюк О.М.** Слов'яни на Поділлі (VI – VII ст.н.э.). К. 1975. С.68; **Седин А.А.** Оружие из городища Никодимово // V абласныя Магілёўскія краязнаўчыя чытанні. Магілёў. 1994).

[23] **Dąbrowska E.** Wielkie grody dorzecza górnej Wisły. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1973; **Она же.** Etapy kstałtowania się osadnictwa grodowego i formowania organisacji grodowzch u slowian zachodnich we wczesnym średniowiezu w Lądzie nad środkową Wartą // Poznań. 1978. S.428; **Górska I., Paderewska L., Pyrgała J., Szymański W.** Grodziska Mazowsza i Podłasia (w granicach dawnego województwa warszawskiego). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1976; **Hilczerówna Z.** Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początku XI w. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1967; **Łosiński W.** Osadnictwo plemienne Pomorza (VI – X wiek). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź. 1982; **Olczak J., Siuchniński K.** Typologia

складывалась и в Восточной Прибалтике, в землях балтов и финно-угров[24].

В небольшом числе известны и городища-убежища, доживавшие местами до рубежа XI – XII вв. Больше их обнаружено у полабских и восточных славян, особенно в VIII – IX вв. Постоянного населения на них обычно не было. Оно жило в окрестных селищах. Но в этих убежищах мог постоянно находиться скот, защищаемый от хищников. Обычно, поэтому, такие городища находились вблизи селищ. Главный их отличительный признак – отсутствие стационарных жилищ. Вероятно, эти городища были и общественными центрами (местами собраний). На некоторых из них выявлены длинные дома для проведения народных собраний, ритуальных пиров и святилища. А нередко близлежащие деревни превращались в предградья таких убежищ. Вероятно, массовое появление этих укреплений отразило складывание военных дружин, с помощью которых вожди начинают подчинять окрестное население. В дальнейшем, с завершением формирования государств эти убежища постигла судьба общинных центров. Но уже с VIII – IX вв. на многих из них возникали территориально-административные центры и резиденции социальных верхов[25].

Таким образом, появление и распространение укрепленных поселений у славян пришлось на время распада родовых связей, формирования дружин, выделения из крестьян ремесленников, торговцев и дружинников. Эти процессы, интенсивно происходившие в VII – IX вв., сопровождались, как и везде в аналогичной ситуации, накоплением запа-

---

wczesnośredniowiecznych grodisk Pomorza środkowego // Slavia antiqua. 1976. T. 23; Čechy v době slovanské. Archeologie o vzniku a počatcich českeho statu. Praha. 1984; **Kudrnač J.** Die ältesten slawischen Burgwälle in der Tschechoslovakej // Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihren Anfängen. Berlin. 1969; **Poulik J.** K orazce vzniku předvelkomoravských hradišť // Slovenská archeologia. 1988. T. 36. Č.1; **Šolle M.** Staroslovanské hradisko: Charakteristika, funkce, vývoj a význam. Praha-Vyšehrad. 1984. S.30-54; **Štěpánek M.** Opevněná sidliště 8.-12. stoleti ve středni Evropě. Praha. 1965. S.203-204.

[24] **Тыниссон Э.** Некоторые вопросы хронологии эстонских городищ // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин. 1985; Финно-угры и балты в эпоху средневековья.

[25] Die Slawen in Deutschland. S.17; **Herrmann J.** Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz Berlin. 1966; **Херрманн Й.** Основные задачи, проблемы и результаты археологических исследований в области ранней истории, проведенных в ГДР за период с 1965 по 1970 г.; **Аулiх В.В.** Соціальний зміст городіща Зимнее // Слов'яно-руські старожитності. К. 1969; **Драгун Ю.И.** Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочи // Белорусские древности. Мн. 1967; **Ляпушкин И.И.** Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства; Очерки по археологии Белоруссии. Ч.2. С.124-125; **Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. С.56-65; **Тимощук Б.А.** Восточные славяне: от общины к городам; **Goehrke K.** Wüstungsperioden des frühen und hohen Mittelalters in Osteuropa.

сов и необходимостью их защиты, что и породило массовое возникновение городищ, рассчитанных на оборону всех членов общин, еще не разобщенных имущественными различиями.

Но параллельно с этим начался процесс выделения из массы сельского населения вождей и знати, начинавших обособляться в укрепленных поселениях иного рода. Рассмотрим их подробнее.

Среди славянских городищ во второй половине VIII – X в. выделяются довольно крупные, на которых появляются размещенные за дополнительными укреплениями племенные верхи с дружинами. В полабском укрепленном поселении Торнов на месте убежища, существовавшего с VII в., во второй половине VIII в. возникают мощные укрепления, окружавшие жилище площадью 30 кв.м, в котором могла находиться семья некоего господина. Оно было окружено амбарами и жилищами, вмещавшими примерно 15 воинов. А рядом, в особом укрепленном дворе, были хозяйственные постройки. Такие городища рассматриваются как резиденции социальных верхов, окруженные подчиненным крестьянским и ремесленным населением, проживавшим частью в городищах, частью вне их, в укрепленных предградьях и, возможно, в окрестных селищах[26].

Несколько укрепленных поселений-усадеб, подобных торновскому выявлено и у восточных славян. Наиболее исследован комплекс в Хотомеле, где на существовавшем с VII в. городище-убежище в VIII в. появились новые укрепления, отгородившие площадку в 0,1 га, на которой найдено военное снаряжение и дорогие украшения – следы пребывания знати и воинов. А вокруг формируется неукрепленное поселение рядовых сельских жителей. Исследователи интерпретируют Хотомельское городище VIII – IX вв. как небольшой дружинный поселок, имевший тенденцию превращения в феодальный замок[27]. Но для VIII в. у восточных славян такое поселение – еще единичный пример. Распространение резиденций предводителей с дружинниками у них приходится на последующие, IX – X вв. Подобная ситуация – выделение на бывшем городище-убежище новых укреплений, внутри которых в X в. местная знать обособилась от соседнего селища, отмечена на городище Ревно (на Украине). Двором представителя княжеской администрации было, по мне-

---

[26] **Brachmann H.** Slawische Stämme an Elbe und Saale. Zu ihrer Geschichte und Kultur in 6. bis 10. Jahrhundert – auf Gerund archäologischer Quellen // Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin. 1978. Bd. 32. S.82; Die Slawen in Deutschland; **Herrmann J.** Tornow und Vorberg.; **Struve K.W.** Sächsische und slawische Burgen in Holstein; **Он же.** Ziel und Ergebnisse von Untersuchungen auf drei slawischen Burgwällen Ostholsteins // Ausgrabungen in Deutschland 1950 – 1975. Mainz. 1975. Teil 3.

[27] **Куза А.В.** Малые города Древней Руси. М. 1989. С.68.

нию Э.М. Загорульского, городище IX – X вв. на Менке (под Минском). Этот двор мог превратиться в феодальную резиденцию, если бы не был заброшен[28].

Указанные городища свидетельствуют о начавшемся обособлении знати, превращение ее в особое правящее сословие. Но, в отличие от аналогичных германских, эти городища на рубеже X – XI вв. пришли в упадок. Дело в том, что прочная славянская община замедляла процесс обособления знати. Особенно это заметно в восточнославянских землях, где выделение знати на обособленных укрепленных усадьбах, среди крестьян, начавшись с единичных случаев в VII в., до X в. не изменило структуру сельского населения. Преобладали традиционные крестьянские поселения, а резиденции социальных верхов в течение нескольких столетий оставались лишь редкими и нетипичными вкраплениями. То есть перед нами картина медленного, длительного, не менее 200–300 лет, формирования в деревне новой социальной структуры. В течение этого времени происходило оформление относительно постоянного слоя воинов-дружинников при племенных вождях-князьях. Очевидно, в X в. процесс создания служилого слоя (бояр) приобрел более массовый характер (но без оседания их на землю из-за прочности общины). Именно к этому столетию относится большое число укрепленных поселений – групповых резиденций воинов (крепости) и отдельных дворов княжеских администраторов, а также начало выделения дружинных погребений[29].

Поскольку именно в это время происходило становление славянских государств в Центральной и Восточной Европе, исчезавшие укрепленные поселения могли принадлежать местным знатным родам, побежденным Пястами, Пржемысловичами, Рюриковичами. И действительно, в XI в. появляются новые городища – резиденции княжеских наместников-каштелянов, воевод, удельных князей. Часто они возникали рядом с запустевшими племенными укрепленными поселениями, ибо последние

---

[28] **Загорульский Э.М.** Возникновение Минска. Мн. 1982. С.30-63; **Тимущук Б.О.** Давньоруська Буковина. К. 1982. С.50-55.

[29] **Дубов И.В.** Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л. 1982; **Кирпичников А.В.** Снаряжение русского всадника в IX – XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. М. 1970; **Моця О.П.** Феодалізація Чернігівської округі в X ст. (за даними поховальних пам'яток) // Археологія. К. 1988. Вип.61; **Русанова И.П.** Славянские древности VI – VII вв. С.51-52; **Тимощук Б.О.** Слов'яни Північної Буковини V – IX ст. С.133; **Тимощук Б.А., Русанова И.П., Михайлина Л.П.** Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины в V – X вв. // Советская археология. 1981. № 2; **Толочко П.П.** Город и сельскохозяйственная округа на Руси в IX – XIII вв. // Древние славяне и Киевская Русь. К. 1989.

располагались в стратегически выгодных местах[30]. Так формировалась новая, уже феодальная знать, которая управляла территориями от имени князей и постепенно становилась землевладельческой, подчиняя живших под их административным управлением крестьян.

Итак, в последние века I тыс. у славян постепенно формируются городища, заселенные выделявшейся из общей массы населения верхушкой – князьями и их воинами. Эти укрепленные поселения представляли собой, очевидно, административно-политические центры формирующейся территориальной власти князей. Следующим этапом было оседание дружинников-бояр на землю и создание системы феодальных замков с последующим закабалением крестьян.

С оформлением господствующего сословия в рамках государств, охвативших всю основную славянскую территорию, право сооружения укреплений, как и право ношения оружия, закрепляется за феодалами. В X – XI вв. исчезают последние городища-убежища. На них часто появляются укрепленные поселения знати, что было отмечено и для IX – X вв. Среди этих городищ нового социального типа выделяются различного рода резиденции (княжеские, административные, феодальные усадьбы), крепости и города. С аграрными отношениями, с деревней были связаны, естественно, прежде всего, усадьбы-замки и, в определенной степени, княжеско-административные центры.

В литературе обычно к замкам относят все укрепленные резиденции феодальной эпохи, в том числе и размещенные в городах. Действительно, различать княжеские, боярские и земские укрепленные резиденции, а также крепости по археологическим данным сложно, порой и невозможно. Но, представляется, замками следует называть лишь сельские укрепленные резиденции, оставив городским иные термины: детинец, кремль.

Появление замков у славян, как отмечалось, относится к IX – X вв. Но стремительный рост их числа происходил в XI – XIII вв. Преобладали резиденции князей и вельмож, рассчитанные на 10-20 человек. Люд, служивший им (в основном – воины) располагался обычно в окрестных зависимых поселках. В градах, помимо жилых помещений, было по несколько хозяйственных и других служебных сооружений. Размеры таких резиденций были различны – от 3 до 20 га. У западных славян с XII в., а

---

[30] Čechy v době slovanské. Archeologie o vzniku a počatcich českeho statu. Praha. 1984. S.48; **Fiala A., Habovštiak A., Štefanovičová T.** Opevnené sidliská z 10.-13. storočiu na Slovensku // Archeologia Polski. 1975. R.27; **Kudrnač J.** Klučov – staroslovanské hradiště ve středních Čechach (K počátkum nejstarších slovanských hradišť v Čechach). Praha. 1970; **Šolle M.** Staroslovanské hradisko; Древняя Русь. Город, замок, село. С.50-51.

в примыкавших восточнославянских областях – на Волыни и в Берестейском Побужье – с XIII в. появляются замки с башнями-донжонами. С XII в. в замковом строительстве Чехии, а с XIII в. других западнославянских земель стал применяться камень. В Чехии это было связано не только с хозяйственным подъемом, но и с активной деятельностью пржемысловской администрации, особенно при Пржемысле II[31]. В остальных землях камень в строительстве стал применяться после монгольского набега 1241 – 1242 гг., показавшего уязвимость деревянных укреплений.

Показательно, что у восточных славян в первой половине XI – XII в. резко увеличилось число укрепленных резиденций в Среднем Поднепровье, в Киевском и Черниговском княжествах – ядре древнерусских земель. В середине XII – XIII в. этот процесс распространяется на Волынь, а также на Полоцкое, Смоленское и Владимиро-Суздальское княжества[32]. С XII в. отмечаются деревянные башни (вежи). Для рассмотренных укрепленных поселений характерна явная связь с сельским хозяйством. Она проявляется в их расположении на удобных для земледелия местах, в окружении тяготевших к ним селищ – поселений с зависимыми земледельцами, а нередко и ремесленниками. В процессе раскопок археологи часто находят оружие, снаряжение всадников, украшения, характерные для феодального быта (шейные гривны, стеклянные браслеты, импортные предметы). Поскольку на таких поселениях жили знатные, слуги и рядовые воины, в характере построек и инвентаря прослеживается имущественная дифференциация. В отличие от городов на таких поселениях ремесленное производство представлено слабо и односторонне; нет четких свидетельств торговой деятельности[33].

[31] **Fiala A., Habovštiak A., Štefanovičová T.** Opevnené sidliská z 10.-13. storočiu na Slovensku. 1975. R.27; **Hejna A.** České tvrze. Praha. 1961. S.16-21; **Menclová D.** České hrady. Praha. 1972. S.130-167; **Nekuda V., Unger J.** Hrádky a tvrze na Moravě. Brno. 1981. S.31.

[32] Археология Украинской ССР. Т.3. С.376-377; Древняя Русь. Город, замок, село. С.42;

[33] Археология Украинской ССР. Т.3. С.386-395; Белорусская археология. С.83,101-105; **Довженок В.Й.** Феодальний маэток в епоху Київської Русі в світлі археологічних даних // Археологія. 1953. T.VIII; **Он же.** Про типи городищ Київської Русі // Археологія. 1975; Древняя Русь. Город, замок, село. С.42-50; **Загорульский Э.М.** Возникновение Минска. С.289-292; **Раппопорт П.А.** Военное зодчество западнорусских земель X – XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1967. № 140. С.213-218; **Соловйова Г.Ф.** Замок Рогачівських князів // Слов'яно-руські старожитності. К. 1969; **Тимошук Б.А.** Начало классовых отношений у восточных славян (по материалы поселений Украинского Прикарпатья) // Советская археология. 1990. № 2; **Ткачоў М.А.** Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII – XVIII стст. Мн. 1978. С.13-26; **Третьяков П.Н.** Средневековые замчища Смоленщины // Историко-археологический сборник. М. 1962.

О населении древнерусских феодальных городищ данных мало. Например, в Райковецком городище (Среднее Поднепровье), погибшем в 1241 г. и являвшемся феодальной резиденцией-крепостью, могло одновременно проживать около 160 человек. Они размещались примерно по 7 человек в 23 жилищах[34]. Среди жителей замков, очевидно, можно выделить различные группы служилых людей, местную знать, рядовых воинов, обслуживавших их ремесленников, челядь. Но, очевидно, часть воинов, ремесленников и крестьяне, обеспечивавшие замки, жили в соседних селищах[35].

Резкий рост на Руси числа городищ-феодальных резиденций в XI – XII вв. был, очевидно, вызван массовым оседанием феодалов на землю в условиях раздробленности. Археологические материалы свидетельствуют о всеобщности данного процесса в древнерусских землях. Земли, свободные от таких резиденций в XI – XII вв., очевидно, еще оставались вне процессов феодального подчинения. В то же время в наиболее населенных среднеднепровских землях такие городища нередко отстояли друг от друга на 5–8 км. В XI в. началось интенсивное строительство феодальных городищ в Смоленском княжестве. В Московской земле эти процессы происходили позднее и там феодальное землевладение сложилось к XIV в. Все это свидетельствует о массовом создании боярского землевладения в древнерусских землях с XI – первой половины XII в.[36]

На этом, однако, сходство в процессах замкового строительства между западными и восточными славянами заканчивается. Ибо в XII – XIII вв. в истории западнославянских замков наступил новый этап – появляется масса мелких укрепленных резиденций типа «мотте» (чешск., *градки* и *тверди*). Это были типичные рыцарские замки, отразившие оседание шляхты на землю. Поначалу преобладали сооружения из дерева и глины, но уже с середины XIII в. встречаются каменные *градки*, хотя деревянные известны и в XV в. Наибольшее число таких малых замков приходится на XIII – XIV вв. Их появление – яркое свидетельство начавшегося процесса дробления крупных, в том числе королевских,

[34] **Довженок В.Й.** Землеробство древньоі Русі. С.240-243.

[35] Археологія Україньскої РСР. Т.3. С.295; **Довженок В.Й.** Про типи городищ Київської Русі; **Никольская Т.Н.** Земля вятичей. С.94-96.

[36] **Алексеев Л.В.** Смоленская земля в IX – XIII вв. М. 1980. С.43-63, 124-134; Археологія Україньскої РСР. Т.3. С.290; **Горский А.А.** От «племенных» центров к центрам феодальных княжеств // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. М. 1989; **Никольская Т.Н.** Земля вятичей. С.80-82; **Риер Я.Г.** Некоторые вопросы развития феодальной деревни Могилевского Поднепровья в X – XIV вв. // Древности Белоруссии и Литвы. Мн. 1982; **Тимущук Б.О.** Давньоруська Буковина. С.192-195; **Третьяков П.Н.** Средневековые замчища Смоленщины; **Юшко А.А.** О феодальном землевладении Московской земли XIV вв. // Археологические источники об общественных отношениях эпохи феодализма. М. 1988.

владений и массового оседания на землю мелкой шляхты, находившейся ранее в свитах вельмож и в подавляющем большинстве проживавшей при их дворах. Теперь они получали за свою службу землю и возможность сооружать собственные усадьбы. Показательно, что такие замки сооружались обычно в плотно заселенных крестьянами землях.

В отличие от своих сеньоров, которые имели обширные владения и могли строить резиденции в стратегически удобных местах, шляхтичи, получая во владение одну деревню или даже часть ее, были порой вынуждены селиться рядом с крестьянами или даже среди их усадеб, пренебрегая соображениями безопасности. Ограниченные в средствах небольшой рентой, эти мелкие рыцари должны были и сами заниматься хозяйством, что заставляло их не отрываться от сельскохозяйственных угодий. Размеры этих *momme*, их планировка и строительные материалы также зависели от возможностей хозяев. Бывали, естественно, и более богатые замки, что отражало имущественное положение их владельцев. Диаметры таких замков редко превышали 10 м, но бывали и более крупные. Высотой они обычно были в 3-4 этажа. Из соображений безопасности вход в жилые башни был обычно расположен на втором этаже, куда вели съемные лестницы[37].

У восточных славян аналогичных процессов – строительства малых рыцарских замков – не было, ибо не произошло формирования рыцарства. Здесь развивались иные социально-политические процессы, связанные с централизацией земельных владений[38]. Рассмотренные выше природно-климатические особенности, определившие длительное сохранение общинного землепользования сделали невозможным формирование традиции индивидуального землевладения. В результате великокняжеские права на управление всеми подвластными территориями не дополнились правами представителей служилого сословия на личные владения. Ибо даже обладание вотчиной в древнерусское время давало князьям лишь права на сбор дани и пошлин, отправление суда и т.п., а не на владение землей[39]. Соседство и постоянная борьба с

[37] **Guerquin B.** Zamki Śląskie. Warszawa. 1957; **Hejna A.** České tvrze. Praha. 1961. S.21; **Kaletynowle M. i T.**; **Kamińska J.** Grodziska stożkowate sladem posiadłosti rycerskich XIII – XIV wieku // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodżi. Seria archeologiczna. 1960. No. 13; **Kašička F.** Tvrze střednich Čech. Praha. 1984. S.6-7; **Kaletynowle M i Łodowski J.** Drodziska wczesnośredniowieczne województwa wrocławskiego. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1968; **Menclová D.** České hrady; **Nekuda V., Unger J.** Hrádky a tvrze na Moravě. S.15-61.

[38] Подробно см.: Риер Я.Г. Цивилизации средневековья: опыт структурного анализа. Могилев. 2003. С.75-82.

[39] **Данилова Л.В.** Становление системы государственного феодализма: причины, следствия // Система государственного феодализма в России. Ч.1. М. 1993. С.41.

кочевым миром еще более укрепили роль центральной власти, которая после монгольского разгрома переместилась на северо-восток и постепенно закрепилась за Москвой. Борьба с монголами укрепила тягу к централизации. В XIV – XVI вв. свободные крестьянские общины продолжали преобладать над вотчинным и поместным землевладением, что создавало социальную базу для усиления великокняжеской власти[40]. В результате на Руси сложился так называемый государственный феодализм. Для централизованной эксплуатации крестьян община с круговой порукой была удобной формой организации крестьянских выплат. И лишь разрастание феодального сословия с постепенным сложением служилого дворянства при невысокой плотности крестьянского населения привело к прикреплению последнего к земле, но уже в XVI – XVII вв.

В западнославянских же странах создание сети малых рыцарских замков в XIII – XIV вв. отразило появление дополнительного слоя господ над крестьянами. Итогом стало ускорение процесса закабаления крестьян в течение XIV – XV вв. Все большее число крестьян, попадая под контроль мелкопоместных дворян, стало испытывать возраставший экономический нажим, обусловленный ростом потребностей шляхтичей при ограниченных хозяйственных ресурсах в их небольших имениях.

В Западной Европе рыцари при подобных же затруднениях стали освобождать своих крестьян от личной зависимости за деньги. В Центральной Европе такой путь был невозможен, ибо из-за более позднего начала феодализации, о чем писалось выше, крестьяне, в большинстве своем, еще оставались лично свободными со строго фиксированными повинностями. В итоге, с XIV в. под нажимом шляхты, для облегчения усиления эксплуатации, феодальные власти стали предпринимать меры по ограничению крестьянских свобод. В течение XVI в. права крестьян были ограничены настолько, что можно констатировать их закрепощение[41].

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ. Как явствует из представленного материала, в развитии общественных отношений у западных славян и германцев было больше различий, чем в материальной культуре и экономике в целом. Близость хозяйственного развития, особенно в позднеродовое время и в первые века средневековья в значительной степени определялась

[40] **Юшко А.А.** Из истории феодального землевладения Московской земли XIV в. // Российская археология. 2001. № 1.

[41] Подробнее см.: **Риер Я.Г.** Народы Центральной и Юго-Восточной Европы. Часть 1. Славяне и их соседи в средние века. Могилев. 2005. С.389-392; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С.394-395.

сходными природными условиями, диктовавшими близкие способы повседневной жизни. Социальные порядки, очевидно, помимо определенного экономического уровня, опирались и на исторически сложившиеся традиции отношений между людьми. С начала новой эры развитие общинных порядков у германцев и славян пошло разными путями. Примерно со II в. германские поселения стали распадаться на мелкие хозяйственные и социальные ячейки – усадьбы-домохозяйства (поля, разделенные межами, известны у северных германцев и раньше) и у них стал вызревать аллод, окончательно, судя по письменным источникам, выделившийся у большинства германцев в частную земельную собственность с VII – VIII вв.[42]

С этого времени, собственно, и начинается в германских землях генезис феодализма. Формирование сословного общества, при существенном влиянии римских порядков (в отношении к частной собственности, в организации земельных держаний), стимулировало закрепление института частновладельческих прав на землю[43]. Сложившиеся при этом господствующие слои использовали данный институт, естественно, в своих интересах. Располагая силой и властью, они на принципах аллода оформляли крупное землевладение, с которым мелкие аллоды крестьян, конечно, не могли конкурировать. Тем более, что численный рост знати, которая обрастала массой служилого люда, объективно вел к созданию вассально-ленной системы. В условиях неразвитости экономических отношений этот слой нельзя было должным образом обеспечить иначе, чем раздачей земли. В дальнейшем, с укреплением данной системы, она была еще раз воспроизведена в ходе формирования рыцарства и его оседания на землю, что отразилось в массовом создании замков-мотте, которое началось у франков с X в., а в бывшем Восточнофранкском (Немецком) королевстве – с XI в.

У славянских племен социальное развитие пошло по иному пути. Почему?

Общинные порядки без значительных изменений продолжали существовать в течение всего I тыс. Лишь с VIII в. отмечено спорадическое появление крестьянских усадеб. Массовое их распространение у западных славян началось с XI – XII вв., да и то не везде. При этом письменных данных о появлении аллода, даже и после выделения усадеб, у славян нет. В этой ситуации не сложился институт частной собственности на землю и социальные верхи, которые появляются в регионе не намного позднее, чем западнее Эльбы (в VIII – IX вв.), дольше оказывались привязанными к великокняжеским столам. Княжеская власть для управления и снабжения создавала на подвластной территории систему административных округов. В итоге господствующий слой в материальном плане оказался ограниченным в своем развитии. Отсюда более медленные темпы феодализации (концентрации земельной собственности и основанного на ней роста частной власти и, соответственно, более медленное и плавное подчинение крестьян). Этому способствовала и сплоченная сельская община. Ибо позднее (по сравнению с германцами) выделение усадеб способствовало и более медленному складыванию имущественной дифференциации среди славянских крестьян, которая до XI – XII вв. в археологических материалах практически не проявлялась, тогда как у германцев она замечается с III в. Логично полагать, что причины различия путей и темпов феодализации у славян и германцев связаны с разными формами земельной собственности. Точнее, речь идет о более раннем формировании частновладельческих прав у германцев.

Таким образом, основной причиной динамичного развития Западной Европы в средние века можно считать складывание у ее населения уже в начале I тыс. н.э. частного землевладения.

---

[42] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М. 1985. Т.1. С.102-103, 250.

[43] См.: **Мильская Л.Т.** Аллод в системе феодального землевладения // Средние века. 1987. Вып.50.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрная история Северо-Запада России. XVI в. Север, Псков. Общие итоги. Л. 1978.
2. **Александрович Н.П.** Ихтиофауна из раскопок Масковичского городища (X – XII вв.) // Древности Белоруссии и Литвы. Мн. 1982.
3. **Алексеев Л.В.** Смоленская земля в IX – XIII вв. М. 1980.
4. **Алексиев Й.** Средневековое поселение близ с.Хотници Великотырновского округа // Rapports du III-e Congrès International d´Archéologie Slave. Т.2. Bratislava.1980.
5. **Ам Т.** Столкновение цивилизаций. Крестовые походы джихад и современность. М. 2006.
6. Археологія Української РСР. К. 1975. Т.3.
7. Археология Украинской ССР. К. 1986. Т.3.
8. **Ауліх В.В.** Соціальний зміст городіща Зимне// Слов'яно-руські старожитності. К. 1969.
9. **Бабич Б.** Раннесредневековые славянские поселения на территории Социалистической Республики Македония // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.2.
10. **Баран В.Д.** Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. К. 1972.
11. **Баран В.Д.** Пражская культура Поднестровья (По материалам поселений у с. Рашков). К. 1988.
12. Белорусская археология. Мн. 1987.
13. **Беляева С.А.** Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV в. (По материалам археологических исследований). К. 1982.
14. **Бибиков С.Н., Толочко П.П.** Проблемы палеодемографии и палеоэкономики. (Археологический аспект исследований) // Проблемы исторической демографии. К. 1988.
15. **Блок М.** Характерные черты французской аграрной истории. М. 1957.
16. **Буров В.А.** Жаровский конец Жабенской волости в VIII – XVI веках по историко-археологическим данным// Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин. 1989.
17. Возникновение и развитие земледелия. М. 1967.
18. **Въжарова Ж.М.** Славянски и славянобългарски селища в Българските земли от края на VI – IX века. София. 1965.
19. **Въжарова Ж.М.** Поселения (селения, городища и городище-крепость) на территории Болгарии // V Международный конгресс славянской археологии/ Резюме болгарских археологов. София. 1985.
20. **Выжарова Ж.Н**. Средневековые жилища на территории Болгарии (по археологическим данным) // Slovenská archeologia. 1986. R.34. Č.2.
21. **Въжарова Ж.М.** Древнеславянские поселения (селища, городища и городища-крепости) на территории Болгарии // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1987. Т.1. Вып.1.

22. **Ганенко А.Н.** Община у аламанов в IV – VII вв. по данным археологии // Из истории древнего мира и средневековья. М. 1988.
23. **Гатев П.** Средневековно селище и некропол от XII в. край с. Ковачево // Разкопки и проучивання. Кн.12. София. 1985.
24. **Гопак В.Д.** Обработка железа у славянских племен юга Восточной Европы во второй половине I тыс.н.э. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.4.
25. **Горский А.А.** От «племенных» центров к центрам феодальных княжеств // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. М. 1989.
26. **Горюнов Е.А.** Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л. 1981.
27. **Гудавичюс Э.** История Литвы. Т.1. С древнейших времен до 1569 года. М. 2005.
28. **Гуревич А.Я.** Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н.э. в свете данных археологии // Советская археология. I960. № 4.
29. **Гурин М.Ф**. Древнее железо Белорусского Поднепровья. Мн. 1982.
30. **Данилова Л.В.** Становление системы государственного феодализма: причины, следствия // Система государственного феодализма в России. Ч. 1. М. 1993.
31. **Дегтярев А.Я.** Русская деревня в XV – XVII веках. Очерки сельского расселения. Л.1980.
32. **Довженок В.Й.** Феодальний маэток в епоху Київської Русі в світлі археологічных даних // Археологія. 1953. T.VIII.
33. **Довженок В.Й.** Землеробство древньой Русі. К.1961.
34. **Довженок В.Й.** Про типи городищ Київської Русі // Археологія. 1975.
35. **Драгун Ю.И.** Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочи // Белорусские древности. Мн. 1967.
36. Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. М. 1985.
37. **Дубов И.В.** Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л. 1982.
38. **Дулов А.В.** Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). М. 1983.
39. **Дучыц Л.У., Шчаглова В.В.** Жывёлагадоўля і паляванне ў жыцці насельніцтва Маскавіцкага гарадзішча (XI – XIII стст.) // Весці АН БССР. Сер. Грамад. Навук. Мн. 1987. № 2.
40. **Дюби Ж.** Средние века. М. 2000.
41. **Жулкус В.В.** Особенности домостроительства Литовского Поморья в XI – XVII вв. // Краткие сообщения Института археологии. 1987. Вып.190.
42. **Жумагулов К.Т.** Аграрный строй древних германцев в трактовке археологов ФРГ // Средние века. 1987. Вып. 50.
43. **Загорульский Э.М.** Возникновение Минска. Мн. 1982.
44. **Заяц Ю.А.** Паселішча X – XIII стст. каля в. Дружба (Рылаўшчына) // Гісторыка-археалагічны зборнік. Мн. 1994.
45. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М. 1985. Т. 1.
46. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М. 1986. Т. 2.
47. **Каргалов В.В.** Последствия монголо-татарского нашествия для сельских местностей Северо-Восточной Руси // Вопросы истории. 1965. № 3.

48. **Кирпичников А.В.** Снаряжение русского всадника в IX – XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. М. 1970.
49. **Кирьянов А.В.** История земледелия Новгородской земли X – XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65.
50. **Кирьянова Н.А.** Земледелие Северо-Восточной Руси XI – XV вв. М. 1991.
51. **Коробушкина Т.Н.** Земледелие на территории Белоруссии в X – XIII вв. Мн. 1979.
52. **Косвен М.О.**Семейная община и патронимия. М. 1963.
53. **Кочин Г.Е.** Развитие землевладения Руси с конца XIII по конец XV в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII – XVII веков. М.; Л. 1960.
54. **Кочин Г.Е.** Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI в. М.-Л. 1965.
55. **Краснов Ю.А.** Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М. 1987.
56. **Куза А.В.** Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н.э. // Древние славяне и их соседи. М. 1970.
57. **Куза А.В.** Малые города Древней Руси. М. 1989.
58. Культура Византии. IV – первая половина VII в. М. 1984.
59. **Лебедев Г.С.** Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985. С.119.
60. **Левашева В.П.** Венчики женского головного убора из курганов X – XII вв. // Славяне и Русь. М. 1968.
61. **Лукин П. В.** «Варварская Европа» и современные проблемы изучения раннесредневековых славянских обществ. О новой книге К. Модзелевского // Славяноведение. 2008. № 2.
62. **Ляпушкин И.И.** Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Материалы и исследования по археологии СССР. 1968. № 152.
63. **Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С.** История Швеции. М. 2002.
64. **Мельникова Е.А.** Меч и лира: Англосаксонское общество в VII – XI вв. М. 1987. С.14-15.
65. **Мильская Л.Т.** К вопросу о трактовке проблемы сельской общины в современной историографии ФРГ // Средние века. 1975. Вып.33.
66. **Мильская Л.Т.** Аллод в системе феодального землевладения // Средние века. 1987. Вып.50.
67. **Моора Х., Лиги Х.** Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. Таллин. 1969.
68. **Моця О.П.** Феодалізація Чернігівської округі в X ст. (за даними поховальних пам'яток) // Археологія. К. 1988. Вип.61.
69. **Никольская Т.Н.** Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX – XIII вв. М. 1981.
70. Очерки по археологии Белоруссии. Мн. 1972. Ч. 2.
71. Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. // Тр. ГИМ. М. 1959. Вып. 33.
72. Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. // Тр. ГИМ. М. 1967. Вып. 43.
73. Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. // Тр. ГИМ. М. 1956. Вып. 32.
74. **Пашкевич Г.А.** Палеоботанические исследования в области славянской археологии // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.4.

75. **Пашкевич Г.А., Петрашенко В.А.** Землеробство і скотарство в Середньому Подніпров'ї в VIII – X ст. // Археологія. 1982. Вип. 41.
76. **Пеняк С.І.** Ранньослов'янське та давньоруське населення Закарпаття VI – XIII ст. К. 1980.
77. **Пеняк С.И.** Новые раннеславянские памятники середины I тыс.н.э. в Закарпатской области УССР // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т. 4.
78. **Петров В.П.** Подсечное земледелие. К. 1968.
79. **Приходнюк О.М.** Слов'яни на Поділлі (VI – VII ст.н.з.). К. 1975.
80. **Приходнюк О.М.** Археологічні пам'ятки Середнього Придністров'я VI – IX ст.н.э. К. 1980.
81. **Рабинович М.Г.** Русское жилище в XIII – XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. 1975.
82. **Раппопорт П.А.** Военное зодчество западнорусских земель X – XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1967. № 140.
83. **Раппопорт П.А.** Древнерусское жилище // Свод археологических источников Е1-32. Л. 1975.
84. **Раппопорт П.А.** Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. 1975.
85. **Рерих Н.К.** Искусство и археология. СПб. 1913. С.7.
86. **Риер Я.Г.** Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X – XIII вв. // СА. 1982. № 4.
87. **Риер Я.Г.** Некоторые вопросы развития феодальной деревни Могилевского Поднепровья в X – XIV вв. // Древности Белоруссии и Литвы. Мн. 1982.
88. **Риер Я.Г.** Природная среда и система сельского расселения в Восточной Белоруссии в X – XIII вв. // Методы естественных наук в археологии. М. 1987.
89. **Рыер Я.Р.** Гаспадарчае развіццё ва Ўсходняй і Цэнтральнай Еўропе ў другой паловe I тыс.н.э.: параўнаўчы аналіз // Гісторыка-археалагічны зборнік. Мн. 1997. № 11.
90. **Риер Я.Г.** Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века. Могилев. 2000.
91. **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековья: опыт структурного анализа. Могилев. 2003.
92. **Риер Я.Г.** Народы Центральной и Юго-Восточной Европы. Часть 1. Славяне и их соседи в средние века. Могилев. 2005.
93. **Розенфельдт Р.Л.** Битяговские курганы // Археологические открытия - 1963 г. М. 1969.
94. **Русанова И.П.** Славянские древности VI – IX вв. между Днепром и Западным Бугом // Свод археологических источников Е1-25. М. 1973.
95. **Русанова И.П.** Славянские древности VI – VII вв. М. 1976.
96. **Русанова И.П., Тимощук Б.А.** Кодын – славянское поселение V – VIII вв. на р. Прут. М. 1984.
97. **Русанова И.П., Тимощук Б.А.** Гнездо славянских поселений у с.Черновка Черновицкой обл. // Краткие сообщения Института археологии. 1984. Вып. 179.
98. **Рыбаков Б.А.** Ремесло древней Руси. М. 1948.

99. **Сванидзе А.А.** Деревенские ремесла в средневековой Европе. М. 1985.
100. **Седин А.А.** Древнее земледелие и скотоводство по материалам раскопок городища Никодимово // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёў. 1994.
101. **Седин А.А.** Оружие из городища Никодимово // V абласныя Магілёускія краязнаўчыя чытанні. Магілёў. 1994
102. **Седов В.В.** Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // Материалы и исследования по археологии СССР. М. 1960. № 92.
103. **Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. // Археология СССР. М.1982.
104. **Седов В.В.** Жилища словенско-кривичского региона VIII – X вв. // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 183.
105. **Семенов В.А.** Материалы и история жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI – первой половине IX в. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск. 1979.
106. **Сказкин С.Д.** Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М. 1963.
107. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. К. 1990.
108. **Сміленко А.Т.** Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II – XIII ст.) К. 1975.
109. **Соловйова Г.Ф.** Замок Рогачівських князів // Слов'яно-руські старожитності. К. 1969.
110. **Тимощук Б.О.** Слов'яни Північної Буковини V – IX ст. К. 1976.
111. **Тимущук Б.О.** Давньоруська Буковина. К. 1982.
112. **Тимощук Б.А.** Социальная типология селищ VI – X вв. // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев. 1985.
113. **Тимощук Б.А.** Восточнославянская община VI – X вв. н.э. М. 1990.
114. **Тимошук Б.А.** Начало классовых отношений у восточных славян (по материалы поселений Украинского Прикарпатья) // Советская археология. 1990. № 2.
115. **Тимощук Б.А.** Восточные славяне: от общины к городам. М. 1995.
116. **Тимощук Б.А., Русанова И.П., Михайлина Л.П.** Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины в V – X вв. // Советская археология. 1981. № 2.
117. **Ткачоў М.А.** Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII – XVIII стст. Мн. 1978.
118. **Толочко П.П.** Город и сельскохозяйственная округа на Руси в IX – XIII вв. // Древние славяне и Киевская Русь. К. 1989.
119. **Третьяков П.Н.** Подсечное земледелие в Восточной Европе // Известия Государственного Института истории материальной культуры. 1932. Т. XIV. Вып. 1.
120. **Третьяков П.Н.** Средневековые замчища Смоленщины // Историко-археологический сборник. М. 1962.
121. **Тыниссон Э.** Некоторые вопросы хронологии эстонских городищ // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин. 1985.
122. **Успенская А.В.** Древнерусское крестьянское жилище по материалам селищ // Славяне и Русь. Л. 1968.
123. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М. 1987.

124. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С.49-57 (Материалы дискуссии). Он же. Столкновение цивилизаций. М. 2006. С.65,158-160.
125. **Харлашов Б.Н.** Археологическое изучение селищ Изборской округи // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 183.
126. **Херрманн Й.** Основные задачи, проблемы и результаты археологических исследований в области ранней истории, проведенных в ГДР за период с 1965 по 1970 г. // Berichte über den II. Internationalen Kongreß für slawische Archäologie. Berlin. 1973. Bd. III.
127. **Хлевов А.А.** Предвестники викингов. Северная Европа в I – VIII веках. СПб. 2002.
128. **Цалкин В.И.** Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР. 1956. № 51.
129. **Цыбин М.В.** Древнерусские памятники второй половины XIII – XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж. 1987.
130. **Чернецов А.В.** К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи // Вестник МГУ. Сер. Историческая. 1972. № 2.
131. **Шаблюк В.І.** Сельскія паселішчы Верхняга Панямоння XIV – XVIII стст. Мн. 1996.
132. **Шадыра В.І.** Жывёлагадоўля і паляванне ў жыцці насельніцтва Беларускага Падзвіння ў 2-ой пал. І тыс. н.э. // Гісторыка-археалагічны зборнік. Мн. 1997. № 12.
133. **Шенников А.А.** Средневековые жилые дома на Руси и в Скандинавии // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Славяно-русские древности. Л. 1983. Вып. 1.
134. Этнография восточных славян. М. 1987.
135. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. К. 1985.
136. **Юшко А.А.** О феодальном землевладении Московской земли XIV вв. // Археологические источники об общественных отношениях эпохи феодализма. М. 1988.
137. **Юшко А.А.** Из истории феодального землевладения Московской земли XIV в. // Российская археология. 2001. № 1.
138. **Abel W.** Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart. 1962.
139. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an ländlichen und frühstädlichen Siedlungen im deutschen Küstengebiet vom 54. Jahrhundert v.Chr. bis zum II. Jahrhundert n.Chr. Ländliche Siedlungen. Weinheim. 1984. Bd.1.
140. **August O.** Untersuchungen an Königshufenfluren bei Merseburg // Varia Archæologica. Festschrift für Wilhelm Unfersagt. Berlin. 1964. Bd.3.
141. **Belcredi L.** Zanikla středověké osady na Drahanské vrchovine ve svetle archeologických nalezů // Vlastivědny věstnik moravský. 1983. No. XXXV.
142. **Belcredi L.** Zemedelské a remeslnické nastroje na zaniklych středověkých osadach // Archæologia historica. 1983. No. 8.
143. **Bentzien U.** Bauerarbeit im Feudalismus. Berlin. 1980.
144. **Beranová M.** Zemědelská výroba v 11.-14. stoleti na ūzemi Československa. Praha. 1975.

145. **Beranová M.** Zemědélstvi starých slovanů. Praha. 1980.
146. **Beranová M.** Způsob chovu dobytka u slovanů v 6.-10. stoleti // Slované 6.-10. stoleti. Brno. 1980. S.22-24.
147. **Beresford M.** A deserted medieval village in England // Scientific American. 1976. Vol. 255. No.4.
148. **Born M.** Die Entwicklung der deuschen Agrarlandschaft. Darmstadt. 1974.
149. **Boüard M. de.** Geschichte und Archäologie des Mittelalters // Archäologie als Geschichtwissenschaft, Schiften zur Ur- und Frühgeschichte, 30. Berlin. 1977. S.75-78.
150. **Brachmann H.** Slawische Stämme an Elbe und Saale. Zu ihrer Geschichte und Kultur in 6. bis 10. Jahrhundert – auf Gerund archäologischer Quellen // Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin. 1978. Bd. 32. S.82.
151. **Brachmann H.** Der mittelalterliche Befestigungsbau. Untersuchungen zu Stellung und Funktion der Wehrbauten im Geneseprozeß der mittel-europäischen Feudalgeselschaft // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. 1985. Jg. 26. H. 3.
152. **Buško C.** «Day, at ja pobruczę...». Przyczynek do dziejow przetwórstwa zbozowego w sredniowiecznym Wrocławiu // Archaeologia Historica Polona. Toruń. 2003. T. 13.
153. **Čaplovič D.** Stredoveké zaniknuté dedinský osidlénie na východnom Slovensku // Slovenská archeologia. 1983. R. 31. No. 2.
154. **Čaplovič D.** Archeologický výskum stredovekého dedinského domu na Slovensku // Archæologia historica. 1987. No. 12.
155. **Čaplovič D., Hajnalová E., Hanuliak M., Ruttkay A.** Stredoveká dedina na Slovensku ako základný fenomén feudálnej ekonomiký // Archæologia historica. 1985. No. 10.
156. Čechy v době slovanské. Archeologie o vzniku a počatcich českeho statu. Praha. 1984.
157. **Černý E.** Osudy plužin zaniklých středověkých osad na Drahanské vrchovině // Historická geografie. 1973. No.11.
158. **Černý E.** Typy plužin zaniklých středověkých osad na Drahanské vrchovině y hlediska vertikalni členistosti terénu // Archæologia historica. 1976. No.1.
159. **Černý E.** Zaniklé středověké osady a jeich plužiny. Praha. 1979.
160. **Chmielowski S.** Gospodarka rolna i hodowlana w Polsce w XIV i XV wieku // Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. 1962. T. 5. No. 2.
161. **Dąbrowska E.** Wielkie grody dorzecza górnej Wisły. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1973.
162. **Dąbrowska E.** Etapy ksaltowania się osadnictwa grodowego i formowania organisacji grodowzch u slowian zachodnich we wczesnym średniowiezu w Lądzie nad środkową Wartą // Poznań. 1978.
163. **Dąbrowski H.** Rozwój gospodarki rolnej w Polsce od XII do połowy XIV wieku // Studia z dzieów gospodarstwa wiejskiego. 1962. T. 5. No. 1.
164. **Dembińska M.** Formy wykorzystania lasu // Dzieje lasów, lesnictwa i drzewnictwa w Polsce. Warszawa. 1965.
165. **Dembińska M.** Przetwórstwo zbożowe w Polsce średniowiecznej (X – XIV wiek). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1973.
166. **Dannenbauer H.** Bevölkerung und Besiedlung Alemanniens in der fränkischen Zeit // Zur Geschichte der Alemannen. Darmstadt. 1975.

167. **Dembińska M.** Zmiany w strukturze hodowli na ziemiach polskich we wczesnym śreniowieczu // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1975. R. XXIII. No. 2.
168. **Denecke D.** Zum Stand der interdisziplinären Flurforschung // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. 1980. T. 3. No. 116.
169. Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Berlin. 1985.
170. **Donat P.** Haus und Hof // Die Slawen in Deutschland. Berlin. 1970.
171. **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert. Berlin. 1980.
172. **Donat P.** Zur Frage des Bodeneigentums bei den Westslawen (Ein Diskussionsbeitrag) // Jahrbuch für Geschichte des Feudslismus. Berlin. 1980. Bd. 4.
173. **Donat P.** Die Landwirtschaft in der Zeit der Herausbildung und Festigung des Feudalismus in Mitteleuropa // Zeitschrift für Geschichtwissenschaft. 1983. Jg. 31. H. 8.
174. **Donat P.** Hausbau und Siedlung // Die Germanen. Berlin. 1983.
175. **Donat P.** Siedlungsforschung und die Herausbildung des Bodeneigentums bei den germanischen Stämmen // Zeitschrift für Archäologie. 1985. Jg. 19. H. 2.
176. **Dostál B.** Zemědělská výroba na územi ČSSR v 6.-10. stoleti // Archæologia historica. 1976. No. 1.
177. **Dostál B.** Břeclav-Pohansko. III. Časne slovanské osidlenie.Brno. 1985.
178. **Dostál B.** Stavebni kultura 6.-9. Stoleti na uzemi ČSSR // Archæologia historica. 1987. No. 12.
179. **Ennen E., Janssen W.** Deutsche Agrargeschichte. Vom Neolithikum bis zur schwelle des Industriezeitaltes. Wiesbaden. 1979.
180. **Fehring P., Günter P.** Zur archäologischen Erforschung mittelalterlicher Dorfsiedlungen in Südwestdeutschland // Zeitschrift für Archäologie. 1973. Jg. 21. H. 1.
181. **Fiala A., Habovštiak A., Štefanovičová T.** Opevnené sidliská z 10.-13. storočiu na Slovensku // Archeologia Polski. 1975. R.27.
182. **Filipowiak W.** Z badań nad wczesnośredniowieczną wsią zachodniopomorską (Dobropole, pow.Kamień) // Archeologia Polski. 1972. R. XVII. Z. 1.
183. **Gardawski A.** Problem przelomu w technike uprawy roli na ziemiach polskich w pierwszym tysiącleciu n.e. // Studia z dzieów gospodarstwa wiejskiego. 1966. Ň.8.
184. **Gensen R.** Frühmittelalterlich Burgen und Siedlungen in Nordhessen // Ausgrabungen in Deutschland. Mainz. 1975. T. 2.
185. **Gieysztor A.** W sprawie początków trojpolówki w Polsce i krainach sąsiednich // Prace z dziejów Polski feudalnej. Warszawa. 1960.
186. **Głosek M.** Inwentarz kulturowy czternactowiecznyzch zagród w Dracy w Burgundii i w Zgierzu w Polsce środkowej – próba porównania // Medievalia archæologika. Wrocław etc. 1986.
187. **Goehrke K.** Wüstungsperioden des frühen und hohen Mittelalters in Osteuropa // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden. 1968. T. 16.
188. **Gojda M., Kuna M.** Časně slovanský sidelni areál v Roztokach, okr.Praha-zapad // Archeologické rozhledy. 1985. R. 37. Č. 2.

189. **Górska I., Paderewska L., Pyrgała J., Szymański W.** Grodziska Mazowsza i Podlasia (w granicach dawnego województwa warszawskiego). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1976.
190. **Grees H.** Die Auswirkung von Wüstungsvorgängen auf die Überdauernden Siedlung // Beiträge zur Genese der Siedlungs- und Agrarlandschaft in Europa. Wiesbaden. 1968.
191. **Grimm P.** Zum Verhältniss von Dorf, Hof und Burg in Nordwestthüringen im 12./13. Jahrhundert // Archäologie als Geschichtswissenschaft. Studien und Untersuchungen. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin. 1977. Bd. 30.
192. **Gringmuht-Dallmer E.** Probleme der landwirtschaftlichen Produktion des 1. Jahrtausend u.Z. in Mitteleuropa // Produktionskräfte und Geselschaftformationen in vorkapitalistischer Zeit. Berlin. 1981.
193. **Gringmuht-Dallmer E.** Frühgeschichtliche Pflugspuren in Mitteleuropa // ZfA. 1983. Jg. 17. H. 2.
194. **Gringmuht-Dallmer E.** Der frühgeschischtliche Landesaufbau als Element der Ptoduktivkräftentwicklung // Produktivkräfte und Produktionsverhältnisse in ur- und frühgeschichtlicher Zeit. Berlin. 1985.
195. **Gringmuht-Dallmer E.** Die Entwicklung der frühgeschichtlichen Kulturlandschaft auf der Territorium der DDR unter besonderer Berucksichtigung der Siedlungsgebiete. Berlin. 1985.
196. **Guerquin B.** Zamki Śląskie. Warszawa. 1957.
197. **Haarnagel W.** Das eisenzweitliche Dorf „Feddersen Wierde", seine siedlunsgeschichtliche Entwicklung, seine wirtschaftliche Funktion und die Wandlung seiner Sozialstruktur // Das Dorf der Eisenzeit und der frühen Mittelalters. Göttingen. 1977.
198. **Haarnagel W.** Die Grabung Feddersen Wierde. Methode, Hausbau, Siedlungs- und Wirtschaftsformen sowie Sozialstruktur. Wiesbaden. 1979.
199. **Habovštiak A.** Stredoveká dedina na Slovensku. Bratislava. 1985.
200. **Hanušin J.** Nejstaršie vodné mlyny na Slovensku (do konca 13. storočia) // Dějiny věd a techniky. Praha. R. 1979. Č. 1.
201. **Hejna A.** České tvrze. Praha. 1961.
202. **Henning S.** Unterschiede und Gemeinsamkeit zwischen slawischer und fränkischer Ladwirtschaft in Gebieten frühmittelalterlicher Stadtentwicklung // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т. 2.
203. **Hensel W.** Słowianszczysna wczesnośredniowieczna. Warszawa.1965.
204. **Herrmann J.** Wasserstand und Siedlung im Spree-Hafel Gebiet in frühgeschichtlicher Zeit // Ausgrabungen und Funde. 1959. Bd. 4. H. 2.
205. **Herrmann J.** Kultur und Kunst der Slawen in Deutschland von 7. Bis 13. Jahrhundert. Berlin. 1965.
206. **Herrmann J.** Tomow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz Berlin. 1966.
207. **Herrmann J.** Siedlung, Wirtschaft und geselschaftliche Verhältnisse der slawischen stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin. 1968.
208. **Herrmann J.** Der Beitrag der Ausgrabungen in Tornow, Kr.Calau, zur germanischen und slawischen Siedlungs-, Wirtschafts- und Kulturgeschichte // Zeitschrift für Geschichtwissenschaft. 1970.
209. **Herrmann J.** Hauptaufgaben, Probleme und Ergebnisse der archäologischen Frühgeschichtforschung in der DDR in den Jahren 1965 – 1970 // Berichte

über den II. Internationalen Kongreß für slawische Archäologie. Berlin. 1970. Bd. 1.
210. **Herrmann J.** Probleme der Herausbildung der archäologischen Kulturen slawischer Stämme des 6.-9. Jh. // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava. 1979. T. 1.
211. **Herrmann J.** Probleme der Fruchtwechselwirtschaft im Ackerbau des 8. Bis 9. Jh. Am Beispiel ausgewählter schriftlicher und archäologischer Quellen // Zeitschrift für Archäologie. 1981. Jg. 15. H. 1.
212. **Herrmann J.** Burgen und Befestigungen des 12. und 13. Jh. in landesherrlichen Territorialpolitik und bäuerlicher Siedlung in der weiteren Umgebung von Berlin // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. 1986. Jg. 20. H. 1.
213. **Hilczerówna Z.** Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początku XI w. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1967.
214. Historia kultury materialnej Polski w zarysie. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1978. T. 1.
215. **Holl I.** Mittelarchäologie in Ungarn (1946 – 1964) // Acta Archaeologica Hungariae. 1970. T.23.
216. **Holl I., Paradi N.** Das Mittelalterliche Dorf Sarvari. Budapest. 1982.
217. **Hurst J. G.** Medieval Village Excavation in England // Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihren Anfängen. Schriften des Sektion für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 25. Berlin. 1969. S.258.
218. **Jäger H.** Entwicklungsperioden agraren Besiedlungsgebiete im mittleren Westdeutschland seit dem frühen 13. Jahrhundert // Würzburger Geographische Arbeiten. Würzburg. 1958. Bd.6.
219. **Jankuhn H.** Dorf, Weiler und Einzelhof in der Germania Magna // Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihren Anfängen. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. Berlin. 1969. Bd. 25.
220. **Jankuhn H.** Germanen und Slawen // Berichte über den II. Internationalen Kongreâ für slawische Archäologie. Berlin. 1970.
221. **Jankuhn H.** Archäologie und Geschichte. Vorträge und Aufsätze (Beitrage zur siedlungsarchäologischen Forschung). Berlin-New Jork. 1976. Bd. 1.
222. **Janssen W.** Dorf und Dorfformen des 7. Bis 12. Jahrhunderts im Lichte neuer Ausgrabungen in Mittel- und Norduropa // Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters. Göttingen. 1977.
223. **Janssen W.** Königshagen. Ein archäologisch-historischer Beitrag zur Siedlungsgeschichte des südwestlichen Harzvorlandes. Hildesheim. 1965.
224. **Janssen W.** Mittelalterliche Dorfsiedlungen als archäologisches Problem // Frühmittelalterliche Studium. Jahrbuch des Institutis für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Berlin. 1968. Bd. 2.
225. **Janssen W.** Probleme und Ergebnisse der Wüstungsforschung im südwestlichen Harzrandgebiet // Wüstungen in Deutschland. Frankfurt am Main. 1967.
226. **Janssen W.** Studien zur Wüsrtungsfrage im fränkischen Altsiedelland zwischen Rhein, Mosel und Eifelnordland. Köln. 1975.
227. **Janssen W.** Die Bedeutung der mittelalterlichen Burg für die Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Mittelalters // Das Handwerk in vor- und frühgeschichte Beiträge. Göttingen. 1983.

228. **Janssen W u. B.** Stand und Aufgaben der Archäologie des Mittelalters im Rheinland // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 1973. Bd.I.
229. **Kaletynowie M. i T., Łodowski J.** Drodziska wczesnośredniowieczne województwa wrocławskiego. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1968.
230. **Kamińska J.** Grodziska stożkowate sladem posiadłosti rycerskich XIII – XIV wieku // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodżi. Seria archeologiczna. 1960. No. 13.
231. **Kašička F.** Tvrze střednich Čech. Praha. 1984.
232. **Klichowska M.** Znaleziska zbóż na terenie ziem polskich od neolitu do XII wieku n.e. // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1961. R. 9. No. 4.
233. **Kudrnač J.** Die slawischen eingertieften Wohnstädtten // Vznik a počatky Slovanů. 1966. T. 6.
234. **Kudrnač J.** Die ältesten slawischen Burgwälle in der Tschechoslovakej // Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihren Anfängen. Berlin. 1969.
235. **Kudrnač J.** Klučov – staroslovanské hradiště ve střednich Čechach (K počátkum nejstaršich slovanských hradišť v Čechach). Praha. 1970.
236. **Kühlhorn E.** Untersuchungen zur Topographie mittelalterlichen Dörfer in Sudniedersachsen // Forschungen zur deutschen Landeskunde. Bad Godesberg. 1964. Bd.148.
237. **Kurnartowski S.** Przemiany techniki uprawy roli w czasach między epoką brązową i wczesnym średniowieczem a rozmiszczenie stref zasiedlenia // Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. 1966. T. 8.
238. **Lange E.** Botanische Beitrage zur mittelalterlichen Siedlungsgechichte zur Wirtschaft und Kulturlandschaft in frühgeschichtlicher Zeit. Berlin. 1971.
239. **Lange E.** Grundlagen und Entwicklungstendenzen der frühgeschichtlichen Agrarproduktion aus botanischer Sicht // Zeitschrift für Archäologie. 1976. Jg. 10. H. 1.
240. **Laszlovszky O.** Einzelnhofsiedlungen in der Arpadenzeit // Acta archaeologica. Budapest. 1986 T.38. Fasc.I/2.
241. **Lepiksaar J., Heinrich D.** Untersuchungen an Fischresten aus der fruhmittelalterlichen Siedlung Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. 1977. Nĭ.10.
242. **Łosiński W.** Z badań nad przemianami gospodarczymi w starszych fazach wczesnego średniowiecza na Pomorzu Zachodnim // Archeologia Polski. 1971. R. XVI. Z.1/2.
243. **Łosiński W.** Osadnictwo plemienne Pomorza (VI – X wiek). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź. 1982.
244. **Menclová D.** České hrady. Praha. 1972. Tt. I-II.
245. **Meřzinský Z.** Přispevěk k možnoctem rekonstrukce středověké krajiny uzemi zaniklych vesnic a typů sidlišť // Archæologia historica. 1987. No. 12.
246. **Modzelewski Ę.** Barbarzyńiska Europa. Warszawa, 2004.
247. **Mrusek H.J.** Thüringische und sächsische Burgen. Leipzig. 1965.
248. **Müller H.-H.** Zur Nutzung der frühgeschichtlichen Haustiere // Berichte über den II. Unternational Kongreß für slawische Archäologie. Berlin. 1973. Bd. III.
249. **Müller H.-H.** Die Tierreste aus dem slawischen Burgwall von Berlin-Blankenburg // Archäologie als Geschichtswissenschaft. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin. 1977. Bd. 30.

250. **Müller H.-H.** Tieropfer in der slawischen Tempelburg von Arkona auf Rügen // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava. 1980. T. 2.
251. **Müller H.-H.** Zur Kentnis der frühgeschichtlichen Pferde bei den Slawen zwischen Elbe/Saale und Oder // Przegląd archeologiczny. 1981. T. 28.
252. **Müller-Wille M.** Mittelalterliche Burghügel „Motten" im nordlichen Rheinland // Beiheft der Bonner Jahrbücher. Köln. 1966. Bd. 16.
253. **Musiolek P., Eppelrein S., Fischer H., Kagel W., Schattkowsky M.** Zu problem von Geselschaft und unwell in der Vorkapitalistischen Produktionswesen // Jahrbuch fur Wirtschaftsgeschichte. 1985. Teil IV.
254. **Nekuda R.** Přinos historické archeologie k výzkumu zaniklych středověkých osad v Europě // Archaeologia historica. 1976. No. 1.
255. **Nekuda V.** Středověká ves Mstěnice. Deset let archeologického výzkumu. 1960 – 1970 // Vlastivědny věstnik moravský. 1972. S.1972. T. XXIV.
256. **Nekuda V.** Zum Stand der Wüstungsforschung in Mähren (ČSSR) // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 1973. Jg. 1.
257. **Nekuda V.** Pfaffenschlag. Zaniklá středověká ves u Slavonic. Brno. 1975.
258. **Nekuda V.** Přispěvek k charakteristici středověké zemědělské usedlosci na Moravě // Archæologia historica. 1976. No. 1.
259. **Nekuda V.** Středověká vesnice na Moravě ve světle archeologických výzkumů // Archæologia historica. 1982. No. 7.
260. **Nekuda V.** Vesnický středověký dům na Moravě // Archæologia historica. 1984. No. 9.
261. **Nekuda V.** Zemědělská vyroba v obdobi feudalismu na Morave // Archæologia historica. 1985. No. 10.
262. **Nekuda V., Unger J.** Hrádky a tvrze na Moravě. Brno. 1981.
263. **Olczak J., Siuchniński K.** Typologia wczesnośredniowiecznych grodisk Pomorza środkowego // Slavia antiqua. 1976. T. 23.
264. **Pesez J.-M.** L'archéologie du village mediéval en France // Le village en France et en URSS des origines à nos jours. Toulouse. 1975. P. 77-80.
265. **Petresku-Dimbovita M.** Slovanské sidliska v Moldavskej oblasti Rumunska // SA. 1958. R.VI.
266. **Pleinerová I.** Březno. Vesnice prvnich Slovanů v severozápadnich Čechách. Praha. 1975.
267. **Pleinerová J.** Experimenty se stavdoy a odývánim staroslovanských domu // Vesmir. 1983. R. 61. No. 12.
268. **Podwińska Z.** Technika upravy roli w Polsce średniowiecznej. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1962.
269. **Podwińska Z.** Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wczesnejszym średniowieczu. Wroclaw-Warszawa-Gdańsk. 1971.
270. **Poklewski T.** Spicymierska włość grodowa w średniowieczu. Łódź. 1975.
271. **Poulik J.** K orazce vzniku předvelkomoravských hradišť // Slovenská archeologia. 1988. T. 36. Č. 1.
272. **Radig W.** Die Siedlungstypen in Deutschland und ihre frühgeschichtlichen Wurzeln. Berlin. 1955.
273. **Radig W.** Frühformen der Hausentwicklung in Deutschland. Berlin. 1958.
274. **Reichstein H., Taege K.G., Vogel H.-P., Heinrich D.** Untersuchungen an Tierknochen von der frühslawischen Wehranlage Bischowswarder am Großen Plöner See // Bosau IV. Offa – Bücher, 42. Neumünster. 1981.

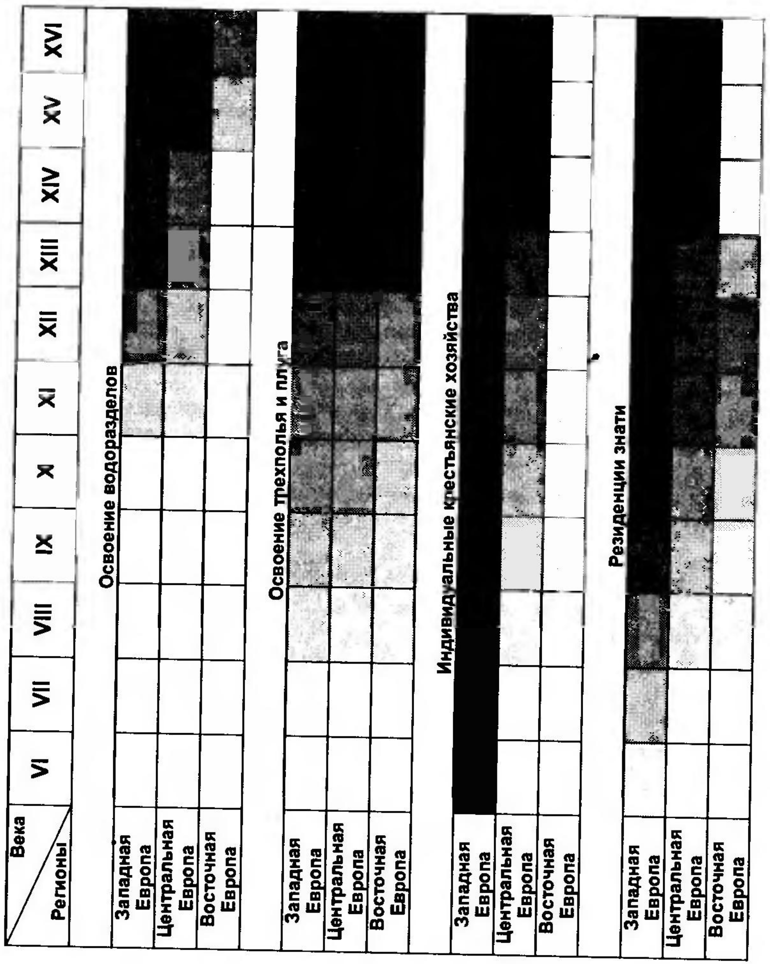
275. **Rowley T.** Villages in the Landscape. London. 1978.
276. **Schneider W.** Dorf, Weiler oder Einzelhof? Die Urform der alamanischen Siedlungen // Schneider W. Arbeiten zur alamanischen Frühgeschichte. Tübingen. 1979. Bd. VII/VIII.
277. **Smetánka Z.** Přirodni poměry a osidlovani Čech v 10.-13. stoleti // Archæologia historica. 1978. No. 3.
278. **Smetánka Z.** Současny stav archeologického výzkumu hmotné kultury zemedelských osad X – XV stoleti v Čechach// Československý časopis historický. Praha. 1965. R. 13. No. 2.
279. **Snašil R.** Archeologie a vesnická sidlište 10.-13. stoleti na Moravě// Archeologické rozhledy. 1975. R. 27. Č. 3.
280. **Snašil R.** Zivotna prostředi vesnických sidlišť 10.-15. stoleti ČSR // Archæologia historica. 1976. No. 1.
281. **Snašil R.** Změný sidlištni sitě a jeich přičiny v 10.-19. stoleti // Vlastivěda moravská. „Uherskohradišťsko". Bmo. 1982.
282. **Sobociński M., Schramm Z.** Zwiezecy materiał kostny z wykopalisk w Gnieznie // Zeszyty Naukowe Uniwersitetu Mikolaja Kopernika w Torunie. Nauki Humanistyczno-spoleczne. Z. 45. Archeologia. No. 3. Toruń. 1972.
283. **Steuer H.** Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa // Geschichtwissenschaft und Archäologie. Sigmaringen. 1979.
284. **Steuer H.** Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. 3. Göttingen. 1982. No. 128.
285. **Stremski M.** Uwagi ogólne o przemianach środowiska geograficznego Polski jako tła przirodniczego rozwoju rolnictwa od polowy trzeciego tysiąclecia p.n.e. do naszych czasów // Zarys historii gospodarstwa wiejskiego w Polsce. Warszawa. 1964. T. 1.
286. **Struve K.W.** Sächsische und slawische Burgen in Holstein // Frühen zu vor- und frühgeschichten Denkmälern. Mainz/Rhein. 1968. Bd. 10.
287. **Struve K.W.** Ziel und Ergebnisse von Untersuchungen auf drei slawischen Burgwällen Ostholsteins // Ausgrabungen in Deutschland 1950 – 1975. Mainz. 1975. Teil 3.
288. **Szafrański W., Szafrańska Z.** Z badań nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem wiejskim w Biskupinie // Polskie badania archeologiczne. 1961. T. 6.
289. **Szulc H.** Badania geograficko-historyczne nad osadnictwem wiejskim w Skandinawii // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1969. R. 17.No.5.
290. **Šolle M.** Štaroslovanské hradisko: Charakteristika, funkce, vývoj a význam. Praha-Vyšehrad. 1984.
291. **Štěpánek M.** Opevněná sidlišté 8.-12. stoleti ve středni Evropě. Praha. 1965.
292. **Štěpánek M.** Osidleni a zemědělska výroba v českých zemich v 10.-13. stoleti // Počátky českého statu. Sbornik přispěvků. Praha. 1973.
293. **Tempir Z.** Archeologické nálezy zemědělských rostlin a plevelů v Čechach a na Moravě // Vědecké práce Československeho zemědělského muzea. Praha. 1968. No. 8.
294. **Tempir Z.** Archeologické nálezý zemědělských rostlin a plevelů na Slovensku // Agrikultura. Nitra. 1969. No. 8.

295. **Timpel W.** Gommerstedt: Ein hohmittelalterlicher Herrensitz in Thüringen. Weimar. 1982.
296. **Urbańska A., Kurnatowski S.** Rozwój terenów osadniczych w polnocznej cześci województwa zielonogórsckego od I do XII wieku // Studia nad początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Odrą i dolną Wartą. Zielona Góra. 1967. T. 1.
297. **Vandor I.** Das siedlunghsgeschichtliche Bild des südwestlichen Teil Trabsdanubiens (IX – XIII Jh.) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1987. Т.2.
298. **Wielowiejski J.** Zagadnienie przełomu w techtice uprawy roli w piewszym tysiącletiu N.E. na ziemiach Polskich // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1955. T.1.
299. **Winkelmann W.** Ausgrabungen in der frühmittelalterlichen Siedlung bei Warendorf (Westfalen) // Neue Augrabungen in Deutschland. Berlin. 1958.
300. **Zajączkowski S.** Studia nad osadnictwem dawnych ziem łęczyckiej i sieradzkiej w XII – XIV w. // Studia z dzieów osadnictwa. Warszawa. 1966. T. IV.
301. **Zajchowska S.** Rozwój osadnictwa w połnocznej części województwa zielonogórskiego od XII do XV wieku // Studia nad początkami i rozplanowaniem miat nad środkową Obrą i dolną Wartą. Zielona Gora. 1967. T.1.
302. **Zoller D.** Untersuchung von Dorfkern und Wirtschaftsstruktur mit arschäologischen Methoden // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. Hildesheim. 1969. Bd. 4.
303. **Žemlička J.** Vývoj osidleni dolniho Poohři a Českeho středohoři do 14. stoleti. Praha. 1980.

СОКРАЩЕНИЯ

ТрГИМ – Труды Государственного исторического музея.

ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДЕРЕВНЕ ЕВРОПЫ (сводная таблица)

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Риер Яков Григорьевич

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЕВНИ:

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

КУРС ЛЕКЦИЙ

Технический редактор *А.Н. Гладун*
Компьютерная верстка *А.Л. Позняков*
Корректор *А.Л. Позняков*

Подписано в печать 17.09. 2008.
Формат 60x84/16. Гарнитура ArialCyr.
Усл.-печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 100 экз. Заказ № 401

Учреждение образования "Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова", 212022, Могилев, Космонавтов, 1
ЛИ № 02330/278 от 30.04.2004 г.

Отпечатано на ризографе отдела оперативной полиграфии УО "МГУ им. А.А. Кулешова". 212022, Могилев, Космонавтов, 1

Риер *Яков Григорьевич*, родился в 1947 г. в Минске. В 1969 г. окончил исторический факультет Могилевского госпединститута. Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Могилевского государственного университета. Преподает историю средних веков и историческую демографию.

Сфера научных интересов – аграрная история и археология средневековой Европы, история цивилизаций в древности и средневековье.

Автор более 180 книг и статей. Среди них монографии и учебные пособия:

- Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. – Могилев, 2000;
- Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. – Могилев, 2003.
- Очерки истории средневековых цивилизаций. – Могилев, 1997.
- Историческая демография. – Могилев, 1999, 2006.
- История средневековых цивилизаций: Учебное пособие. Часть 1. Западная, Центральная и Южная Европа в V – X вв. Часть 2. Азия, Африка и Америка в V – XV вв. – Могилев, 2001.
- История средневековых цивилизаций: Учебное пособие. Часть 3. Западная, Центральная и Южная Европа в первой половине II тысячелетия. – Могилев, 2002.
- История средневековых цивилизаций: Учебное пособие. Часть 4. История средневековой культуры. – Могилев, 2002.
- История средневековых цивилизаций: Учебное пособие. Часть 5. Западная и Центральная Европа: позднее средневековье и начало нового времени. – Могилев, 2003.
- Народы Центральной и Юго-Восточной Европы. Славяне и их соседи в средние века: Учебное пособие. – Могилев. 2005.
- Монголия, Корея и страны Юго-восточной Азии в средние века: Учебно-методическое пособие. – Могилев, 2007.

ISBN 978-985-480-474-3

9 789854 804743